

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ

Выпуск 23

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
Ленинградское отделение
1989

Редколлегия:
академик Д. С. ЛИХАЧЕВ,
В. Э. ВАЦУРО, С. А. ФОМИЧЕВ

Рецензенты:
А. А. Карпов, С. А. Кибальник

В $\frac{4603020101-509}{042(02)-89}$ 456-89

ISBN 5-02-027902-1

© Издательство «Наука», 1989 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий выпуск «Временника Пушкинской комиссии» (двадцать третий по общему счету) сохраняет традиционную структуру данного издания. Он, как обычно, состоит из четырех разделов.

Первый из них — «Материалы и сообщения» — открывается статьей С. К. Романюка, которая содержит новые сведения и богатый фактический материал о родных Пушкина. В статье Р. В. Иезуитовой анализируется творческая история «Альбома Онегина». В исследовании Н. В. Беляка и М. Н. Виролайнен рассматривается отражение «Тарара» Бомарше в «Моцарте и Сальери» Пушкина.

В разделе «Обзоры» продолжена публикация подготовленного В. В. Зайцевой аннотированного указателя пушкиноведческой литературы, появившейся в печати в 1985 г. Здесь же помещен каталог аннотаций портретных рисунков А. С. Пушкина (А—Б), подготовленный Р. Г. Жуйковой.

Большое место в разделе «Заметки» занимают материалы для комментария к лирике Пушкина, к роману «Евгений Онегин», к «Скупому рыцарю» и «Истории Пугачева». Ряд заметок посвящен окружению поэта, помещено также исследование о несуществующем замысле Анны Ахматовой — книге о Пушкине.

Раздел «Хроника» представлен материалами газетной периодики 1985 г.

Все цитаты из Пушкина, если цитируемое издание не оговаривается особо, по-прежнему даются по Полному собранию сочинений (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1949. Т. I—XVI). При ссылках на это издание римская цифра означает номер тома, арабская — номер страницы (дополнительный, «Справочный

том», вышедший в 1959 г., обозначается как том XVII). Ссылки на автографы Пушкина, хранящиеся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, даются сокращенно: ПД (т. е. Рукописный отдел Пушкинского Дома, ф. 244, оп. 1), далее указывается номер единицы хранения и в случае необходимости соответствующий лист рукописи.

І. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

С. К. РОМАНЮК

К БИОГРАФИИ РОДНЫХ ПУШКИНА

В продолжение многих лет дед и отец А. С. Пушкина жили в Москве, в обширной и по московским понятиям полузагородной-полугородской усадьбе, расположенной сравнительно далеко от центра города — на Божедомке.¹ Там, на севере Москвы, у берегов речки Неглинной раскинулось владение деда Пушкина Льва Александровича, выходявшее одним краем к «проезжему переулку, следующему на Убогий дом (к урочищу, где находилась церковь св. Иоанна Воина, что на Божедомке. — С. Р.) и в Мещанские слободы». Ближе к Божедомскому переулку, как называлась до 1940 г. Делегатская улица, стояло главное здание усадьбы — деревянный одноэтажный дом, окруженный двумя деревянными же флигелями. За домом — огромный сад и в конце его, над обрывом, находились несколько оранжерей, а внизу — большой пруд, образованный запруженной Неглинной.² В оранжереях росли «всякие деревья», а в пруду водилась рыба, что было специально оговорено в тексте купчей, заключенной при продаже этой усадьбы, площадь которой составляла более 6 га.

Усадьба числилась за Л. А. Пушкиным еще по переписи, проведенной в Москве в начале 30-х—середине 40-х гг. XVIII в.: «В приходе церкви Живоначальной Троицы, что в Троицкой слободе, двор Главной полевой артиллерии капрала Льва Алек-

¹ Ныне ул. Делегатская, д. № 11—15.

² Планы усадьбы см.: Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) (Москва), ф. 103, оп. 1, д. 1383, л. 2; ф. 46, оп. 7, д. 6673, л. 72. План главного дома Пушкиных опубликован в кн.: Архитектурные альбомы М. Ф. Казакова. М., 1956. С. 209 (фасад, изображенный там же, относится к другому строению, стоявшему в саду над прудом и построенному уже при следующем владельце — В. И. Нелидове, возможно, по проекту архитектора В. П. Стасова). План 1806 г. см.: Сытин П. В. История планировки и застройки Москвы. М., 1954. Т. 2. С. 470 (план), 553 (экспликация).

сандрова сына Пушкина на белой земле, по крепости...».³ Уже в самой первой из исповедных ведомостей приходской Троицкой церкви,⁴ которые сохранились с 1737 г., появляется фамилия деда А. С. Пушкина: «〈Дом〉 господина Льва Александровича Пушкина; служители: вдова Марина Иванова 44 〈лет〉, Ирина Григорьева 48 〈лет〉».⁵ В исповедных ведомостях за 1745 г. читаем: «...полевой алтирелии сержант Лев Александров сын Пушкин 23 〈лет〉, жена ево Марья Матвеева 21 〈года〉, люди ево...».⁶ В других исповедных ведомостях записаны и дети Л. А. Пушкина от его первого брака с М. М. Воейковой — Николай, Петр и Александр. С 1756 г. из ведомостей исчезает упоминание имени М. М. Воейковой, а в 1765 г. появляется Ольга Васильевна Чичерина.⁷ При ней усадьба получила значительное приращение: на ее имя был прикуплен за 900 р. большой участок по соседству, принадлежавший князю Б. А. Голицыну.⁸ Некоторое время имена детей Л. А. Пушкина от первого брака записываются в исповедных ведомостях вместе с фамилией второй жены, но потом в записях остаются только дети от второго брака: первый ребенок, родившийся 20 марта 1765 г., дочь Анна; старший сын Василий, который родился 27 апреля 1766 г.; второй сын Сергей, родившийся 23 мая 1767 г.,⁹ и дочь Елизавета, родившаяся 13 августа 1776 г.¹⁰ Лев Александрович Пушкин в возрасте 67 лет умирает; в метрической книге Троицкой церкви 1790 г. появляется следующая запись: «Умре по христианской должности октября 24 дня артиллерии подполковник Лев Александрович Пушкин, коему от роду было 67 лет, и похоронен 26 числа в Донском монастыре».¹¹

³ Переписные книги города Москвы 1737—1745 гг. М., 1891. Т. 7. Стб. 13. — Слова «по крепости» могут означать, что эта усадьба была куплена Л. А. Пушкиным и, следовательно, не перешла к нему от отца Александра Петровича, как утверждается в некоторых работах. См.: Виноградов Л. Детские годы Александра Сергеевича Пушкина в Немецкой слободе и у Харитония в Огородниках // Пушкин в Москве: Труды общества изучения Московской области. М., 1930. Вып. 7. С. 10.

⁴ Священником этой церкви с 1765 по 1798 г. был Ф. А. Малиновский, отец братьев Алексея, Павла и Василия — близких знакомых семьи Пушкиных.

⁵ ЦГИА, ф. 203, оп. 747, д. 5, л. 335.

⁶ Там же, д. 108, л. 88 об.

⁷ Там же, д. 1941, л. 179. Исповедная ведомость Троицкой церкви за 1764 г. отсутствует; в ведомости за 1763 г. записаны: «...полевой артиллерии маор Лев Пушкин 41, дети ево Петр 11, Александр 9» (ЦГИА, ф. 203, оп. 745, д. 311, л. 10).

⁸ Москва: Актовые книги XVIII столетия. М., 1893. Т. 12. С. 365, № 221.

⁹ Ревякин А. И. К биографии А. С. Пушкина // Учен. зап. Моск. пед. ин-та. 1954. Т. 43, вып. 4. С. 136.

¹⁰ См.: Модзалевский Б. Л., Муравьев М. В. Пушкины: Родословная роспись. Л., 1932. — К сожалению, приведенные данные не могут быть подвергнуты проверке, ибо метрические ведомости за эти годы отсутствуют.

¹¹ ЦГИА, ф. 2126, оп. 1, д. 1043, л. 97. — Однако на доске в стене старого собора Донского монастыря указана дата 25 октября. Эта же дата опубликована в кн.: Московский некрополь. СПб., 1908. Т. 2. С. 481.

О. В. Пушкина становится хозяйкой большой усадьбы. Первым из детей Л. А. и О. В. Пушкиных женился старший сын Василий Львович. 15 июля 1795 г. в метрической книге той же приходской Троицкой церкви записано: «... женился прихожанин лейб-гвардии Измайловского полку подпоручик Василий Львов Пушкин, понял за себя покойного лейб-гвардии Семеновского полку подпоручика Михайла Степановича Вышеславцева <дочь Капитолину>, оба первым браком, о коих и обыск с поручками чинен был».¹²

Брак этот оказался неудачным, в 1806 г. супруги были разведены, а Василий Львович обречен на официальное безбрачие.

Анна Львовна замуж не вышла. Она несколько раз упоминается в метрических книгах Троицкой церкви в качестве восприемницы детей дворовых вместе с Алексеем и Павлом Малиновскими, а в 1801 г. в такой же книге церкви Харитония в Огородниках есть запись о крещении сына дьякона этой церкви, где восприемниками указаны А. Л. Пушкина вместе с И. И. Дмитриевым. Младшая же сестра Елизавета Львовна вышла замуж 4 января 1803 г.: «... женился Архива иностранных дел переводчик Матвей Михайлович Солнцев, понял за себя умершего артиллерии подполковника Льва Александровича Пушкина дочь девицу Елисавету Львовну, оба первым браком, о коих с поручительством обыск чинен был».¹³

Через некоторые время после смерти мужа О. В. Пушкина решается продать большую усадьбу и приобрести значительно меньшую. В книгу купчих крепостей была внесена запись о том, что 2 июля 1797 г. «покойнаго артиллерии подполковника Льва Александрова сына Пушкина вдова Ольга Васильева» продала действительному статскому советнику Василию Ивановичу Нелидову «крепостной свой двор со всяким в нем каменным и деревянным строением, с садом, оранжиреей, и во оных со всякими деревьями, с прудом, и во оном рыбою...». Двор этот ей достался, как говорилось в купчей, «после онаго покойнаго мужа <...> Льва Александрова Пушкина по разделу, утвержденному Московским уездным судом» в 1791 г., «с детьми ево, прижитыми с первою женою <...> находящимися ныне артиллерии полковником Николаем и подполковником Петром и детьми <О. В. Пушкиной> лейб-гвардии Измайловского полку поручиком Васильем, капитан-поручиком Сергеем, дочерьми девицами Анной и Елисаветой Львовыми детьми Пушкиными».¹⁴ За эту усадьбу О. В. Пушкина получила 19 тыс. р. В том же 1797 г. она приобретает для дочерей значительно меньший участок в Огородной слободе, ближе к центру города, в приходе церкви св. Харитония Исповедника, в бывшем Малом Харитоньевском переулке (ныне ул. Грибоедова, д. № 7).¹⁵ В 1807 г. Е. Л. Пуш-

¹² ЦГИА, ф. 2126, оп. 1, д. 1043, л. 146 об.

¹³ Там же, ф. 1083, л. 140.

¹⁴ Там же, ф. 50, оп. 1, д. 478, л. 183.

¹⁵ Там же, л. 239.

кина (Сонцова) уступила свою часть Анне Львовне, которая с того времени стала единоличной владелицей этого участка. А. Л. Пушкина продала его 23 сентября 1808 г. штаб-ротмистрше А. И. Щербачевой.¹⁶

Сохранилось весьма немного сведений о жизни в московской усадьбе деда А. С. Пушкина. По воспоминаниям Сергея Львовича, отец его «жил постоянно в Москве большим открытым домом и имел родственные и дружеские связи с знатнейшими фамилиями Российской Империи».¹⁷ Из различных воспоминаний известно, что в семье Пушкиных бывали многие видные представители московского просвещенного общества. «Нет сомнения, — писал П. А. Вяземский о молодости А. С. Пушкина, — что первым зародышем дарования своего, кроме благодати свыше, обязан он был окружающей его атмосфере, благоприятно проникнутой тогдашней московской жизнью».¹⁸ Можно предполагать, что эта атмосфера в доме Сергея Львовича восприняла тот дух, который господствовал в доме его отца. Об обстановке в доме Льва Александровича свидетельствуют и стихи В. Л. Пушкина, обращенные к брату:

... в семействе нашем,
Где царствует любовь,
Играли мы, как дети,
В невинности сердец!¹⁹

Даже учитывая общую направленность сентиментальных стихов В. Л. Пушкина — романтические воспоминания о счастливом, безмятежном детстве, — надо признать, что основаны они были на реальной действительности. Судя по отношениям братьев и сестер Пушкиных в более позднем возрасте, полных уважения и привязанности, это была дружная семья, и слова Василия Львовича «в семействе нашем, где царствует любовь» не были просто данью модной чувствительности. Надо думать, что первые зачатки своего интереса к литературе братья Василий и Сергей Пушкины получили именно в доме родителей — Льва Александровича и Ольги Васильевны, — который был своеобразным и редким оазисом среди множества дворянских семейств, где главными развлечениями служили еда, карты и шуты. Правда, из скудных документальных свидетельств выяснилась одна любопытная черта образа жизни в доме Л. А. Пушкина. Он не был лишен таких привычных тогда «атрибутов» богатого дворянского дома, как «арапы». В метрической книге приходской Троицкой церкви за 1786 г. было отмечено, что в «дому артиллерии подполковника Льва Александровича Пушкина у живущего в услу-

¹⁶ Там же, оп. 14, д. 483, л. 85 об.

¹⁷ Отечественные записки. 1841. № 4. С. 2.

¹⁸ Вяземский П. А. Дюпотная или допотопная Москва // Полн. собр. соч. СПб., 1882. Т. 7. С. 88.

¹⁹ Аониды, или Собрание разных новых стихотворений. М., 1797. Кн. 2. С. 336.

гах вольного арапа Николая Александрова родилась дочь Евдокия <...> восприемником был графа Александра Андреевича Гендрикова живущий вольной арап Капитон Иванов, восприемница была означенного арапа Александрова дочь девица Евгения».²⁰

Сведения о службе Л. А. Пушкина, опубликованные в «Родословной росписи» Модзалевского и Муравьева, несколько отличаются от его формулярного списка, находящегося в Центральном государственном военно-историческом архиве в Москве.²¹ Так, Л. А. Пушкин, вступив в службу капралом 13 марта 1739 г., получил чины: каптенармуса 23 июля 1741 г., сержанта 23 января 1743 г., штык-юнкера 1 марта 1747 г., подпоручика 25 апреля 1749 г., поручика 25 апреля 1754 г., капитана 25 декабря 1755 г. и майора 1 января 1759 г. В формулярном списке было отмечено, что он участвовал в походе 1760 г.²² В 1761 г. он подал челобитную, в которой просил отставку по состоянию здоровья. Медики, освидетельствовавшие Л. А. Пушкина, писали в аттестате, приложенном к челобитной: «Он» имеет болезнь, которую мы называем малум хипохондрианум кум материя <...> от того временем бывает у него рвота, рез в животе, боль в спине и слепой почечуй, от которых может приключиться меликолия хипохондриана», и решительно заключали: «...за которую болезнь по нашему мнению ни в какой службе быть не способен».²³

Однако Военная коллегия была другого мнения, и отставку Л. А. Пушкин не получил, так как «по усмотрению коллегии по его молодым летам по излечению болезней не безнадежен». Ему был дан годовой отпуск с обязательством явиться через год для переосвидетельствования. Но после обнародования в феврале 1762 г. указа о вольности дворянства уже не было смысла в обязательной его явке в Петербург. На представлении Военной коллегии об отставке Л. А. Пушкина «от воинской и статской службы вовсе на его пропитание и о награждении при той отставке артиллерии подполковничьим чином» Екатерина II 23 сентября 1763 г. начертала: «Быть по сему».²⁴

О своем деде А. С. Пушкин пишет в широко известном стихотворении «Моя родословная»:

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верев оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость, в карантин...

III, 262

²⁰ ЦГИА, ф. 203, оп. 745, д. 51, л. 215.

²¹ Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 5, оп. 2/73, д. 198, л. 121 об., 122.

²² Имеются в виду боевые действия русской армии во время Семилетней войны.

²³ ЦГВИА, ф. 5, оп. 2/73, д. 198, л. 120.

²⁴ Там же, л. 129 об.

Пушкин неоднократно возвращался к этому важному для него эпизоду из биографии своего деда — в «Table-talk»: «...полк (Измайловский. — С. Р.), взволнованный двумя офицерами (дедом моим Л. А. Пушкиным) и не помню кем еще), не хочет ей (Екатерине. — С. Р.) присягать... Дед мой посажен был в крепость, где и сидел два года» (XII, 162); в «Начале автобиографии» (XII, 314) и наиболее подробно в «Опровержении на критики»: «Единственный» его сын (Александра Петровича Пушкина. — С. Р.), дед мой Лев Александрович, во время мятежа 1762 г. остался верен Петру III — не хотел присягнуть Екатерине, и был посажен в крепость вместе с Измайловым (странная судьба сих имен!). См. Рюлиера и Кастера. Чрез 2 года выпущен по приказанию Екатерины и всегда пользовался ее уважением. Он уже никогда не вступал в службу и жил в Москве и своих деревнях» (XI, 161).

Однако как выяснилось из различных документальных материалов, Л. А. Пушкин не участвовал в событиях июня 1762 г. После получения годового отпуска в 1761 г. он, вероятно, уезжает в Болдино: в делах о его отставке находится копия паспорта, выданного ему 10 августа 1761 г., для проезда «от Санкт-Петербурга по тракту до означенного Арзамасского уезду и обратно до Санктпетербурга».²⁵ Через год, в августе 1762 г., Л. А. Пушкин жил в Москве, где по распоряжению «Комиссии учреждения Высочайшей Ея Императорского Величества коронации» был включен в список участников процессии «при торжественном Ея Величества в Москву вшествии».²⁶ В этом списке, составленном 14 августа 1762 г. Московской полицмейстерской канцелярией, в числе многих «из российского знатного шляхетства, обретающегося в Москве», был записан и «артиллерии майор Лев Пушкин», состоящий в этом чине «с 759 <г.> января 1».²⁷ Он аккуратно являлся на «репетиции» «вшествия» и участвовал в самой церемонии въезда Екатерины II в Москву из села Петровского 13 сентября 1762 г.²⁸

В то время, когда Л. А. Пушкин должен был бы находиться в крепости, т. е. в 1762—1764 гг., он перед великим постом 1763 г. отмечается как бывший у исповеди в приходской церкви Троицы в Троицкой слободе;²⁹ 8 мая 1763 г. подписывается под текстом сговорной на О. В. Чичерину;³⁰ в сентябре 1763 г. получает отставку с награждением следующим чином,

²⁵ Там же, л. 124.

²⁶ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 248, оп. 90, № 7469, л. 1.

²⁷ Там же, л. 11 об., 32 об.

²⁸ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1762 года: Описание вшествия в Москву и коронования государыни императрицы Екатерины II. СПб., Б. г. С. 16. См. также: Романюк С. Артиллерии майор // Московская правда. 1986, 6 июня. С. 2.

²⁹ ЦГИА, ф. 203, оп. 747, д. 311, л. 10.

³⁰ См.: Летописи Государственного литературного музея. М., 1936. Кн. 1: Пушкин. С. 247, 248.

и в феврале 1764 г. ему объявляется указ о необходимости внести деньги за получение следующего чина.³¹

А. С. Пушкин в рассказе об участии деда в событиях 1762 г. ссылался на сочинения Рюльера и Кастера,³² но в обоих сочинениях нет ни слова о Л. А. Пушкине. Рюльер пишет о некоем младшем офицере Пушкине, который «имел несчастье или малодушие не сдержать своего слова» и не явился для поддержки Екатерины.³³ В сочинении Кастера говорится же о лейтенанте Пушкине, бывшем в числе тех, которые «осмелились противоречить своим солдатам», и заключенном под арест.³⁴

Л. А. Пушкин не был арестован и тем более посажен в крепость на два года: даже главные сторонники Петра III и противники Екатерины — Гудович, Мельгунов, Волков — отделались значительно легким наказанием, и Сергей Львович Пушкин вполне справедливо писал, что его отец не содержался в крепости.³⁵

По обычаям того времени сыновья Л. А. Пушкина с самого раннего возраста были записаны в военную службу. В рукописных «Сведениях о личном составе лейб-гвардии Измайловского полка» отмечено, что и Василий и Сергей Львовичи Пушкины числились в армии с 1773 г., а в гвардии с 1775 г.³⁶ Как

³¹ См.: ЦГВИА, ф. 5, оп. 2/73, л. 198, л. 133.

³² Эти книги были в библиотеке А. С. Пушкина: «Ruhlière C. Histoire ou anecdotes sur la revolution de Russie en annee 1762. Paris, 1797 (перевод в кн.: Переворот 1762 года. М., 1908. С. 11—70); Castéra J. Histoire de Catherine II. Paris, 1800. 3 t.: Paris, 1809. 4 t. — См.: Пушкин и его современники. СПб., 1910. Вып. 9—10. С. XVI, 185, 326. О сочинениях Рюльера и Кастера см.: Бильбасов В. А. История Екатерины Второй. Берлин, Б. Г. Т. 12, ч. 2. С. 1—4, 60—64. Современный исследователь отмечает ненадежность фактических сведений, приводимых Рюльером: «Это книга-памфлет, переполненный скандальными анекдотами и изобилующий фактическими ошибками» (коммент. Г. Н. Моисеевой в кн.: Дашкова Е. Р. Записки. Л., 1985. С. 279).

³³ См.: «Ruhlière C. Histoire ou anecdotes sur la revolution de Russie en annee 1762. P. 89.

³⁴ См.: Castéra J. Histoire de Catherine II. 1800. Т. 1. P. 285, 286. — Не был ли это тот лейтенант Пушкин, мундир которого надела Е. Р. Дашкова, отправляясь в поход из Петербурга вместе с Екатериной во главе верных им войск? (См.: Дашкова Е. Р. Записки. Лондон, 1859. С. 58). В Преображенском полку тогда числился только Михаил Пушкин, произведенный в офицеры из «полковых сержантов» в 1761 г. (См.: Чичерин А. История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1883. Т. 4. С. 179).

³⁵ Современник. 1840. Т. 19. С. 103, 104. — С. Л. Пушкин далее продолжал: «... он (Л. А. Пушкин. — С. Р.) находился некоторое время под домашним арестом — это правда, но пользовался свободой». Этот эпизод в биографии Л. А. Пушкина по всей вероятности относится к «непорядочным побоям находящегося у него в службе венецианца Харлампия Меркадия», за что он, как было записано в его формулярном списке, «был под следствием, но по именному указу повелено ево, Пушкина, из монаршей милости простить, а следствие ево оставить и определить по прежнему к ево должности» (ЦГВИА, ф. 5, оп. 2/73, л. 122).

³⁶ См.: Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Отдел рукописей, ф. 344, карт. 440, д. 11, л. 6 об., 7.

известно, военную службу дворянские отпрыски проходили, не выезжая из дома. К сожалению, не сохранились несколько исповедных ведомостей Троицкой церкви, относящихся к тому же периоду, что и годы детства Сергея Львовича. В первой исповедной ведомости после его рождения (за 1769 г.) записаны только Л. А. Пушкин (47 лет) и Ольга Васильевна (30 лет); в следующем году — «дети их — Александр 17 <лет>, Петр 20 <лет>».³⁷ Сергей Львович впервые появляется в ведомости за 1780 г.: «... артиллерии отставной подполковник Лев Александров сын Пушкин 57 <лет>, жена его Ольга Васильева 40 <лет>, дети их — Василий Львов 14 <лет>, Сергей Львов 13 <лет>, Анна Львова 15 <лет>».³⁸ В дальнейшем все они неукоснительно отмечаются на исповеди. В 1784 г. к ним добавляется «артиллерии майор Николай Львов 29 <лет>»,³⁹ а в 1786 г. впервые появляется и младшая сестра Елизавета (12 лет).⁴⁰

Единственные сведения о прохождении Сергеем Львовичем военной службы были опубликованы в 1932 г. без указания источника заимствованных сведений.⁴¹ Надо сказать, что еще в 1930-х гг. были предприняты попытки найти формулярный список С. Л. Пушкина, но они, как отметил М. А. Цявловский, не увенчались успехом.⁴² Мною была предпринята еще одна попытка, в результате которой в ЦГВИА были обнаружены документы, по-новому освещающие некоторые детали биографии отца А. С. Пушкина.

Так, в 1802 г. при поступлении С. Л. Пушкина на службу в Московский комиссариат императору Александру I была представлена копия его послужного списка: «Коллежский ассессор Пушкин. В службу вступил из дворян лейб-гвардии в Измайловский полк 1776, унтер-офицером 791 генв. 1го, прапорщиком 794 генв. 1го, подпоручиком 796 генв. 1го, поручиком того ж года ноября 8го, потом переведен лейб-гвардии в Егерский батальон, 797, марта 22го произведен капитан-поручиком».⁴³ 28 сентября 1796 г. С. Л. Пушкин женится на Н. О. Ганнибал.⁴⁴ В следующем году гвардия переводится в Москву, где в апреле

³⁷ ЦГИА, ф. 203, оп. 748, д. 1948, л. 211; д. 396, л. 124.

³⁸ Там же, д. 1969, л. 258 (за 1768, 1774, 1775, 1777 гг. исповедные ведомости отсутствуют).

³⁹ Там же, д. 1981, л. 9 об.

⁴⁰ Там же, д. 1973, л. 353 об.

⁴¹ См.: Модзалевский Б. Л., Муравьев М. В. Пушкины: Родословная роспись. С. 354.

⁴² См.: Летопись Государственного литературного музея. Кн. 1. С. 456.

⁴³ ЦГВИА, ф. 26, оп. 1/152, д. 137, ненум. лист. — Сообщение о пожаловании С. Л. Пушкина в капитан-поручики появилось в «Высочайшем приказе», отданном 22 марта 1797 г.: «Онаго же батальона (гвардейского Егерского. — С. Р.) всемилостивейше жалуются из поручиков в капитан-поручики Пушкин <...> Подписал генерал-адъютант Нелидов».

⁴⁴ Запись из метрической книги опубликована: Ульяновский А. И. Няня Пушкина. М.; Л., 1940. С. 17. Поручителями были «генерал-поручик и кавалер Иван Аврамов сын Ганнибал и премьер-майор Павел Федоров Малиповский» (ПД, ф. 244, оп. 20, д. 73, л. 1).

происходит церемония коронавания императора Павла I. Возможно, именно тогда в семье Пушкиных был решен вопрос о продаже большой усадьбы на Божедомке, покупке меньшей и об отставке Сергея Львовича от военной службы, к которой он, по воспоминаниям дочери, не питал особого пристрастия. Возможно также, что отставка была вызвана и тяготами военной службы при Павле I. В «Высочайших приказах» за 1797 г. было отмечено, что «сентября 16-го дня <...> Увольняются от службы лейб-гвардии <...> Егерского батальона капитан-поручик Пушкин коллежским асессором <...> Подписал генерал-адъютант Растопчин».⁴⁵ По данным того же формулярного списка С. Л. Пушкин был «причислен к Герольдии для определения к статским делам».⁴⁶ В конце 1797 г. у С. Л. и Н. О. Пушкиных рождается первый ребенок, дочь Ольга, названная в честь бабушки, и, вероятно, в 1798 г. они переезжают в Москву, поселившись, как можно предполагать, у Ольги Васильевны Пушкиной в Малом Харитоньевском переулке. Впоследствии молодая семья решила жить отдельно и сняла квартиру (как было тогда принято, в конце летнего периода, — вероятно, осенью 1798 г.) у И. В. Скворцова, владельца участка с двумя деревянными жилыми домами на Малой Почтовой улице,⁴⁷ которыми он владел и тогда, когда была произведена метрическая запись о рождении А. С. Пушкина.⁴⁸

После смерти императора Павла I Сергей Львович решает возвратиться на службу, но предпочитает уже не блестящий гвардейский полк и все неудобства, с ним связанные, а учрежденное полувоенное — Московскую комиссариатскую комиссию. Это был орган интендантского управления, на который возлагались задачи обеспечения войск оружием и обмундированием, а также заведования военными госпиталями. Московский комиссариат (или комиссариатская комиссия) был самым крупным из всех региональных учреждений интендантского ведомства. Так, в Санкт-Петербургской комиссариатской комиссии служили 152 человека, в Рижской — 148, в Воронежской — 14, а в Московской — 423.

В делах Военно-походной канцелярии находится рапорт генерал-кригс-комиссара (т. е. руководителя интендантского ведомства) кн. Д. П. Волконского императору Александру I от

⁴⁵ ЦГВИА. Копии с высочайших его императорского величества приказов, отданных при пароле его императорскому высочеству Александру Павловичу 1797 года. С. 129. Сообщение об отставке С. Л. Пушкина было опубликовано в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1797, 18 сентября. С. 1677) и в «Московских ведомостях» (1797, 26 сентября. С. 1517).

⁴⁶ ЦГВИА, ф. 26, оп. 1/152, д. 137, нenum. лист. — В делах ЦГВИА встречается, например, такая форма определения дворян: «...находящийся при Герольдии не у дел подпоручик...».

⁴⁷ План участка опубликован в ст.: Романюк С. К. Документы утверждают // Куранты: Историко-краеведческий альманах. М., 1983. С. 149.

⁴⁸ Временник Пушкинской комиссии. 1979. Л., 1982. С. 7.

5 января 1802 г.: «Вашему Императорскому Величеству поднося у сего список просящимся в комиссариатский штат чиновников, кои находятся не у дел, известных мне по их способностям и хорошему поведению, осмеливаюсь всеподданнейше просить об определении их в число комиссионеров с переименованием в оныя».⁴⁹ В этом списке в числе прочих есть и Сергей Львович Пушкин. Там же приведена копия с его послужного списка, о которой говорилось ранее.

С. Л. Пушкин был зачислен в комиссариатский штат по определению Военной коллегии, состоявшемуся 14 января 1802 г.⁵⁰

Со временем Сергей Львович получает в этом ведомстве чин военного советника, равный общеармейскому чину полковника, и занимает руководящее положение в Московской комиссариатской комиссии. В 1811 г. комиссия постановила: «... на счет производства успешнейшего дел и присмотра за порядком оных иметь господам присутствующим дирекцию, а имянно <...> 7го класса Пушкину по денежному отделению, бухгалтерии о деньгах и по казначейству в производстве дел».⁵¹ Таким образом, С. Л. Пушкин отвечал за один из важнейших и ответственных участков работы Московского комиссариата.

С началом войн с наполеоновской Францией объем работ комиссариатского ведомства резко увеличился — это было, как отмечает историк, «весьма серьезное испытание для интендантства».⁵² И надо сказать, что оно не всегда справлялось с возросшими требованиями. В 1807 г. чиновникам, служившим в комиссариатском и провиантском департаментах, было запрещено ношение армейского мундира — как наказание за неисполнение «обязанности своей в снабжении и пропитании армии».⁵³ Было также приказано не увольнять чиновников в отпуск, «доколе департаменты сии не отдадут по своему ведомству надлежащих отчетов». «Общей опале подвергся, между другими и, разумеется, без личной виновности, отец Пушкина Сергей Львович, служивший в комиссариате», — замечает П. И. Бартевев.⁵⁴

Особенные испытания выпали на долю Московского комиссариата во время Отечественной войны 1812 г. В Москве были сосредоточены огромные запасы воинского имущества, которые при приближении неприятеля надо было вывезти из города. Комиссариатская комиссия только 20 августа получила от московского главнокомандующего Ф. В. Ростопчина приказ подготовиться

⁴⁹ ЦГВИА, ф. 26, оп. 1/152, д. 137, нenum. лист.

⁵⁰ Там же, ф. 2, оп. 10, д. 1392, л. 284. См. также: ЦГВИА, ф. 12, оп. 11, д. 2196, л. 1—1 об. (копия в делах комиссариата); Временник Пушкинской комиссии. 1979. С. 8—9.

⁵¹ ЦГВИА, ф. 498, оп. 1, д. 201, л. 209.

⁵² Столетие Военного министерства. 1802—1902. Главное интендантское управление: Исторический очерк / Сост. Ф. П. Шелехов. СПб., 1903. Т. 5, ч. 1. С. 359.

⁵³ Там же. С. 287.

⁵⁴ Русский архив. 1874. Кн. 1. Стб. 500.

к вывозу воинского имущества. Удалось погрузить «все нужнейшие вещи» на 1700 подвод и 23 барки и отправить их в Нижний Новгород. В «Мнении Государственного Совета о потерях артиллерийского и интендантского имущества в Москве во время нашествия Наполеона в 1812 году» отмечалось, что «генерал-кригс-комиссар, быв очевидным свидетелем всех действий чиновников Московской комиссариатской комиссии по предмету сохранения вверенных им вещей, удостоверяет, что все они обязанность свою по долгу службы исполнили в полной мере и при всех усилиях не в состоянии были сделать более сколько действительно смогли». ⁵⁵

Вместе с воинским имуществом в Нижний Новгород прибыла и Московская комиссариатская комиссия, которая переименовывается в Нижегородскую. Одной из важнейших задач комиссии становится обеспечение поставок обмундирования и вооружения для резервов действующей армии, которые формировались неподалеку от Нижнего Новгорода — в Муроме, Арзамасе, Лукоянове.

В район формирований 11 декабря 1812 г. направляется военный советник Пушкин с крупной суммой денег для организации отправки военных обозов. В нескольких рапортах генерал-кригс-комиссару он сообщает об отправке в течение декабря 1812—января 1813 г. сотен тюков с обмундированием. Так, в одном из рапортов он извещает «об отправлении вещей, потребных для формируемых резервов»: 10 тыс. егерских сум, 20 тыс. кожаных ранцев, 7360 «англинских ружей», 3 млн патронов и много другого. ⁵⁶

Деятельность С. Л. Пушкина по снабжению резервов привела к тому, что 24 декабря 1812 г. его назначают «управляющим комиссариатскою комиссиею, учреждаемою в Орле», ⁵⁷ и 9 января 1813 г. он сообщает из Орла, что «сия комиссия открыла существование свое». ⁵⁸ В число первоочередных задач этой комиссии входило снабжение резервной армии под командованием генерала от инфантерии Д. И. Лобанова-Ростовского. В предписании, отданном А. И. Татищевым (руководителем комиссариатского департамента Военного министерства) С. Л. Пушкину, он обязывался получить «на расходы комиссии 10 тыс. рублей, принять 600 000 аршин холста рубашечного, 50 000 аршин холста подкладочного» и много других вещей, учредить военно-временные госпитали «на первый случай в Орле на 3000 и в Новгород-Северском на 500 человек», а также «принять в свое ведение госпитали армейские в губерниях: Тульской, Калужской и Орловской». ⁵⁹

⁵⁵ М. И. Кутузов: Сборник документов. М., 1955. Т. 4, ч. 1. С. 718.

⁵⁶ ЦГВИА, ф. 396, оп. 2, д. 15, л. 323, 323 об., 509, 510, 593—595.

⁵⁷ Там же, д. 19, л. 4.

⁵⁸ Там же, л. 15.

⁵⁹ Там же, л. 5—8.

Вскоре, однако, Орловской комиссии предписывается покинуть Орел и передислоцироваться в г. Белицу Могилевской губернии.⁶⁰ В продолжение января—февраля 1813 г. С. Л. Пушкин принимает из внутренних губерний России и отправляет в резервную армию большие партии грузов. Только по одной из ведомостей, датированной 3 февраля 1813 г., им было отправлено 1714 пудов свинца, 520 ящиков с патронами, 5 тыс. ружей, 429 пудов пороха.⁶¹

Однако несмотря на, казалось бы, активную деятельность комиссариатской комиссии, руководимой С. Л. Пушкиным, войска не снабжались в должной мере боеприпасами и обмундированием. Это был один из сложных периодов формирования резервных армий, связанный с тем, что районы формирований неоднократно перемещались. «Вследствие этих перемещений, — отмечает историк, — несколько комиссариатских транспортов по прибытии в места назначения не находили уже там резервных частей и для сдачи вещей обязывались следовать в новые районы квартирования. Вместе с тем были случаи, когда транспорты задерживались бездорожьем, разлитием рек и тому подобными препятствиями»,⁶² а как указывает современный исследователь, «при формировании резервных войск возникли серьезные трудности ... из-за недостатка оружия и снаряжения».⁶³ К этому можно прибавить еще и трудности, связанные с подвозом грузов, — отсутствие хороших дорог, недостаток транспортных средств и возчиков.

Все эти трудности войскового снабжения непосредственно отразились на С. Л. Пушкине. Прямым его начальником был князь Д. И. Лобанов-Ростовский, человек очень вспыльчивый, о котором современники отзывались весьма неблагоприятно. Язвительный Вигель так комментировал назначение его позднее на пост министра юстиции: «Не понимаю, как решился государь вручить весы правосудия разъяренной обезьяне, которая кусать могла только невпопад».⁶⁴ Так же отзывался о Лобанове-Ростовском и другой мемуарист, князь И. М. Долгоруков.⁶⁵ Известен рассказ о Лобанове-Ростовском, приказавшем в запальчивости сжечь целую деревню за отказ предоставить подводы.⁶⁶ Сам же Сергей Львович был, по воспоминаниям, также человеком несдержанным и вспыльчивым, поэтому неудивительно, что он и Лобанов-Ростовский не ужились. Командующий резервной армией 22 февраля 1813 г. отправил следующее письмо генералукригс-комиссару А. И. Татищеву: «... в долге нахожусь, что от

⁶⁰ Там же, д. 16, л. 427, 428.

⁶¹ Там же.

⁶² Столетие Военного министерства... С. 441.

⁶³ Богданов Л. П. Русская армия в 1812 году. М., 1979. С. 94.

⁶⁴ Записки Филипа Филиповича Вигеля. М., 1892. Ч. 5. С. 66.

⁶⁵ Долгоруков И. М. Капище моего сердца. М., 1890. С. 184—185.

⁶⁶ Листовский И. Рассказы о недавней старине // Русский архив. 1899. № 10. С. 256.

совершенной беспечности и дурных распоряжений высланной вами в Орел комиссариатской комиссии и в особенности управляющего ею военного советника Пушкина остается невыполненною высочайшая Его Императорского Величества воля как в отношении отправления людей в действующую армию в назначенные числа, равномерно и касательно снабжения отправляемых людей всем нужным количеством вещей <...> За какое ево небрежение должности и за слушание моих предписаний, прошу Ваше Превосходительство, сменя ево, Пушкина, с настоящего места как бесполезного и неспособного другим взять с него строгую ответственность...».⁶⁷

Получив это резкое послание, генерал-кригс-комиссар снимает С. Л. Пушкина с должности управляющего: «Г. военному советнику и кавалеру Пушкину. Получив вчерашнего числа с нарочною эстафетою отношение господина генерала от инфантерии князя Лобанова-Ростовского, в котором его сиятельство описывает медленные распоряжения ваши по управлению вверенной вам комиссии, согласно воле ево назначил я на место ваше к управлению комиссией комиссионера 7го класса Болховского <...> и предписал ему как наипоспешнее отправиться в Белосток и принять от вас в управление ево комиссию во всех частях на законном основании. Вашему высокоблагородию рекомендую: по сдаче комиссионеру Болховскому комиссии тот час следовать в С. Петербург, явиться ко мне для ответственности о сделанных вами упущениях по должности».⁶⁸

К этому времени относится, вероятно, и рассказ О. С. Павлицевой о том, как А. Н. Бологовский, принимая от С. Л. Пушкина должность, «застал его в присутственной комнате за французскою книжкою».⁶⁹ Передача дел, однако, сильно затянулась. Комиссариатская комиссия была переведена из Белостока в местечко Венгрово под Варшавой и переименована соответственно в Варшавскую. Только 25 февраля 1814 г. было доложено о том, что «комиссия комиссариатского депо при резервной армии состоящая, при рапорте от 23го числа сего февраля представила <...> в копии квитанцию, выданную комиссариатского штата военному советнику и кавалеру Пушкину управляющим оною комиссией господином 7го класса Болговским в приеме от него означенной комиссии и совокупно с нею суммы вещей и письменных дел...».⁷⁰ С. Л. Пушкин еще некоторое время задерживается в Варшаве: сообщается о его вступлении там в июле 1814 г. в масонскую ложу.⁷¹ В Петербург Сергей Львович приезжает, вероятно, только осенью этого года: первое посещение им Лицея отмечено 11 октября 1814 г.

⁶⁷ ЦГВИА, ф. 396, оп. 2, д. 17, л. 6 об.

⁶⁸ Там же, л. 50 (датировано 9 марта 1813 г.).

⁶⁹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 1. С. 50.

⁷⁰ ЦГВИА, ф. 396, оп. 1, д. 61, л. 76.

⁷¹ См.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951. С. 61.

Неизвестно, как отразились на С. Л. Пушкине последствия неблагоприятного отзыва Лобанова-Ростовского. Сергей Львович продолжает служить в комиссариатском ведомстве, но теперь уже в департаменте Военного министерства. К сожалению, длительные поиски в различных фондах ЦГВИА документов, относящихся к службе С. Л. Пушкина в 1814—1817 гг., не дали почти никаких результатов. Была обнаружена лишь запись в книге комиссариатского департамента за 1817 г. о его отставке: «Генварь 19. № 82. Об увольнении от службы военного советника Пушкина с чином».⁷²

⁷² ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 4129, л. 119.

Р. В. ИЕЗУИТОВА

«АЛЬБОМ ОНЕГИНА»

(Материалы к творческой истории)

«Альбом Онегина» — не столь уж частый у Пушкина пример того, как вполне сложившийся художественно полноценный текст изымается из окончательной редакции произведения, но сохраняет до известной степени самостоятельное значение. Определяя причины, заставившие Пушкина отказаться от включения этого фрагмента в текст романа, исследователи предлагают немало остроумных объяснений, догадок и смелых гипотез, однако назначение и характер «Альбома», его место в общей структуре романа в стихах не выяснены в полной мере и до сих пор вызывают споры и дискуссии. Попыткой наметить некоторые новые подходы к изучению «Альбома Онегина» является данная работа, не претендующая на всестороннее освещение проблемы в целом.

Создание «Альбома Онегина» связано с работой Пушкина над седьмой главой романа, точнее, над теми строфами этой главы, в которых речь идет о посещении Татьяной деревенского дома Онегина и о чтении ею книг в его кабинете. Комментируя этот эпизод, автор наиболее обстоятельной статьи об «Альбоме» Н. Я. Соловей пишет: «Среди книг Онегина Татьяна неожиданно нашла его дневник, черновой текст которого Пушкин создал тогда же, вслед за XIII—XXI строфами о Татьяне».¹ Черновая редакция «Альбома» дошла до нас в составе рабочей тетради Пушкина 1828—1833 гг. (ПД, № 838), где она занимает л. 8 об.—11. Черновик прочитан Б. В. Томашевским, подготовившим его текст для Большого академического издания сочинений Пушкина (см.: VI, 431—437). Однако полного и развернутого

¹ Соловей Н. Я. Из истории работы Пушкина над сюжетом «Евгения Онегина»: («Альбом Онегина») // Замысел, труд, воплощение. М., 1977. С. 103.

комментария к «Альбому» нет, и исследователи ограничиваются отдельными, хотя несомненно тонкими и ценными наблюдениями.² Показательно, что в известном труде Н. Л. Бродского «„Евгений Онегин“, роман А. С. Пушкина» (первом опыте комментария к роману) об «Альбоме Онегина» не сообщается никаких сведений.³

Черновая редакция «Альбома» создавалась в Петербурге и по положению в тетради может быть датирована периодом между 19 февраля и 5 апреля 1828 г., когда в этой же тетради Пушкин начал работать над поэмой «Полтава».⁴ Осенью того же года, находясь в Малинниках, Пушкин перебелил и доработал этот черновик, создав новую, беловую редакцию «Альбома» (ПД, № 840, л. 3—7 об.), которая может быть датирована временем между 27 октября—4 ноября 1828 г., когда седьмая глава была закончена и Пушкин принял решение не включать в нее «Альбом Онегина».⁵ Хотя наличие двух редакций этого текста само по себе заслуживает особого внимания, это обстоятельство не всегда учитывается при анализе записей «Альбома». Так, даже в серьезной и основательно аргументированной работе Н. Я. Соловья различие редакций не принимается во внимание и исследователь для доказательства основных положений своей работы пользуется попеременно фрагментами текста то черновой, то белой редакций. Между тем, как мы постараемся показать далее, характер самих записей, их конкретный смысл и назначение претерпевали в ходе работы над ними весьма показательные изменения, которые, на наш взгляд, помогают уяснить функцию

² См.: Лотман Ю. М. Роман Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1980. С. 315—316.

³ Указано лишь, что «к седьмой главе относится „Альбом Онегина“ — помета 5 августа 1828 г.» (Бродский Н. Л. «Евгений Онегин», роман А. С. Пушкина: Пособие для учителей средней школы. М., 1950. С. 13). Дата эта, однако, неверна. В исследованиях Н. Я. Соловья, Ю. М. Лотмана, В. Б. Сандомирской и др. начало работы над «Альбомом» отнесено к февралю 1828 г. (подробнее об этом см. далее).

⁴ В. Б. Сандомирская в статье, посвященной истории заполнения тетради № 838, отмечает, что работа над седьмой главой в этой тетради производилась в несколько приемов. Первая группа записей (строфы II—XIII), «единая по направлению в тетради и наклону почерка, сделана в близкое время и датирована Пушкиным» (имеется в виду помета над строфой XII на л. 6). Далее, по наблюдениям исследовательницы, последовала остановка в работе: были пропущены несколько листов (позднее на них — карандашом — будут записаны строфы XIV—XXI этой же главы), и, видимо, тогда Пушкин начал черновик «Альбома», записи которого сделаны также чернилами. Это позволяет предположить, что работа над «Альбомом» предшествовала созданию строф XIV—XXI и началась вскоре после 19 февраля. Затем Пушкин вернулся к продолжению работы над второй группой записей (строфы XIV—XXI), заполнив карандашными набросками оставленные чистыми листы. (Подробнее об этом см.: Сандомирская В. Б. Рабочая тетрадь Пушкина 1828—1833 гг. (ПД, № 838): История заполнения // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1982. Т. 10. С. 239).

⁵ См.: Соловей Н. Я. Из истории работы А. С. Пушкина над сюжетом «Евгения Онегина». С. 105.

«Альбома» в контексте седьмой главы и в развитии сюжетных линий романа в целом.

Суждения же современных исследователей на этот счет весьма противоречивы.

«„Альбом Онегина“, — указывает Н. Я. Соловей, — вместе с характеристикой „современного человека“, став средоточием раздумий автора о взаимоотношениях героев и общества уже в последекабрьский период, как бы превратился в предварительный набросок для себя развивающегося характера Онегина». ⁶ Диаметрально противоположную оценку «Альбому» дает И. М. Дьяконов: «В помощь карандашным маргиналиям Татьяне в первых вариантах 7-й главы дается „Альбом Онегина“. Большинство записей в нем по-светски тривиальны. Серьезна только одна запись: „Меня не любят и клеветуц“...». ⁷ Является ли «Альбом Онегина» «средоточием раздумий автора» над проблемами русской жизни последекабрьских лет или же собранием легковесных суждений выразителя тривиальных светских мнений? Это заставляет еще и еще раз задуматься над тем, что же в сущности нашла Татьяна в кабинете Онегина.

Давая такое необычное название, Пушкин, разумеется, не имел в виду прямое назначение «альбома» — быть собранием весьма разнородных записей, принадлежащих или адресованных его владельцу. Характерно, что в «Альбоме Онегина» нет ни одной чужой записи, все они сделаны самим владельцем и носят оригинальный характер. Пушкин называет его также «дневником» и «журналом». ⁸ Такое смешение терминов можно объяснить тем, что «Альбом Онегина» как бы совмещает в себе несколько различных функций: функцию дневника, хотя и не укладывается в рамки одного дневникового жанра, ⁹ ибо не содержит обычной для него хронологически приуроченной фиксации важных моментов жизни героя (записям в «Альбоме» придана свободная форма, они связаны между собою не последовательностью происходящих событий, а причудливой и капризной логикой размышлений и настроений Онегина); но еще в большей степени — функцию своеобразной «записной книжки» героя, наделенного даром острой наблюдательности. Вдумаемся в то описание, которое дает «Альбому Онегина» Пушкин в строфе XXI^a черного автографа седьмой главы (строфа содержит следы весьма тщательной авторской работы):

В сафьяне <?> по краям закован,
Сомкнут серебряным замком,
Он был исписан, изрисован
Рукой Онегина кругом.

⁶ Там же. С. 113.

⁷ Дьяконов И. М. Об истории замысла «Евгения Онегина» // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 10. С. 94. (Подчеркнуто мною. — Р. И.).

⁸ «Словарь языка Пушкина» определяет «журнал» («как тетрадь с ежедневной записью чего-нибудь» (М., 1956. Т. 1. С. 804).

⁹ Записи в «Альбоме», как правило, не датированы; исключение составляет лишь одна: «День счастья — третье февраля».

Среди бессвязного марабря
Мелькали мысли, примечанья,
[Портреты], буквы, имена
[И чисел] [тайных] [письмена],
Отрывки, письма черновые —
И словом искренний журнал,
В котором сердце изливал
Онегин в дни свои младые,
Дневник мечтаний и проказ
Незанимательных для вас.

VI, 430—431

Было бы ошибочным видеть в этой строфе лишь описание внешнего вида альбома: в ней идет речь о его «целевом» назначении, но одновременно здесь содержится и как бы данная в свернутом виде предварительная программа демонстрируемых далее записей и набросков.

В пушкиноведении давно подмечено, что приведенное описание соответствует вполне реальному образцу — рабочим тетрадям и записным книжкам самого Пушкина, характеризуя которые, исследователи любят цитировать именно эти строки (как в черновой, так и в белой их редакциях).¹⁰ С этим наблюдением нельзя не согласиться.

Почти все перечисленные в строфе XXI^a атрибуты творческого процесса имеются в «Альбоме Онегина»: записанные наспех «мысли, примечанья» (замечания), записи дневникового характера, загадочные цифры, буквенные обозначения упоминаемых в «Альбоме» лиц (здесь Пушкин зашифровал имена реальных людей, представителей высшей столичной знати). По замыслу поэта, «Альбом» должен изнутри раскрыть характер героя, очерченный в общих контурах в предыдущих главах романа (в особенности в первой главе, названной «Хандра»), объяснить причины этой «хандры», во всяком случае приподнять завесу над странными поступками героя. Нельзя не согласиться со следующим утверждением исследователя: «В первых главах романа поэт как бы наблюдал своего героя со стороны: как он выглядит, что и как говорит, чем занимается. Теперь же автор как бы суммирует впечатления об Онегине». ¹¹ И добавим: дает новый материал для суждения о нем как о личности незаурядной и духовно богатой. Более того, Пушкин рисует его как тонкого наблюдателя нравов той среды, из которой он вышел и которую нравственно перерос.

¹⁰ Вот что пишет, например, В. Б. Сандомирская о рабочей тетради поэта, в которой находится черновая редакция «Альбома Онегина»: пушкинские записи в ней постепенно «приобретают характер дневника (...) отражением событий и впечатлений жизни являются не только вписанные сюда лирические произведения (речь идет об оленийском цикле. — Р. И.), но и многообразные пометы на полях — даты, имена, рисунки и портреты, колонки цифр, отдельные слова» (Рабочая тетрадь Пушкина 1828—1833 гг. С. 242).

¹¹ Соловей Н. Я. Из истории работы А. С. Пушкина над сюжетом «Евгения Онегина». С. 113.

«Альбом» дает возможность наглядно убедиться в одаренности Онегина. В первой главе романа поэт наделяет своего героя «озлобленным умом», не раскрывая, однако, в чем этот ум проявляется. Он пишет о его эпиграммах, которые возбуждают «улыбки дам». В «Альбоме Онегина» приведены некоторые образцы эпиграмматического мастерства героя:

Я не люблю княжны S. L.
[Ее невольное кокетство]
Она взяла себе за [цель]
Короче было б взять за средство.

VI, 432

В беловую редакцию перенесена (с небольшой доработкой) эпиграмма еще на одну из «законодательниц» большого света:

Боятся все кн[язны] R-овой, —
Сказала нам ввечер В. К.
Да возразил Е. К. суровый:
Боюсь я княжны R-овой,
Как вы боитесь паука —

VI, 432

Уже в первой главе романа Онегин обнаруживает несомненные литературные наклонности, о которых автор повествует в шутливо-иронической манере:

Онегин дома заперся,
Зевая, за перо взялся,
Хотел писать — но труд упорный
Ему был тошен; ничего
Не вышло из пера его.

VI. 22—23

Подобное отношение к труду не позволяет заподозрить в герое «серьезного» автора. Хотя «Альбом Онегина» также не дает примеров чего-то законченного, укладывающегося в привычные литературные формы, здесь представлены некоторые образцы литературного творчества героя — мгновенные словесные портреты, острые сатирические зарисовки, шаржи и даже карикатуры; в записях присутствует и стихия лиризма. В философски окрашенных лирических «пассажах» «Альбома» коэффициент сближения автора и героя наиболее значителен.

Ряд записей содержит явные биографические реалии. Уже в первой из них варьируется мотив клеветы. Отнесенный к Онегину первых глав («Чего ж вам больше? Свет решил, / Что он умен и очень мил». — VI, 7), он внутренне не мотивирован и даже не подготовлен сюжетно.

В такой же шутливо-грациозной, легкой тональности описаны и первые жизненные разочарования героя (в дружбе и любви):

Измены утомить успели;
Друзья и дружба надоели.

VI, 21

же годы уходит своими корнями и «восточная» строфа «Альбома Онегина».

73-я сура Корана, как указывает В. Набоков, относится к вечерней молитве, и Пушкин тонко улавливает ее назначение — наставлять молящегося на путь истины, вооружать его мудрыми жизненными правилами. Чтобы подчеркнуть этот момент, при доработке строфы Пушкин исключает из нее слова «перед отцом | Смирись», заменяя их на «перед каждым сном | Молись». Выраженные в суре бесспорные нравственные истины Пушкин на первых порах осложняет личным мотивом (смирения перед отцом), который заставляет вспомнить о ссоре с Сергеем Львовичем осенью 1824 г.¹⁴ Исключение личного мотива придало всей записи более обобщенный, философско-афористический смысл. В своем окончательном виде строфа о Коране стала квинтэссенцией восточной мудрости, в которой страждущая душа обретает для себя утешение. Именно в такой функции эта запись вошла в беловую редакцию «Альбома Онегина».¹⁵ Однако и в этом случае произошло «несовпадение» мыслей и жизненного опыта героя, которое Пушкин пытался, но не смог до конца преодолеть при доработке записей «Альбома». Не попав в окончательный текст романа в стихах, «восточная» строфа обрела новую жизнь в совершенно ином поэтическом контексте, составив главные мотивы заключительной строфы стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (1836), в котором поэт подвел нравственный и творческий итог своей деятельности. Это, может быть, нагляднее всего подтверждает нашу мысль, что «Альбому Онегина» Пушкин отдает самые сокровенные, самые дорогие для него мысли.

Черновая редакция «Альбома» позволяет проследить работу поэта над целым рядом других ключевых художественных образов романа. Примером целенаправленности в этой работе может служить «кавказская» строфа «Альбома Онегина», в первоначальном виде также содержащая явную биографическую реалию:

Я видел: легкий лист дубрав
В ручьях кавказских каменеет.
Не так ли резвый <?> нрав
В волненьи общества мертвеет.

VI, 433

Это наблюдение (развернутое далее в символическую картину) связано с кавказскими впечатлениями самого автора, но не его героя, которому лишь предстояло отправиться в путешествие и побывать на Кавказе. Убрав биографическую деталь («Я видел»), Пушкин придает всей строфе широкий философ-

¹⁴ В улаживании конфликта с отцом принимали участие ближайшие друзья поэта — Дельвиг, Жуковский и др.

¹⁵ На эту автореминисценцию указывает в своем комментарии к роману В. Набоков (см.: Eugene Oegin. P. 89).

ский смысл: на том же листе рукописи (после наброска следующей записи) он дает новый вариант «кавказской» строфы, который с небольшой доработкой перейдет в беловую редакцию:

Цветок полей, листок дубрав
В ручьях Кавказских — каменеет.
В волненьи жизни так мертвеет
И резвый ум, и легкий нрав.

VI, 433

Если первое двуступище сложилось сразу, то работа над вторым потребовала от поэта значительных усилий: автограф дает несколько весьма показательных вариантов отдельных слов, строк и образов. Симметричное построение строфы подчеркивает афористичность заключенной в ней мысли. По аналогии с естественным для природы процессом умирания и превращения листка в окаменелость Пушкин создает замечательный по глубине и силе образ постепенного отмирания души в человеке, утраты светлой духовности, непосредственности и искренности под губящим все живое воздействием жестокого уклада современной жизни. Среди отброшенных поэтом вариантов — острые в социальном отношении характеристики светского общества («в потоке света», «в потоке общества» «мертвеет»), которые поэт заменяет более нейтральными («волненье жизни»), сохраняющими, однако, внутреннюю связь с ранними вариантами. «Волненье» напоминает о льющемся потоке, но в сочетании со словом «жизнь» этот оборот приобретает метафорическое значение. В своем окончательном виде созданная поэтом метафора сохраняет личный, сокровенный подтекст, но вместе с тем приобретает и более широкий общечеловеческий смысл. Основные мотивы «кавказской» строфы «Альбома» далеко не случайно звучат и в лирическом отступлении, заключающем шестую главу романа (выраженные более резко и определенно, они отчетливо просматриваются в самом движении авторской мысли):

О ты, младое вдохновенье,
.....
Не дай остыть душе поэта,
Ожесточиться, очерстветь,
И наконец окаменеть
В мертвящем упоеньи света,
В том омуте, где с вами я
Купаюсь, милые друзья!¹⁶

VI, 137

Впрочем, это далеко не единственный пример того, насколько близок стихии лирических отступлений романа «Альбом Онегина»: он содержит своего рода конспекты будущих лирических отступлений. Примером может служить разговор поэта с вообра-

¹⁶ Подчеркнуто мною. — Р. И.

жаемым читателем в восьмой главе романа (речь идет о строфе IX, вобравшей в себя мысли и характеристики первой и одиннадцатой записей онегинского «Альбома»).

Значительный интерес представляет суждение героя о русском языке («Сокровища родного слова»): оно почти полностью повторяет строфу XXXI беловой редакции третьей главы и, что, пожалуй, самое важное, позволяет понять контекст, в котором возникли эти авторские размышления, «переданные» затем Онегину. В этой главе речь идет о письме Татьяны к Онегину (написанном, как подчеркивает поэт, по-французски и только переведенном на русский язык). Это обстоятельство побуждает автора к подробному разъяснению своей позиции в вопросе о состоянии русского литературного языка. Поэт констатирует его неразработанность, хотя и отдает должное самим заключенным в нем возможностям. В окончательный текст третьей главы это отступление не попало, но в составе «Альбома Онегина» оно стало характеристикой героя, серьезно размышляющего над широким кругом вопросов, весьма далеких от привычных тем светского общения. Характерно, что в черновой редакции Пушкин лишь обозначал начало этой строфы отчеркиванием. Видимо, он намеревался воспользоваться уже готовой строфой, слегка переработав ее для включения в новый контекст. Такого рода переносы уже написанных, готовых строф характерны для творческой истории романа.

В «Альбоме» есть еще одна строфа, отсутствующая в черновой редакции, но включенная в беловую, условно обозначенная «я вас люблю etc.» (VI, 617). Запись эта по-разному комментировалась пушкинистами, но наиболее убедительным представляется нам указание Б. В. Томашевского на строфу XXVII беловой редакции третьей главы (см.: VI, 581),¹⁷ также не вошедшую в окончательный текст романа:

Но вы, кокетки записные,
Я вас люблю — хоть это грех.

Этот фрагмент относится к той части третьей главы, где речь идет о бездушных светских красавицах, которым противопоставлена Татьяна с ее искренностью и открытостью в проявлении своего чувства; в составе же «Альбома Онегина» иронический «гимн» кокеткам передан герою, который, таким образом, становится носителем мыслей и настроений самого автора, невольно сближаясь с ним. Стремясь наделить своего героя не только «озлобленным», но глубоким умом, возвышенной душой, пылким и благородным характером, Пушкин самой логикой творческого процесса невольно становился его прототипом, а это всту-

¹⁷ Впервые на это указал еще М. Гофман, однако он неверно обозначил нумерацию строфы — XXIII^a третьей главы (см.: Гофман М. Л. Пропущенные строфы «Евгения Онегина» // Пушкин и его современники. Пг., 1922. Вып. 33—35. С. 181—182).

пало в резкое противоречие с главным принципом романа — принципом типизации, ибо герои романа — не портреты тех или иных живых лиц, а реалистически воссозданные художественные типы. Что же касается главного героя, то Пушкин в особом лирическом отступлении резко «отмежевался» от него:

Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной,
Чтобы насмешливый читатель
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здесь мои черты,
Не повторял потом безбожно,
Что намарал я свой портрет,
Как Байрон, гордости поэт.

VI, 28—29

Возникало еще одно противоречие — между обликом героя, сложившимся у читателя по первым главам романа, и сферой его духовной жизни, очерченной в «Альбоме». Образ «мыслей» Онегина принадлежит уже новой исторической эпохе — последекабрьской. Так мог думать и чувствовать герой, переживший глубокий духовный кризис. Может быть, в процессе работы над «Альбомом» если не возникла, то во всяком случае окрепла мысль о странствиях Онегина, способствующих его духовному возмужанию. Заменить «Альбом» «Странствием» — таким представляется дальнейший ход творческой мысли поэта.

С другой стороны, отказавшись от замысла продолжить повествование в условиях последекабрьской действительности, Пушкин должен был отказаться и от текста, несущего на себе отчетливый отпечаток того времени. В этом состоит, может быть, одна из главных причин исключения «Альбома Онегина» из окончательного текста романа.

Однако, как справедливо указывают исследователи «Альбома», он явился важнейшей вехой в работе над восьмой (по первоначальному плану девятой) главой романа. Здесь — на новом уровне — Пушкин возвращается к теме «Онегин в кругу высшего петербургского света», материалом для которой служат новые (последекабрьские) впечатления поэта, вернувшегося в светскую среду после семилетнего перерыва. «Альбом Онегина» фиксирует те перемены, которые произошли в его отсуствии. «Свет» стал еще бездушнее, еще нестерпимее для всего живого и человеческого. Галерея включенных в «Альбом» светских лиц несомненно выполнена с натуры, хотя и зашифрована, скрыта за инициалами. Характерно, что от черновой до белой редакции обозначения персонажей светского общества колеблются: княжна S. L., княжна R-ова, Элиза R-ова; суровый господин (в котором Набоков усматривает намек на будущего мужа Татьяны) сначала обозначен инициалами E. K., затем K. и, наконец, следуя традиции, — NN. Одна из светских дам полу-

чает прозвище Селимены (восходящее к «Мизантропу» Мольера). За всеми этими персонажами стоят живые, реальные лица: например, старая В. К., переделанная в Элизу К., чем-то напоминает Элизу Хитрово. Правда, мы далеко не всегда можем сказать, кого имел в виду поэт, но для его современников эти лица были легко узнаваемы; нам же на помощь могут прийти записки, письма или свидетельства современников.

Самая возможность подобного подхода к изучению «Альбома», на наш взгляд, запрограммирована в художественном методе автора «Евгения Онегина», ибо, как отмечает Ю. М. Лотман, «стремясь окружить своих героев неким реальным, а не условно-поэтическим пространством, Пушкин вводит их в мир, наполненный лицами, персонально известными ему и читателям».¹⁸

Сказанное в полной мере относится к центральному женскому образу, скрытому за инициалами М. С. (S. M.) в черновой редакции и Р. С. в беловом тексте «Альбома Онегина». Недостаточно внимание исследователей к особенностям творческой работы поэта над этим образом, играющим важную сюжетную роль в «Альбоме» и вносящим в него повествовательный элемент, привело к тому, что самый смысл его включения в орбиту внимания героя романа оказался непонятым. Н. Я. Соловей даже заставляет Онегина «пережить» роман с замужней светской дамой Р. С. (характерно при этом, что исследователь опирается лишь на беловой, окончательный текст). Между тем нет никакого сомнения в том, что в обеих редакциях речь идет о разных женщинах: М. С. в черновой редакции имеет, по нашему мнению, в виду Марию Александровну Мусину-Пушкину (урожд. Урусову), с которой поэт познакомился еще в Москве в 1827 г. и кратковременное увлечение которой пережил в Петербурге весной 1828 г. Касаясь такого сложного вопроса творческой истории романа, как прототипы его героев, следует напомнить глубоко верное, с нашей точки зрения, наблюдение И. М. Дьяконова, что на начальных стадиях работы Пушкин нередко обозначал будущих героев реальными именами их прототипов, видя в них «опорные образцы» зримых представителей данного типажа. Современники отмечали в Мусиной-Пушкиной ум, красоту, отзывчивость и доброту. По свидетельству Вяземского,¹⁹ «Пушкин был влюблен в графиню Пушкину». Ей посвящено стихотворение «Кто знает край, где небо блещет...», которому предпослано два эпитафия — немецкий: «Kennst du das Land» и русский: «По клюкву, по клюкву, | По ягоду, по клюкву». Стихотворение это датируется февралем—мартом 1828 г., что чрезвычайно важно для нашей темы.

Это время тесного общения Пушкина с Мусиной-Пушкиной и одновременно работы над черновой редакцией «Альбома». А пушкинский эпитаф «По клюкву, по клюкву...» дает ключ

¹⁸ Лотман Ю. М. Роман Пушкина «Евгений Онегин». С. 28.

¹⁹ Помета на полях стихотворения «Не веровал я Троице донне» (Пушкин. Соч. Берлин, 1870).

к шифру М. С., ибо героине онегинского «Альбома», обозначенной этими инициалами, как следует из записи, хотелось клюквы:

Чего же так хотелось ей
Сказать ли первые три буквы
К—Л—Ю—Клю ... возможно ль, клюквы!

VI, 433

Разъясняет смысл этой реалии опубликованная М. А. Цявловским черновая запись П. В. Анненкова (со слов, видимо, Вяземского): «Мусина-Пушкина, урожд. Урусова, потом Горчакова (посланника), жившая долго в Италии, красавица собою, которая, возвратившись сюда, капризничала и раз спросила себе клюквы в большом собрании. Пушкин хотел написать стихи на эту прихоть и начал описанием Италии: Кто знает край...».²⁰

В 1842 г. она сообщала мужу: «Вяземский долго говорил мне о тебе и обещал мне стихотворение „Клюква“, которое Пушкин написал мне».

Обращение к этому, казалось бы, незначительному и даже в известной мере анекдотическому эпизоду позволяет понять смысл введения образа М. С. в «Альбом Онегина»: оно было связано с поисками женского идеала, сохраняющего в великосветской среде живую душу, ум и патриотическую настроенность, противостоящую космополитизму высшей знати. В этом отношении любопытен подбор имен, которыми Пушкин наделяет героиню стихотворения «Кто знает край...»: Эльвина, Лейла, Рогнеда, Глицера, Людмила, и лишь в самом конце появляется ее настоящее имя:

Пиши Марию нам другую,
С другим младенцем на руках.

III, кн. 1, с. 98

Но вскоре приходит разочарование: «Пушкин говорит о Пушкиной-Урусовой, что у нее душа прачки» (письмо Вяземского жене от 2 мая 1828 г.). К моменту окончания отделки «Альбома» образ М. С. тускнеет, остается только строфа о ее муже, и всплывает другой образ — фрейлины А. О. Россет, который вытесняет М. С. черновой редакцией. К моменту работы над белой редакцией поэт уже лично знаком с нею. (В своих записках Россет неоднократно подчеркивала, что ее знакомство с Пушкиным состоялось осенью 1828 г. на вечере у Элизы Хитрово.) Поэт передаст новой героине (Р. С.) сюжетную роль и наиболее значительные реплики М. С.

Воссоздавая образ обаятельной и умной великосветской красавицы, резко выделяющейся из светской толпы, поэт видел перед собою живую Россет с характерной для нее смелой и свободной манерой обращения с окружающими, с ее искрометным юмором и склонностью к серьезным, далеко не светским по своему содер-

²⁰ Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 372.

жанию разговорам на балах и раутах. Не случайно рассказ о Р. С. соседствует в «Альбоме» с рассуждениями «о сокровищах родного слова», знатоком и ценительницей которого была и Россет. Поэт рисует свою героиню в образе восточной «одалиски». Диалог Р. С. с Онегиным, может быть, отзвук реально происшедшего разговора, которым искренняя и откровенная Россет могла заинтересовать поэта:

Вечор сказала мне Р. С.:
Давно желала я вас видеть.
Зачем? — мне говорили все,
Что я вас буду ненавидеть.

VI, 615

О ее знаменитых «парадоксах» напоминает и неожиданное признание Р. С. Онегину:

И знали ль вы до сей поры,
Что просто — очень вы добры?

VI, 615

Своеобразным рудиментом «присутствия» Мусиной-Пушкиной в белой редакции «Альбома» является запись о муже героини. Известно, что муж М. А. Мусиной-Пушкиной Иван Алексеевич, сын знаменитого собирателя древнерусских рукописей, не отличался талантами отца и прославился у современников разве что своими знаменитыми обедами. «Ее муж был обжора и давал обеды», — пишет А. О. Россет.²¹ Характерно, однако, что запись о муже героини следует после строфы о «кокетках записных», к числу которых Пушкин относит теперь и М. А. Мусину-Пушкину.

Завершив работы по перебеливанию «Альбома Онегина» к началу ноября 1828 г., Пушкин не включает его в текст седьмой главы и возвращается к отвергнутому ранее варианту знакомства Татьяны с внутренним миром своего избранника.

Коротко резюмируя сказанное выше, подчеркнем, что «Альбом» был исключен из романа по соображениям не только этического, но и чисто художественного, творческого свойства. Слишком очевидными и откровенными были его биографические реалии, слишком значителен был временной разрыв, отделяющий светского повесу первой главы от задумавшегося, трагически настроенного Онегина финала романа. (И альбомные записи более соответствовали новому, более позднему по времени облику героя!) Однако работа над «Альбомом Онегина» не прошла бесследно: она дала обильный материал и для лирических отступлений романа, и для картин великосветской жизни в восьмой главе, а главное, дала верные ориентиры для создания нового образа Татьяны, светской дамы — недаром поэт наделяет этот образ деталями, впервые появившимися в «Альбоме».

²¹ Смирнова А. О. Записки, дневник, воспоминания, письма. М., 1929. С. 189.

Н. В. БЕЛЯК, М. Н. ВИРОЛАЙНЕН

«ТАМ ЕСТЬ ОДИН МОТИВ. . .»

(«Тарар» Бомарше в «Моцарте и Сальери» Пушкина)

В «Моцарте и Сальери» есть одно странное и труднообъяснимое место. Моцарт признается Сальери в том, что его преследуют дурные предчувствия и мистические страхи, что за их дружеской трапезой мерещится ему присутствие третьего — черного человека, — и Сальери, видимо, движимый желанием рассеять сгустившуюся трагическую атмосферу, отогнать смерть, коснувшуюся своим дыханием их обоих, призывает на помощь авторитет веселого Бомарше. Пытаясь перейти к шутливому тону, он вспоминает простой рецепт великого комедиографа: гнать черные мысли с помощью шампанского или «Женитьбы Фигаро». Упоминание Бомарше и его бессмертной комедии, вдохновившей Моцарта на создание оперы, и сама шутка производят определенный эффект: Моцарт подхватывает предложенную тему, оживляется, вспоминая, что Сальери, как и он сам, творчески соединен с Бомарше музыкой, а сверх того — еще и личными приятельскими отношениями, с искренней похвалой отзываясь о «Тараре», сочиненном Сальери по либретто Бомарше, и даже пытается напеть некий мотив из «Тарара», связанный для него с особым состоянием счастья. . . И вот здесь, вдруг, резко обрывая мотив, Моцарт почему-то задает вопрос, совершенно неожиданный на фоне того направления, которое принял было их разговор и действие в целом: «Ах, правда ли, Сальери, что Бомарше кого-то отравил?» (VII, 132).

Весь этот эпизод является откровенно перипетийным моментом 2-й сцены, активно подвигающим ее к кульминации и трагической развязке: уже через реплику Моцарт произнесет слова о несовместности гения и злодейства, Сальери в ответ на это бросит яд в стакан Моцарта, и трагедия станет необратимой. И вот в преддверии этого рокового момента Бомарше оказывается как бы посредником между Моцартом и Сальери, чуть ли

не иностасью того черного человека, который, как мерещится Моцарту, меж ними «сам-третей сидит» (VII, 131).

История о Бомарше-отравителе известна.¹ Но почему Моцарт при такой окраске действия вдруг вспомнил именно эту историю? И почему так стремительно изменился в его сознании образ Бомарше, вначале обрадовавший и даже развеселивший его? Обычно ссылаются на интуицию Моцарта, но ведь это ничего не объясняет в самом тексте. А меж тем перемена произошла в тот самый момент, когда Моцарт радостно соединил Бомарше и Сальери, вспомнил о «Тараре» и попытался напеть мотив из него. Быть может, и в этом произведении, и в этом мотиве, и, наконец, в особом характере творческой дружбы Бомарше и Сальери заключено нечто такое, что спровоцировало Моцарта на эту перемену? Но что именно?

Прежде всего обратим внимание на весьма существенный факт, который до сих пор еще не был отмечен исследователями. Факт этот состоит в том, что между двумя главными героями оперы «Тарар» развивается тот же самый конфликт, что и между Сальери и Моцартом. Поразительно, до какой степени сюжетные коллизии обоих произведений симметрично повторяют друг друга: в каждом из них действуют два соперника, один из которых смертельно завидует дару, доставшемуся другому. Прямым аналогом пушкинского Сальери у Бомарше выступает Атар — жестокий царь Ормуза, и з а в и с т и жаждущий погубить солдата Тарара. Причиной тому — неизменная удачливость Тарара и всеобщая любовь, которые судьбой дарованы солдату и которыми обойден владыка Ормуза.²

Данный параллелизм коллизий, несомненно существенный и сам по себе, по отношению к действию трагедии становится существен вдвойне: сюжет оперы — сюжет зависти и соперничества — не мог не вернуть Моцарта в круг мрачных мыслей и подозрений, как только она была упомянута. Уже одно это многое объясняет в происходящем, но, однако, не отвечает на вопросы о том, почему подозрения Моцарта оказались связаны с Бомарше и какую функцию выполняет в тексте и в развитии действия непосредственная цитация из «Тарара». Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо дать более подробную харак-

¹ Легенда о том, что Бомарше отравил двух своих жен, чтобы завладеть их состоянием, была известна Пушкину еще в юности, так как Лагарп рассказал ее в «Лицее», желая разоблачить тех, кто оклеветал Бомарше (см.: *Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne* par J. F. la Harpe. Paris, 1834. Т. 2. P. 542—543).

² Забытая ныне опера «Тарар» долгие годы после своего создания (1787) пользовалась в Европе широкой известностью, соперничая с «Дон Жуаном» Моцарта. (См. комментарий М. П. Алексеева к трагедии «Моцарт и Сальери»: *Пушк и н. Полн. собр. соч. Т. 7. Драматические произведения. М.; Л., 1935. С. 535*). Литературная основа оперы была хорошо знакома Пушкину: уже установлено, что авторское предисловие Бомарше к «Тарару» было использовано при создании образа Сальери. (См.: Там же. С. 525—537).

теристику текста Бомарше в его соотносительности как с проблематикой пушкинской трагедии, так и с мироощущением ее героев.

Первое. «Тарар» был написан в 1787 г. во Франции, которая уже дышала революцией.

Второе. Текст «Тарара» — не просто оперное либретто. Бомарше задумал реформировать оперу. Он хотел, чтобы музыка потеснилась и уступила место драматическому тексту. С этой целью и был написан «Тарар» — опера, литературная основа которой имеет первостепенное значение (об этом Бомарше декларативно заявлял в предисловии).

Третье. В отличие от «Женитьбы Фигаро» «Тарар» трактует уже не бытовую и социальную коллизию. Его поэтика и идеология в корне отличаются от комедии. «Тарар» трактует самое устройство мира, в котором социально-историческая проблематика объяснена и обусловлена прежде всего метафизической организацией космоса.

Космогонический миф Бомарше обрисован в своеобразном «прологе на небесах», где представлена тройная иерархия космических сил, состоящая из неупорядоченных хаотических стихий, властвующих над ними творческих Гениев и венчающего мироздание всеблагого Браммы. Гении занимаются сотворением рода людского: Гений Природы — материальной стороной творения (лепит человеческий состав из прихотливого соединения атомов), Гений Огня — одухотворением произведенного Природой и распределением земных жребиев. Творческие Гении, с одной стороны, стремятся к законосообразности, а с другой стороны, в самой основе их действий лежит случайность. Власть же над абсолютным законом высшей справедливости является прерогативой невидимого Браммы, стоящего над всем этим. Не вдаваясь в дальнейшие подробности, отметим, что в основе этой типично просветительской картины мира лежат различные десакрализованные, смешанные между собой и рационализированные каноны: восточный, античный, христианский и т. д.

На основе такого космогонического мифа строится в «Тараре» миф социально-исторический. По сути дела «Тарар» является утопическим образцом «правильной» истории: задача людей заключается в приведении случайностей, допущенных творящими Гениями, к тому закону справедливости, который обеспечен наличием всеблагого Браммы. Пороки тирана Атара делают его недостойным трона, а добродетели солдата Тарара соответствуют царскому месту. И личные достоинства, и социальные места достались каждому из героев по жребию, выпавшему по воле случая. Вот почему эти социальные места необходимо перераспределить в соответствии с личными достоинствами героев так, чтобы над случайностью восторжествовала законная справедливость. И по ходу развития оперы в результате многочисленных перипетий трон тирана Атара достается добродетельному солдату Тарару, в чем и проявляется космическое торжество Браммы.

Описанный здесь метафизический аспект произведения Бомарше имеет непосредственное отношение к идеологии протагониста трагедии Сальери и должен быть явственно соотнесен с ней.

Трагедия начинается с идейного бунта Сальери, и уже первые слова его начального монолога: «Все говорят: нет правды на земле. Но правды нет — и выше» (VII, 123) — являются вовсе не актом некоего абстрактного богоборчества, как это может показаться по первому впечатлению, а бунтом против той самой просветительской метафизики и идеологии, одним из творцов которой (и непосредственным наставником в ней по отношению к Сальери) был не кто иной, как Бомарше, автор «Тарара».

О том, что именно такова роль Бомарше в духовной биографии Сальери, красноречиво свидетельствует авторское предисловие к «Тарару», на которое М. П. Алексеев указал как на важнейший ключ к пониманию трагедии.³ Примечательно, что Бомарше вообще посвятил «Тарара» Сальери: «Мой друг, я посвящаю Вам мой труд, потому что он стал Вашим».⁴ Далее и в посвящении и в предисловии всячески подчеркнута то единодушие, с которым работали драматург и композитор. Понятно, однако, что в выработке идеологической позиции приоритет принадлежал Бомарше, который призвал Сальери для воплощения уже готового произведения. И Сальери, работая над «Тараром», должен был полностью и безраздельно принять не только его эстетику, но и всю совокупность метафизических и социально-исторических идей, которые были так отчетливо выражены в «Тараре».

Но к тому моменту духовной биографии Сальери, когда начинается действие трагедии, у него есть все основания в принципе пересмотреть свое отношение как к просветительской вере в космическое торжество справедливого разума, так в конечном счете и к самому Бомарше.⁵

³ См.: Там же. С. 535.

⁴ Бомарше. Избр. произв. М., 1954. С. 545. — Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник.

⁵ Здесь необходимо оговорить важную для этой статьи методологическую установку, которая касается принципов соотнесения художественного смысла с фактами истории культуры. В заметке о Моцарте и Сальери, рассуждая о возможности совершения Сальери преступления, приписываемого ему, Пушкин делает собственный вывод, основываясь на очень интересной по своей природе аргументации: «Завистник, который мог освидетельствовать Дюон Жюана, мог отравить его творца» (XI, 248). Опираясь на некоторый факт, Пушкин как бы продлевает свое знание в сферу неизвестного и реконструирует образ Сальери, соединяя протокольное сведение с тем, что является гадательным и тайным, открывая границу между определенным историческим фактом и художественным постижением того, что из этого факта следует. Такой пушкинский метод позволяет и нам до некоторой степени открыть границы, отделяющие художественный мир от его культурно-исторического контекста, и соединить наши знания об историческом Сальери с тем, что нам хотелось бы понять о Сальери пушкинском. Пушкин шел от известных ему фактов биографии Сальери. Мы идем вслед за ним, стараясь при этом двигаться так, чтобы культурно-исторический контекст комментировал плные связи и оттенки произведения Пушкина, а оно в свою очередь становилось для нас пушкинским комментарием к определенным событиям истории культуры.

Одним из главных принципов просветительской демиургии⁶ было ограничение власти случая. В «Тараре» «правильность» исторического движения была основана на приведении случайности в соответствие с высшим законом Браммы, т. е. на законосообразном упорядочивании случайного. И это — не оригинальная позиция Бомарше, а общий взгляд на случайность, выработанный просветительством. Показателен в этом отношении фундаментальный труд Гельвеция «О человеке», в основном посвященный проблемам воспитания — т. е. правильного, с просветительской точки зрения, формирования человека. Гельвеций не может не признать, что «случай играет и всегда будет играть известную роль в нашем воспитании, и в особенности в воспитании великих людей».⁷ Но главная забота Гельвеция — ограничить власть случайности, подчинить ее разумному и законосообразному воспитательному воздействию.⁸ Такова просветительская установка: согласно природе мироздания миром должен править разумный закон, случайность же хотя и не устранима вовсе, но иерархически подчинена ему. Пушкинское отношение к подобной картине мира известно: Гельвеция он назвал «холодным и сухим», его метафизику — «пошлой и бесплодной» (XII, 30—31). Меж тем непредсказуемая случайность, непредвидимый случай составляют, по Пушкину, неотъемлемую часть живой человеческой истории: «Провидение не алгебра. Ум человеческий», по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть *случая* — мощного, мгновенного орудия провидения. Один из остроумнейших людей XVIII ст. предсказал Камеру французских депутатов и могущественное развитие <?> России, но никто не предсказал ни Наполеона, ни Полиньяка» (1830) (XI, 127).

Итак, в первом монологе взбунтовавшийся Сальери проверяет свой жизненный путь просветительскими критериями справедливости, и такая проверка убедительно демонстрирует ему, что он, ни в чем не погрешивший в своем служении музыке, обойден той высшей наградой, которая по справедливости заслужена им, в то время как в лице Моцарта обнаруживается полное и неоспоримое торжество случайности: «священный дар, бессмертный гений» достался человеку, который, по мнению Сальери, его не достоин. С другой стороны, высший закон просветительского космоса являлся гарантией справедливого перераспределения жребиев, а между тем гений, доставшийся Моцарту, от него неотъемлем. Таковы исходные основания Сальери для этого бунта.

Дело же заключается в том, что в ситуации с Моцартом

⁶ Демиургией мы называем такую интеллектуальную позицию, которая претендует на авторские полномочия по отношению к мирозданию и игнорирует то обстоятельство, что человеческое сознание само является частью мира.

⁷ Гельвеций К. А. Соч.: В 2 т. М., 1974. Т. 2. С. 33.

⁸ Там же. С. 172—176.

Сальери вместо жребия столкнулся с даром, т. е. вместо исправимой с рациональной точки зрения игры случая — с непоправимым и неопровержимым чудом (с «мощным орудием провидения»). А этого просветительский космос вообще не предусматривал. Сальери занял в сюжете, аналогичном сюжету оперы Бомарше, не то место, на которое он рассчитывал. Заслуживший по всем просветительским меркам судьбу Тарара, он почему-то оказался в роли его врага Атара и обнаружил в себе ту же самую зависть. Бунт Сальери тем самым оказался еще и бунтом против усвоенного им однажды сюжета. Но знание этого сюжета и своей роли в нем произойдет позже — как раз во время того диалога с Моцартом, от которого мы оттолкнулись. Так упоминаемый Моцартом «Тарар» становится в этом месте действия особо значимым и для Сальери, что неминуемо сказывается на характере дальнейшего развития всей трагедии. Ведь начиная с низвержения просветительской иерархии Сальери открывает для себя тот факт, что никакой всеблаготворительной, абсолютной и разумной справедливости нет, и поэтому берет эту функцию на себя. Именно отрицание того рационалистического мифа, классическим образчиком которого является «Тарар», приводит Сальери к его разрушительным поступкам и еще более разрушительным выводам.

Какова же во всем этом объективная роль Бомарше? Ограничивается ли она только лишь невольной причастностью к судьбе Сальери как соавтора «Тарара», или же ответственность его куда шире, и он не случайно оказывается трижды назван в самой сердцевине трагедии, на границе с ее роковой развязкой?

Трижды упоминаемая в своей трагедии имя Бомарше, Пушкин намечает не более и не менее как три этапа становления просветительской идеологии: в первый раз Бомарше возникает как веселый комедиограф, автор демократичного «Фигаро», во второй раз — как автор дидактичного «Тарара», в третий раз — как циничный отравитель.

Жизненный и творческий путь Бомарше, ведущий к «Женитьбе Фигаро», — это путь самозащиты, затем — самовыражения и, наконец, — самоутверждения. В «Фигаро» Бомарше творит самого себя, свой собственный социальный тип, — творит через самоутверждение, но также и через претерпевание, ибо Фигаро несет в себе всю полноту внутреннего мира, отстаивающего и охраняющего себя интригой, веселостью, жизнеспособностью. Автор «Фигаро» — буржуа, защищающийся от аристократов.

Автор «Тарара» — это уже буржуа, занявший место аристократа. Индивидуализм, лежавший в основе его социального типа, изменил свою природу: победив, он перестал защищаться и начал поучать. Создав бессмертного героя по образу своему и подобию, теперь Бомарше по образу своему и подобию стал строить внеположенный ему мир. Социальное колесо перевернулось, и самоутверждение превратилось в откровенную демиургию. Пока-

зательно, что мир «Тарара» устроен так, что верховная справедливость Браммы тождественна авторскому сознанию самого Бомарше. И это отождествление не случайно: оно опирается на хорошо усвоенную Европой традицию, согласно которой человек есть подобие Творца. По отношению к этой традиции рационализм совершил только один шаг: подменил подобие тождеством — и человеческое сознание стало править миром, обретя демиургические полномочия. Бескорыстные и преданные служители верховного закона разума, просветители отождествили с этим законом себя, порождая тем самым удивительную реальность — индивидуалистический объективизм.

В Сальери, с которым, собственно, и связан мотив отравительства, мы встречаемся уже не с самой идеологией Бомарше-демиурга, но с ее последствиями. Обнаружив несостоятельность просветительского мифа и утратив веру в рациональную верховную справедливость, Сальери безотчетно для себя остается в рамках того же самого мифа, только развернувшегося теперь своей новой и самой страшной стороной. Сальери сознает себя жрецом, который призван принести жертву ради сохранности мира и гармонии, так как в другие гаранты их сохранности он более не верит. Принимая на себя подобную роль, он невольно оказывается в позиции демиурга, ибо не знает никакого другого сознания над собой и не предполагает почти никакого самосознания в том, кого обрекает стать жертвой. Так Сальери становится жрецом-узурпатором, берущим на себя и сознание Творца, и сознание жертвы. В мире есть лишь его индивидуальное сознание, и это единственное сознание правит миром, рационально перестраивая его по собственному иррациональному произволу. Такая акция есть не что иное, как та же демиургия, но на сей раз не претендующая на созидание, а разрушающая: демиургия смерти, демиургия нигилистическая, полностью разоблачающая себя в том предположении Сальери, что создатель может быть убийцей. Так несостоятельность просветительского космоса оборачивается хаосом смерти, который начинают мыслить как основу созидания. А в психологическом аспекте (и на примере Сальери это отчетливо видно) за всем этим стоит «тонатический комплекс».⁹ Однако сам Сальери мнит себя уже вполне независимым от разоблаченной им просветительской мифологии. Не случайно на Бомарше он смотрит теперь свысока и, отвечая на вопрос Моцарта, называет создателя «Тарара» слишком с м е ш-

⁹ Миф о создателе Ватикана подкрепляется в душе Сальери еще одним обстоятельством его биографии, еще одним знаком его судьбы. Знак этот — «дар Изоры», яд, дар власти над жизнью и смертью, чужой и своей. И если мы глядим на Сальери не как на примитивного злодея, а как на трагического героя, то мы должны помнить, что католик Сальери узурпировал власть, которая по христианскому закону принадлежит только богу, и половину своей жизни прожил в соответствии с идеалом античности, Возрождения, классицизма, просветительства, наконец, в соответствии с идеалом, отнюдь не по-христиански, не по-католически трактующим отношение человека к смерти.

ным¹⁰ для ремесла отравителя. Но что бы ни думал о себе в сравнении с Бомарше Сальери, совершенный им путь к нигилизму накрепко связан с демифологизацией именно такого абстрактного мифа, как миф, созданный Бомарше в «Тараре». Бомарше фигурирует в трагедии как отравитель, ибо как художник и идеолог он невольно оказывается ответственным за иррационализм Сальери.

Так пересекаются границы художественного текста и культурно-исторической реальности. Если учесть характерный колорит эпохи, становится понятным, почему зловещая легенда о Бомарше-отравителе на какой-то момент актуализируется в сознании пушкинского Моцарта, соприкоснувшегося со всем объемом той реальности, которая заключена в сюжете, содержании и идеологии «Тарара» — общего детища Бомарше и Сальери. И здесь мы вправе сказать, что в этом месте трагедии мы имеем дело не со случайной ассоциацией Моцарта, а с моментом подлинного узнавания им трагической ситуации.

Но что же происходит в душе Моцарта в эту минуту? Как собственно психологически совершается в нем эта перипетия, этот мгновенный переход от счастья к несчастью — переход, непосредственно следующий за музыкальной цитатой из «Тарара»? Думается, что на этот вопрос можно ответить, только раскрыв цитату.

Итак:

Да! Бомарше ведь был тебе приятель;
Ты для него Тарара сочинил,
Вещь славную. Там есть один мотив...
Я все твержу его, когда я счастлив...
Ла ла ла ла... Ах, правда ли, Сальери,
Что Бомарше кого-то отравил?

VII, 132

Что же это за «ла ла ла ла»?

М. П. Алексеев высказал предположение, что Моцарт напевает здесь отрывок из арии Тарара «Астазия-богиня», популярной в России в пушкинскую эпоху.¹¹ Но из текста Бомарше явствует, что в арии об Астазии Тарар оплакивает свою возлюбленную. Его эмоциональное состояние охарактеризовано в следующей реплике:

¹⁰ Это словечко лишний раз указывает на неоднозначность лика Бомарше, воплощенного в «Моцарте и Сальери». В уста Сальери Пушкин вложил скрытую цитату из Вольтера. Как показал В. Э. Вацуро, Пушкин мог знать два варианта этой цитаты: собственно вольтеровский, приведенный Лагарпом, и вариант самого Бомарше, который, издавая сочинения Вольтера, переправил «смешной» на «веселый» (Вацуро В. Э. Пушкин и Бомарше // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1974. Т. 7. С. 211—212). В том же 1830 г., когда создавались маленькие трагедии, Пушкин применил к Бомарше и эпитет «веселый» — в строках стихотворения «К вельможе»: «Подобный своему чудесному герою, | Веселый Бомарше...». Бомарше, автор «Женитьбы Фигаро», — веселый; Бомарше, автор «Тарара», — смешной.

¹¹ См.: Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 535.

Как, из-за женщины ты плачешь
И даже слез своих не прячешь,
Солдат, испытанный в бою?
< >
Но тот, кто честь в слезах утратит,
Не обретет ее опять!¹²

Как видим, эта ария мало соответствует тому состоянию счастья, о котором говорит Моцарт. Поэтому, не отвергая гипотезы М. П. Алексеева, основанной на истории музыкального театра в России, мы тем не менее хотели бы предложить другую, основанную на анализе литературного текста «Тарара».¹³

Дело в том, что в каноническом варианте «Тарара» вообще нет ни одной ситуации, которая была бы окрашена чистой и непосредственной радостью, — есть лишь патетические места. Зато в издании 1790 г. имеется сцена, вставленная в финал оперы и по своему характеру отличающаяся от всего остального ее текста. С ней-то и связана наша гипотеза, дающая возможность адекватно оценить весьма сложное по своей психологической природе эмоциональное состояние Моцарта. Однако прежде чем высказать свое предположение, мы должны обратиться к истории написания новой сцены и обстоятельствам, сопутствовавшим ее театральному представлению, так как это связано с полной раскрытия интересующей нас цитаты.

Премьера оперы состоялась 8 июня 1787 г. «Тарар» Бомарше, представлявший собой философскую сказку, основной пафос которой заключался в аллегорическом выражении целого комплекса идей, выработанных французским просветительством, и созданный с целью идеологического формирования общественного сознания в определенном социально-политическом направлении, был принят с восторгом. В течение 1787 г. было сыграно 33 спектакля. То был первый триумф Сальери в Париже. И вот в 1790 г. готовится возобновление спектакля. Но с момента премьеры прошло не просто четыре года: за это время свершилась Французская революция. Историческая ситуация в стране в корне переменялась, а вместе с ней переменялась и ситуация театральная.

Парадигма публичного поведения сменилась во французском театре еще в предреволюционную эпоху. Демократизация зрителя влекла за собой все большее снятие этикетных ограничений, все большую свободу эмоциональных реакций. В годы же революции театральная жизнь Парижа представляла собой совершенно уникальный феномен. Традиционная форма взаимодействия спектакля и публики в принципе изменилась: изменилась природа эстетической границы, ибо спектакль перестал быть от-

¹² Бомарше. Избр. произв. С. 579. — Французский текст: *Quoi! soldat! pleurer une femme <...> Mais l'honneur qu'on perd dans les larmes, On ne le retrouve jamais*» (Théâtre de Beaumarchais. Paris, 1828. Т. 2. Р. 404—405).

¹³ Подобное рассмотрение мы считаем вполне уместным по отношению к «Тарару», в предисловии к которому Бомарше настаивал на приоритете литературной основы в оперном искусстве.

деленным от публики самостоятельным эстетическим феноменом. На сцене и в зале разворачивалось единое действие, и основу его единства составляли политические страсти. Сюжет любого спектакля, будь то хотя бы и Расин, прочитывался прежде всего через аллюзии и намеки. Все интерпретировалось под углом зрения последних политических событий, через соотнесенность с ними. Сцена превратилась в трибуну, а зрительный зал отвечал ей со всей активностью, какая мыслима в политическом собрании. Публика вместе с хором на сцене распевала революционные песни. На спектаклях драмы Олимпии де Гуж «Рабство негров» происходили скандалы между сторонниками плантаторского режима и его противниками. Роялисты, орлеанисты и республиканцы обращали в свое оружие стихи Расина. Перебранки между представителями различных партий доходили до драк.¹⁴

Именно для такой театральной аудитории Бомарше написал новую сцену — сцену коронования Тарара, которая была ориентирована на конкретную политическую ситуацию и носила открыто публицистический характер: Бомарше высказывался в ней за конституционную монархию. Сторонники его политических взглядов рукоплескали; республиканцы освистали финал.¹⁵

В этой ярко публицистической сцене, в которой солдат Тарар, любимец народа, восходит на трон злодея Атара и дарует своим подданным всяческие блага (жрецам — право вступления в брак, тяготящимся браком — право развода и т. д.), есть эпизод, когда закованные в цепи негры из Зангебара обретают благодаря Тарару человеческое достоинство. Именно этот эпизод и должен быть, на наш взгляд, соотнесен с текстом пушкинской трагедии. В цитируемом ниже отрывке разрядкой выделены те места, на которые следует обратить особое внимание.

Тарар:
(*величественно*)

Народ несчастный, встань!
Не страждет пусть никто: жестокие тираны
Попрали в вас людей! Мы вам залечим раны.
Все будьте счастливы!

Все негры:
(*встают на колени и восклицают*)

Хвала! Хвала! Хвала!

¹⁴ См.: Державин К. Театр Французской революции. Л., 1932. С. 117—138.

¹⁵ См.: Мокульский С. Бомарше и его театр. Л., 1936. С. 80. — Обращенная к конкретным политическим обстоятельствам эта сцена стала переписываться по мере того, как обстоятельства менялись. На VII году республики Тарар сделался яростным республиканцем, отвергнувшим корону, а в 1819 г., уже в разгар Реставрации, Тарар, поднявший восстание, раскаялся и получил прощение своего законного монарха (Бомарше при этом уже не было в живых). См.: Артамонов С. Д. Бомарше: Очерк жизни и творчества. М., 1960. С. 230—231.

Молодой негр:
(в экстазе)

Хвала! Хвала!
Негр черный бедная была!
Терпеда горькая удел.
Но добрый белый пожалел!
За тебя, о добрый белый,
Негр отдаст душу и тело!
Кровь прольет!
Жизнь дает!
Будет негр работать дело,
За тебя, о добрый белый,
За твой народ — моля
Наша бога Урбаля!
Урбаля! Урбаля!

(обращаясь к зрителям)

Ля-ля-ля, ля-ля-ля!

(Живописная пляска негров и негритянок,
выражающая их восторг)¹⁶

Итак, наша гипотеза связана с тем, что «ла ла ла ла» пушкинского Моцарта является не только музыкальной, но и словесной цитатой из данной сцены «Тарара» — ювелирной деталью в словесном произведении, посвященном музыке.

Такая цитата из «Тарара» не только эмоционально соответствует пушкинскому контексту, но и в свою очередь раскрывает его, ибо через нее прочитывается, что такое собственно счастье для Моцарта: это особое восторженное переживание свободы, связанное к тому же с переживанием музыкально-эстетическим. Если учесть, что премьера 1790 г. состоялась 14 июля — в первую годовщину взятия Бастилии, — и представить себе парижскую театральную атмосферу того времени, то нетрудно догадаться, на какую реакцию зала рассчитывал Бомарше, заканчивая эксцентрическую арию негра прямым обращением к зрителям с бестекстовым «ля-ля-ля», которое так легко подхватить! Цитируя в качестве своего любимого то место из «Тарара», суть которого в экстатическом соединении певца и веселящегося, ликующего народа, Моцарт не только делает комплимент композитору Сальери, но и как бы полемизирует с его основными эстетическими и идейными установками.¹⁷ Вульгарно-демократический характер негритянской арии находится в вызывающем противоречии с однозначной серьезностью жреческих претензий Сальери.

Такая цитата сразу многое говорит и о Моцарте, и о Бомарше, и о Сальери, и о «Тараре» в его отношении к Французской революции, и о специфической театральной ситуации...

¹⁶ Бомарше. Избр. произв. С. 649.

¹⁷ О скрытой музыкальной полемике в «Моцарте и Сальери» см.: Гапаров Б. М. «Ты, Моцарт, недостоин сам себя» // Временник Пушкинской комиссии. 1974. Л., 1977. С. 117.

Как кажется, подобный характер цитации вполне соответствует природе пушкинского лаконизма, который никогда не сводится к линейной лапидарности, но содержит в себе целый семантический пучок смыслов, соотносящих фрагмент текста с широким культурным контекстом. Кроме того, тут нельзя не учесть одного обстоятельства, связанного с психологией и биографией Пушкина: именно негритянский мотив он мог с особым удовольствием ввести в качестве скрытой цитаты в текст «Моцарта и Сальери».¹⁸

Вспомним: задача раскрытия цитаты была поставлена прежде всего для того, чтобы понять, как совершается в душе Моцарта мгновенная перемена, которая с новой силой возвращает его к мрачным мыслям. А все, о чем до сих пор говорилось в связи с цитатой, казалось бы, свидетельствует лишь о том, что Моцарт в этот момент безраздельно отдался состоянию счастья, — и если это так, то переход к подозрениям после подобной цитации становится еще более труднообъяснимым.

И все-таки экзатическое «ля-ля-ля» связано не только с переживанием чистой радости. В образе чернокожего певца заключена возможность метафорического соединения с образом того черного человека, который появился в начале интересующего нас эпизода трагедии.¹⁹ Противоречивость подобного соединения не должна нас смутить, ибо для сознания и психологии Моцарта законом является диалектика, составляющая противоположность метафизическим установкам Сальери.

¹⁸ Здесь мы обязаны указать на слабую сторону нашей гипотезы. Если ария «Астазия-богиня» в ее музыкальном исполнении была известна в России, то никаких свидетельств о подобной известности сцены коронования «Тарара» на сегодняшний день не найдено. Впрочем, в этом отношении последнее слово остается за музыковедами. Учитывая это обстоятельство, предлагаемую нами гипотезу можно с уверенностью принять лишь одновременно с тем условием, что Пушкин ориентировался не на музыку Сальери, а на текст Бомарше, по которому он реконструировал и музыкальную, и театральную ситуации. Но и в этом случае остается вопрос: читал ли Пушкин издание «Тарара» 1790 г. (в других изданиях сцена коронования не печаталась)? Однако судя по пристальному вниманию Пушкина к Бомарше, он вполне мог заинтересоваться этим изданием — такой интерес мог возникнуть в связи с письмом Бомарше к Сальери от 15 августа 1790 г., в котором говорилось о новой сцене к «Тарару». (См.: *Oeuvres complètes de Pierre-Augustin Caron de Beaumarchais*. Paris, 1809. Т. 7. Р. 67).

¹⁹ Научный анализ не может основываться на метафоре. Поэтому подчеркнем, что в данном случае мы основываемся не на метафоричности филологической мысли, но на факте обнаружения в тексте скрытой поэтической метафоры — одного из характернейших средств поэтического сознания. Неслучайность метафорического сцепления образа негра с образом черного человека — вестника смерти — подтверждается тем, что в последней из маленьких трагедий (один из поэтических законов которых — явный и скрытый переход лейтмотивов из драмы в драму) появляется негр, управляющий телегой с мертвыми телами. Подчеркнем также, что дальнейший ход наших рассуждений не находится в принципиальной зависимости от этого их отправного пункта.

В самом деле, если мы проследим теперь все, что столкнулось между собой в этот момент в сознании Моцарта, то обнаружим как бы двойное встречное движение оспаривающих друг друга и движущихся к взаимному раскрытию смыслов. Душевное движение Моцарта, преодолевающее мрак и устремленное к счастью, связано с возникающим образом Бомарше, с тем, что Сальери водил дружбу с великим комедиографом, с мыслями о веселящем на дружеской пирушке шампанским, об исполненной веселья «Женитьбе Фигаро», принадлежащей уже и ему, о том, что в соавторстве Бомарше и Сальери создана славная опера «Тарар», наконец, об экстатически радостном мотиве из оперы — но ведь через те же самые смысловые точки текста одновременно идет и обратная, как бы встречная переинтерпретация всего происходящего, ибо все эти точки чрезвычайно двусмысленны и провоцируют двойное их понимание. Так, негрятянский, мотив связан с образом черного человека, опера — с коллизией зависти, творческая связь Сальери и Бомарше — с ведущей к дурным последствиям метафизикой, мотив злодейства захватывает образ Бомарше, мысль об отравительстве поновому окрашивает упомянутое Сальери шампанское и т. д. Этому встречному движению смыслов соответствует и пушкинская пунктуация; многоточия, пронизывающие реплику Моцарта, также полны двусмысленного напряжения: они могут прочитываться и как паузы, связанные с мажорным движением эмоции, нетерпеливо устремленной к воспоминанию радостного «ля-ля-ля», и как указывающие на обрывы душевного движения, на упадки тона, на отказы в доверии счастью, на уже вновь растущие страхи. По сути же многоточия указывают на те самые моменты, когда встречные движения смыслов пересекаются друг с другом во всей своей взаимной борьбе.

Остается последний вопрос: могло ли сознание Моцарта в те краткие мгновения, что длился их разговор с Сальери, вместить огромный объем смыслов, о которых нам пришлось столь долго рассказывать? Такая возможность не должна казаться фантастической. По слову Пушкина, «вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следственно, и объяснению оных. Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии» (XI, 54). Едва ли у нас есть основания отказывать пушкинскому Моцарту во вдохновении в том самом смысле, в каком его понимал Пушкин.

В описанном нами перекрестном движении встречных смыслов заложен, на наш взгляд, один из важнейших принципов пушкинской поэтики как таковой. Думается, что и ария из «Дон Жуана», и безделица, сочиненная во время бессонной ночи, и отрывок из «Реквиема» — эти музыкальные высказывания самого Моцарта, его своеобразные музыкальные притчи — организуют действительную сторону трагедии не менее парадоксальным образом,

чем единственное музыкальное произведение Сальери, цитируемое в ней.²⁰ И если допустить, что проанализированный нами эпизод по своей структуре изоморфен целостному тексту трагедии, то при дальнейшем ее исследовании могут пригодиться следующие соображения.

Тот кажущийся неожиданным мгновенный переход Моцарта от счастья к несчастью, который составляет основу исследованного эпизода, является перипетийным зерном эмоционального поведения Моцарта на протяжении всей трагедии, и уже в первой картине природа этой перипетии занимает его творческое сознание. «Я весел... Вдруг: виденье гробовое...», — так в предисловии к «Безделице» формулируется предмет музыкального самоисследования. Очевидна неоднократная ситуационная повторяемость в трагедии такого переживания Моцарта. Очевидно и то, что роковая природа переживания счастья, которое неожиданно оборачивается несчастьем, является одним из предметов драматического изучения во всех маленьких трагедиях. В «Моцарте и Сальери» этот перипетийный момент связан с претерпеванием героя, он выражен музыкально и является ключом к эмоционально-действенному содержанию эпизода. Без такого действительного ключа одно лишь упоминание «Тарара» служило бы только отсылкой к идейно-психологической подоплеке происходящего, ключом к метафизике, не взорванной парадоксальным поведением и переживанием Моцарта. Взаимодействие этих двух уровней, заданных через прямое название-поименование, с одной стороны, и непосредственную музыкальную действительность с другой, образует тот объемный потенциал драматического движения, который в высшей степени характерен для поэтики пушкинского лаконизма.

В точке пересечения этих двух содержательных уровней текста оказывается фигура Бомарше, возникающая во всей своей сложности и противоречивости. И если по необходимости нам пришлось подчеркнуть наименее исследованную негативную сторону этой фигуры, то теперь, заговорив о трагедии как о целом, нельзя не сказать, что через тот же эпизод в ней с меньшей силой предьявлена и светлая сторона Бомарше, связанная прежде всего с «Женитьбой Фигаро». О близости Бомарше — создателя Фигаро — Моцарту и самому Пушкину уже говорилось.²¹ Музыкальная цитата из «Тарара» становится тем, что еще раз соединяет их троих. И происходит это именно потому, что новая сцена, написанная в 1790 г., разительно отличается от канонического текста всей оперы, сближаясь с «Женитьбой Фигаро» де-

²⁰ На принципе взаимосотнесенности музыкальных цитат и действительного контекста драмы построены гипотезы, раскрывающие цитаты из произведений Моцарта. Об этом см.: Гаспаров Б. М. «Ты, Моцарт, недостойн сам себя»; Кац Б. А. «Из Моцарта нам что-нибудь!» // Временник Пушкинской комиссии. 1979. Л., 1982. С. 120—124.

²¹ См.: Вольперт Л. И. Пушкин и психологическая традиция во французской литературе. Таллин, 1980. С. 183—184.

мократизмом, эмоциональной праздничностью, злободневностью и эстетической раскрытостью своих границ.

Показательное для поэтики «Моцарта и Сальери» положение фигуры Бомарше, находящейся в фокусе пересекающихся осей, необходимо продемонстрировать на примере еще одного сопоставления. В трагедии упомянуты три шедевра Моцарта: «Женитьба Фигаро», «Дон Жуан», «Реквием» и два произведения Бомарше: «Женитьба Фигаро» и «Тарар». Первые их произведения, естественно, совпадают, но в определенном смысле совпадают и последние: оба они по своей природе мистериальны. «Реквием» — не просто музыкальное произведение, обращенное к слуху, «Реквием» — это прежде всего акт, акт возведения души к небу, акт последней земной расплаты и принятия высшего закона. «Тарар» — тоже в своем роде мистерия: акт социального воздействия, апеллирующий к космическим законам. Но если от карнавальная «Женитьба Фигаро» Моцарт шел к своей мистерии через трагическую тему «Дон Жуана», через тему возмездия и очищения, то Бомарше миновал этот этап. Мистерия, созданная таким образом, оказалась сюжетом-классификатором, навязывающим действительности свои связи (не случайно Сальери, попавший в плен этого сюжета, остается в нем до конца), и слишком напоминает зловещий фарс, сыгранный Фигаро-демиургом. Таковы два лика Бомарше, два лика просветительства: один из них обращен к Моцарту, другой — к Сальери.

Опыт пушкинской поэтики драматического изучения обнаруживает нигилизм как оборотную сторону просветительского рационализма. В расширяющихся контекстных связях трагедии становится очевидным, что за подобную двойственность творческого сознания Бомарше ответственна эпоха, его породившая и трансформировавшая, что за факт создания «Тарара» ответственна та общественно-историческая ситуация, которая вызвала это произведение к жизни. Таким образом, на примере одной только этой фигуры²² ясно, что «Моцарт и Сальери» — не просто коллизия двух творческих индивидуальностей, за ней встает коллизия историческая, связанная с определенным переломным моментом духовного становления Европы, оказавшим мощнейшее воздействие и на русскую культуру, и на творчество самого Пушкина.

²² За Моцартом и Сальери встают также Глюк, Пиччинни, Рафаэль, Данте, Гайдн, Микеланджело — строго отобранный пантеон «единого прекрасного жрецов». Каждое из этих имен, значимых в культурной жизни России конца 1820-х гг., имеет прямое отношение к трагедии, разворачивающейся между Моцартом и Сальери.

II. ОБЗОРЫ

В. В. ЗАЙЦЕВА

ПУШКИНИАНА 1985 ГОДА

- Абашидзе И. В. О поэзии: Статьи; Воспоминания; Очерки / Пер. с груз. М.: Сов. писатель, 1985. 335 с.
- С. 21—28: «Думая о Пушкине» [впервые, в другой ред.: Абашидзе И. В. Друзья, дороги, раздумья. Тбилиси, 1979. С. 55—61]. С. 29—32: «В Михайловском» [впервые, под загл. «Слово о Пушкине в Михайловском»: Абашидзе И. В. Друзья, дороги, раздумья. Тбилиси, 1979. С. 51—54]. С. 33—35: «Наследники в любви к Кавказу» [впервые: Абашидзе И. В. Друзья, дороги, раздумья. Тбилиси, 1979. С. 62—63].
- Абызова Е. Н. «Борис Годунов» // Абызова Е. Н. Модест Петрович Мусоргский. М.: Музыка, 1985. С. 72—95. (Библ. сер.) (Рус. и сов. композиторы).
- Агабабян А. С. Егише Чаренц и русская поэзия. (Творч. контакты с рус. поэтами-современниками. Уроки Пушкина): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ерев. гос. ун-т. Ереван, 1985. 17 с.
- С. 11—15: Гл. 3. С поэтическим миром А. С. Пушкина.
- Агафонов А. «Он между нами жил...» // Края Москвы, края родные / Сост. Э. И. Сафонов. М.: Современник, 1985. С. 70—71.
- Пушкин в имени П. А. Вяземского «Остафьево».
- Агранович С. Э., Рассовская Л. П. Отражение архаических пространственно-временных и социально-этических представлений в трагедии А. С. Пушкина «Каменный гость» // Поэтика реализма: Межвуз. сб. / Куйбышев. гос. ун-т. Куйбышев, 1985. С. 24—47.
- Ажгихина Н. Не деля литературу на делянки... // Дружба. М.; София, 1985. № 2. С. 137—140.
- Пушкиноведческие работы поэта Андрея Чернова.
- Акимов В. Колыбель великого поэта // Края Москвы, края родные / Сост. Э. И. Сафонов. М.: Современник, 1985. С. 68—70.
- Пушкин в Захарове.
- Алексеев В. М. О последнем, 1943 года, переводе «Евгения Онегина» на китайский язык: Из набросков к докладу «Пушкин в Китае» / Публ. М. В. Баньковской; Примеч. В. В. Петрова // Восток—Запад: Исследования; Переводы; Публикации. М.: Наука, 1985. С. 252—271.
- Алешкевич А. А. Литературный быт и литературная критика: (Методы и приемы журнальной полемики в болдинских полемических заметках А. С. Пушкина 1830-го года) // Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII—XX вв.: Тез. науч. конф. / Таллин. пед. ин-т. Таллин, 1985. С. 31—33.
- Альми И. Л. Рец. на кн.: Чумаков Ю. Н. «Евгений Онегин» и русский стихотворный роман. Новосибирск, 1983 // Науч. докл. высш. шк.: Филол. науки. 1985. № 5. С. 79—80.

- Алянский Ю. Л. В мастерской на Петроградской стороне. М.: Сов. художник, 1985. 144 с., ил.
- О М. К. Аникушине, авторе памятника Пушкину в Ленинграде.
- Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина: Факс. воспроизв. 1-го т. Собр. соч. А. С. Пушкина. (Материалы для биографии) / Изд. П. В. Анненкова, 1855. М.: Книга, 1985. [4]. 489 с., 8 отд. л. факс.
- Прил.: Комментарий к материалам для биографии А. С. Пушкина / [Авт. статьи К. В. Шилов (с. 3—60); Авт. коммент. А. Л. Осиповат, Н. Г. Охотин]. 272 с., ил.
- Рец.:
Овчинникова С. Подвижнический труд // Октябрь. 1986. № 9. С. 206—208.
- Аристов В. В. Его биографию хотел написать Пушкин... // Аристов В. В. Казанские находки: Поиски лит. и ист. Казань: Тат. кн. изд-во, 1985. С. 126—137.
- О поэте Г. П. Камeneuve и его библиотеке.
- Архангельский А. Н. Загадочный черкес // Рус. речь. 1985. № 4. С. 152—153.
- «Пятигорский черкес» в «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина.
- Асафьев Б. Об опере: Избр. статьи / Сост. и авт. вступ. статьи Л. А. Павлова-Арбенина; Авт. примеч. А. Б. Павлов-Арбенин. 2-е изд. Л.: Музыка, 1985. 343 с.
- М. И. Глинка. С. 104—107: «„Руслан и Людмила“ в Мариинском театре». С. 107—114: «Руслан и Людмила». А. С. Даргомыжский. С. 114—119: «Русалка». С. 119—122: «Впечатления и мысли». М. Мусоргский. С. 139—141: «Перед премьерой „Бориса Годунова“»: (В авт. ред. Мусоргского). Н. А. Римский-Корсаков. С. 178: «„Торжество Вагха“ и „Моцарт и Сальери“» (Большой оперный театр). С. 183—187: «Мысли и размышления по поводу постановки „Сказки о царе Салтане“ в Мариинском театре». С. 188—190: «Сказка о царе Салтане». С. 197—200: «„Золотой петушок“ — небылица в лицах». С. 200—203: «Золотой петушок». П. И. Чайковский. С. 206—207: «Оперы Чайковского». С. 208—212: «Два „Онегина“»: (К возобновлению оперы). С. 213—214: «Мазепа»: (Опера в Таврическом саду). С. 214—218: «Лирика „Пиковой дамы“».
- Асеев Н. Н. О поэтах и поэзии: Статьи и воспоминания. М.: Сов. Россия, 1985. 144 с. (Писатели о творчестве).
- С. 10—13: «Мысли о Пушкине». [Написано в 1962 г. Впервые: Лит. учеба. 1983. № 5. С. 148—150]. С. 95—96: «Маяковский и Пушкин». [Написано в 1950-х гг. Впервые: Из истории советской литературы 1920—1930-х годов: Новые материалы и исслед. М.: Наука, 1983. С. 505. (Лит. наследство. Т. 93)].
- Ахметов М. З. Восприятие творчества А. С. Пушкина в казахской среде: (В художественной трактовке М. Ауэзова) // Художественное творчество и взаимодействие литератур: Сб. науч. тр. / Казах. ун-т. Алма-Ата, 1985. С. 139—145.
- Баевский В. С. Художественное пространство в «Евгении Онегине» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1985. Т. 44, № 3. С. 213—224.
- Баринов М. М. «На Арбате, дом Хитровой...» / Публ. С. Бариновой // Огонек. 1985. № 24. С. 18, фот. на с. 4 обл.
- Написано в 1984 г.
- Барова Н. «...Тень мою любя» // Аврора. 1985. № 6. С. 82—83.
- Пушкиниана ленинградского графика В. Мишина.
- Басина М. Я. Далече от берегов Невы: Докум. повесть. Л.: Дет. лит., 1985. 222 с., ил. (По дорогим местам).
- Рец.:
Назарова Л. Н. Далече от берегов Невы // В мире книг. 1986. № 10. С. 84.

- Безденежных М. К вопросу о соотношении эпиграфа и текста // Современнные проблемы русской филологии. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1985. С. 82—86.
- На примере творчества А. С. Пушкина и цикла «Пушкинские эпиграфы» Арсения Тарковского.
- Белая Е. В. Афоризмы и размышления А. С. Пушкина // Рус. речь. 1985. № 4. С. 33—39.
- «Отрывки из писем, мысли и замечания» А. С. Пушкина.
- Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина / Вступ. статья и примеч. К. И. Тюнькина. М.: Худож. лит., 1985. 560 с.
- Белкин Д. И. Индийские мотивы в творчестве А. С. Пушкина // Индия 1983: Ежегодник. М., 1985. С. 348—365.
- Белькин Д. В. Авторская мысль в «Станционном смотрителе» // Рус. яз. в эст. шк. 1985. № 2. С. 3—6.
- Беляева Г. Премьера пушкинского балета // Сов. балет. 1985. № 1. С. 58.
- «Бахчисарайский фонтан» Б. Асафьева на сцене Большого театра оперы и балета им. С. Монюшко в Познани.
- Бердичевский В. Соавторы марки // Филателия СССР. 1985. № 4. С. 57, ил.
- Почтовый блок «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», выпущенный в ГДР в 1984 г. Худож. В. Клемке.
- Берковский Н. Я. О русской литературе: Сб. статей / Сост., подгот. текста Е. Лопыревой; Предисл. Г. Фридендера. Л.: Худож. лит., 1985. 384 с.
- С. 7—111: «О „Повестях Белкина“» [впервые: Берковский Н. Статьи о литературе. М.; Л., 1962. С. 242—356]. С. 112—154: «„Русалка“ — лирическая трагедия Пушкина» [впервые: Берковский Н. Статьи о литературе. М.; Л., 1962. С. 357—403].
- Бернаскони Л. Сокровища пушкинского дома // Театр. жизнь. 1985. № 11. С. 32, ил.
- Новые поступления Государственного музея А. С. Пушкина (Москва).
- Битов А. Воспоминание о Пушкине // Знамя. 1985. № 12. С. 195—226.
- Богач Г. Ф. Путешествие по «Пушкинскому кольцу» // Кодры. 1985. № 6. С. 126—135.
- Пушкинские места Молдавии.
- Болдинские чтения [1984] / Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Болдино; Горьк. ун-т. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1985. 191 с.
- Содерж.: Поэтика Пушкина. И. Л. Альми. О некоторых особенностях литературного характера в пушкинском повествовании; В. И. Тюпа. Проблема «уединенного сознания» в лирике Пушкина; В. Е. Хализев, С. В. Шешунова. Литературные реминисценции в «Повестях Белкина»; Ю. М. Никишов. «Даль свободного романа» как композиционный прием в «Евгении Онегине»; Г. В. Краснов. Поединок Германа; Л. Л. Бельская. Стих поэмы А. С. Пушкина «Домик в Коломне». — Пушкин и жанровые традиции. Г. В. Москвичева. Элегия А. С. Пушкина и жанровая традиция; Г. Л. Гуменная. «Граф Нулин» и традиция иронико-комической поэмы; Ю. Н. Чумаков. «Евгений Онегин» и стихотворная беллетристика 1830-х годов; Н. И. Михайлова. Орагорское слово в «Пиковой даме». — Литературные связи. Н. А. Тархова. Пушкин и Чехов; Л. И. Вольперт. Тема безумия в прозе Пушкина и Стендаля; О. Л. Довгий, А. В. Кулагин. Пушкинские стихотворения «Из Ваггу Songwall» и его английский источник; Д. И. Белкин. Ориентальные мотивы и образы в поэме «Руслан и Людмила». — Вокруг Пушкина. Л. С. Сидяков. «Пиковая дама» и «Черная женщина» Н. И. Греча; В. С. Листов. К истолкованию «исторических неточностей» в «Борисе Годунове» и «Арапе Петра Великого»; О. Есипова. Пушкин в пьесе М. Булгакова.

- Бонфельд М. Ш. «Пиковая дама» П. И. Чайковского и некоторые черты театральной эстетики XX в. // Театр в жизни и творчестве П. И. Чайковского. Ижевск: Удмуртия, 1985. С. 145—165.
- Бочаров С. Г. О смысле «Гробовщика» // Бочаров С. Г. О художественных мирах. М.: Сов. Россия, 1985. С. 35—68.
Первые: Контекст. 1973. М.: Наука, 1974. С. 196—230.
- Бройтман С. Н. К проблеме диалога в реалистической лирике Пушкина // Вопросы историзма и реализма в русской литературе XIX—начала XX века / Ленингр. гос. ун-т. Л., 1985. С. 157—170.
- Букалов А. М. Имя Пушкинского Дома: Об изданиях Института русской литературы АН СССР // В мире книг. 1985. № 6. С. 79—82.
- Бурсов Б. И. Родник русского реализма // Гоголь: История и современность. (К 175-летию со дня рождения). М.: Сов. Россия, 1985. С. 79—84.
То же // Собеседник: Лит.-критич. ежегодник. М.: Современник, 1985. Вып. 6. С. 25—31.
- Гоголь и Пушкин. Впервые: Правда. 1984, 31 марта.
- Бурсов Б. И. Судьба Пушкина: Роман-исслед. Л.: Сов. писатель, 1985. 512 с.
Рец.:
Нольман М. Судьба Пушкина // В мире книг. 1986. № 11. С. 86—87.
- Бурсов Б. И. Судьба Пушкина: Роман-исслед. Кн. 3 // Звезда. 1985. № 6. С. 77—101; № 7. С. 116—149; № 8. С. 41—75; № 9. С. 107—137.
Начало см.: Там же. 1983. № 10—12.
- Бэлза И. Ф. Пушкинские традиции русской музыки // Бэлза И. Ф. Исторические судьбы романтизма и музыка: Очерки. М.: Музыка, 1985. С. 202—246.
- Бялик Б. Да были ли горы-то?.. // Вопр. лит. 1985. № 7. С. 114—141.
О статье В. С. Непомнящего «Судьба одного стихотворения» (Вопр. лит. 1984. № 6). Ответ Непомнящего см. на с. 142—159.
- В краю великих вдохновений / Фот. В. Лапченко; Худож. Ю. Пушкин; Пер. Н. Тихонова; Ред. О. Богданова. Л.: Художник РСФСР, 1985. Буклет.
- Ваншенкин К. Я. Из книги «Зимняя дорога» // Вопр. лит. 1985. № 12. С. 174—194.
С. 181—183: «Буря мглою небо кроет».
- Ваншенкин К. Я. Поиски себя: Воспоминания, заметки, записи. М.: Сов. писатель, 1985. 416 с.
С. 71—73: «О С. М. Бонди». С. 276—280: «Зимняя дорога». С. 280—282: «... Вновь я посетил».
- Васильев Г. Н. Святые Горы: Повесть // Васильев Г. Н. Святые Горы: Повести и рассказы. Таллин: Ээсти раамат, 1985. С. 50—101.
Посещения Пушкинских Гор.
- Вацуро В. Э. Пушкинские «литературные жесты» у М. Ю. Лермонтова // Рус. речь. 1985. № 5. С. 17—21.
- Веневитинов Д. В. Стихотворения; Проза; Письма / Вступ. статья, сост. и примеч. В. И. Сахарова. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1985. 349 с. (Отчий край).
С. 143—150: «Разбор статьи о „Евгении Онегине“, помещенной в 5-м № „Московского телеграфа“ на 1825 год». С. 204: «Два слова о второй песне „Онегина“». С. 204—208: «Разбор отрывка из трагедии г. Пушкина, напечатанного в „Московском вестнике“».
- Вересаев В. В. Литературные записи: Моцарт и Сальери // Собр. соч.: В 4 т. М.: Правда, 1985. Т. 4. С. 252—259.
Первые: Вересаев В. В. Невыдуманные рассказы. М.: Худож. лит., 1968. С. 256—263.
- Ветшева Н. Ж. К вопросу об арзамасской традиции в поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» // Проблемы метода и жанра. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. Вып. 11. С. 101—114.

Виленчик Б. Я. Комментарии к комментариям: (По поводу некоторых фрагментов книги Ю. М. Лотмана [«Роман А. С. Пушкина „Евгений Онегин“» (Л., 1980)] // Текст и культура: Общие и частные проблемы / АН СССР. Ин-т языкознания. Л., 1985. С. 114—121.

Вильнер Н. Соприкосновение с Пушкиным // Сов. музыка. 1985. № 10. С. 25—30.

О постановке оперы В. Кобекина «Пророк» на сцене Свердловского театра оперы и балета им. Луначарского.

Волков Г. Н. Солнце нашей поэзии // Пушкин А. С. Стихотворения / Сост. и вступ. статья Г. Волкова; Худож. Г. Клодт, В. Домогацкий. М.: Худож. лит., 1985. С. 5—20. (Б-ка «Русская муза»).

Вольперт Л. И. Эстетические взгляды Стендаля и Пушкина: (К проблеме языка и стиля) // Взаимосвязи и взаимодействие литератур. Тарту, 1985. С. 37—43. (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та; Вып. 698. Тр. по романо-германской филол. Литературоведение).

Временник Пушкинской комиссии. 1981: Сб. науч. тр. / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкинская комис. Л.: Наука, 1985. 223 с.

Содерж.: Предисловие. — I. Материалы и сообщения. Л. М. Ариштейн. «Вторичная мемуаристика» в комментарии: (Об эпиграмме Пушкина «Сказали раз царю...»); Я. Л. Левкович. Из наблюдений над «арзрумской» тетрадью Пушкина; Н. Н. Петрунина. Когда Пушкин написал предисловие к «Повестям Белкина»?; С. А. Фомичев. Последний лирический цикл Пушкина. — II. Обзоры. В. В. Зайцева. Пушкиниана 1981 г.; Р. Г. Жуйкова. Автопортреты Пушкина (каталог); Г. Г. Курочкина. Московская пресса 1820—1830-х годов о Пушкине; А. Э. Розенфельд. Новые переводы Пушкина на персидский язык (50—70-е годы). — III. Заметки. С. К. Романюк. О семье Пушкиных в Москве в 1801—1803 гг.; М. Д. Эльзон, Л. А. Черейский. Две даты к биографии Пушкина; В. С. Листов. Из творческой истории стихотворения «Герой»; С. А. Рейсер. Три строки дневника Пушкина; М. Ш. Файнштейн. Книги А. В. Зражевской в пушкинской библиотеке; Д. И. Белкин. Пушкин и Николай Титов; В. П. Степанов, П. П. Дудочкин, С. А. Фомичев. Из комментария к «Евгению Онегиму»; Б. А. Кац. «Звуки итальянские!»; Б. Я. Виленчик. Историческое прошлое в «Пиковой даме»; Е. С. Хаев. Эпитет «медный» в поэме «Медный всадник»; Н. К. Мясоедова. Об источниках статьи Пушкина о Байроне; Н. Л. Шадрин. Валлийский переводчик Пушкина. — IV. Хроника. Н. В. Измайлов (1893—1981); Михаил Павлович Алексеев (1896—1981): Некрологи; Г. А. Черкасова. Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 1981 г.; Г. Д. Асланова. Государственный музей А. С. Пушкина (Москва) в 1981 г.; Н. А. Борисова. Музей-заповедник А. С. Пушкина в селе Большое Босдино в 1981 г. — По страницам газет 1981 г.

Всесоюзный музей А. С. Пушкина / М-во культуры РСФСР. Л., 1985. Буклет.

Гайдук В. К. Жанр послания в лирике А. С. Пушкина: («Во глубине сибирских руд») // Актуальные вопросы теории литературы в школьном изучении: Межвуз. сб. науч. тр. / Иркут. пед. ин-т. Иркутск, 1985. С. 80—95.

Галушко Т. «Услуги, вечно незабвенные...» // Аврора. 1985. № 6. С. 74—79, ил.

О первом кавказском путешествии Пушкина. Альбом Н. Н. Раевского-младшего.

Гейченко С. С. Скамеечка из Михайловского / Предисл. В. Енишерлова // Огонек. 1985. № 7. С. 26—27, ил. на с. 4 обл.

Подножная скамеечка А. П. Керн.

Глинка В. М. Еще раз об изображениях прадеда Пушкина Абрама Ганнибала / Предисл. «О Владиславе Михайловиче Глинке» (с. 330—333)

- А. Тартаковского // Панорама искусств. 8. М.: Сов. художник, 1985. С. 330—343, ил.
- Глухов В. И. Пушкин и традиции русской просветительской прозы // Глухов В. И. Русская классика XIX века и литературные традиции просвещения: Учеб. пособие / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1985. С. 26—46.
- Гнутов В. П. Поэт в краю степей необозримых: Рассказы-эссе о пребывании А. С. Пушкина на Дону. Ростов н/Д.: Рост. кн. изд-во, 1985. 62 с.
Впервые: газ. «Молот». 1974.
Рец:
- Кононыхина В. // Дон. 1986. № 4. С. 153—154.
- Голованова Т. П. У истоков бессмертия: (Пушкин и Лермонтов в творчестве О. Берггольд) // Теория и история литературы: К 100-летию со дня рождения акад. А. И. Белецкого / АН УССР. Ин-т лит. Киев: Наукова думка, 1985. С. 167—178.
- Грановская Н. И. Вольноотпущенный госпожи Колзаковой // Нева. 1985. № 2. С. 185—188, ил.
Портреты Е. Н. Вревской, урожденной Вульф, и А. П. Керн работы художника А. А. Багаева.
- Грановская Н. И. Всесоюзный музей А. С. Пушкина: Очерк-путеводитель. Л.: Лениздат, 1985. 208 с., ил.
- Грачева А. Д. Первый перевод прозы А. С. Пушкина на туркменский язык // Рус. яз. и лит. в туркм. шк. 1985. № 4. С. 41—44.
«Капитанская дочка» в переводе М. М. Бабаева (Ашхабад, 1935).
- Трехнев В. А. Лирика Пушкина: О поэтике жанров. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1985. 239 с.
- Гречихова Ю. Современник Пушкина А. И. Левшин и его книга «Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких, орд и степей» // Альманах библиофила. М.: Книга, 1985. Вып. 17. С. 223—230.
- Григорьева Е. Н. Тема судьбы в лирике А. С. Пушкина 1813—1830 гг. // Вестн. Ленингр. ун-та. 1985. № 23. Ист., яз., лит. Вып. 4. С. 89—94.
- Губова Г. М. Развитие понятия о лирике в 8-м классе // Актуальные вопросы теории литературы в школьном изучении: Межвуз. сб. науч. тр. / Иркут. пед. ин-т. Иркутск, 1985. С. 74—79.
Изучение лирики Пушкина.
- Гудков С. «Она друг Пушкина была!..» // Нева. 1985. № 2. С. 204—205.
Публикация перевода некролога Е. М. Хитрово из французского журнала «Санкт-Петербург» (1839, май).
- Гульченко В. Оправдание Сальери: Пять этюдов о Моцарте // Театр. 1985. № 8. С. 114—126.
«Моцарт и Сальери» А. С. Пушкина и пьеса П. Шеффера «Амадеус».
- Гусятникова Г. Г. А. Н. Бенуа — постановщик «Пиковой дамы» П. И. Чайковского // Театр в жизни и творчестве П. И. Чайковского. Ижевск: Удмуртия, 1985. С. 166—172.
- Гущо О. Р. Герой и «условия света» в романе «Евгений Онегин» // Проблема характера в художественной литературе: Сб. науч. тр. / Мин. гос. пед. ин-т. Минск, 1985. С. 10—20.
- Гущо О. Р. А. С. Пушкин на пути к реализму: (Характер и обстоятельства в южных поэмах) // Проблема характера в художественной литературе: Сб. науч. тр. / Мин. гос. пед. ин-т. Минск, 1985. С. 3—10.
- Дамиан Л. Язык Пушкина // Горизонт. 1985. № 11. С. 60.
- Дворников Е. И. На втором кордоне // Писатель и время: Сб. докум. прозы. М.: Сов. писатель, 1985. С. 346—361.
В Михайловском.
- Дворников Е. И. Рисунки без теней. М.: Сов. писатель, 1985. 288 с. С. 197—199: «Аллея Керн». С. 200—221: «На втором кордоне».

- Д ж е р б а ш я н Э. Е. Чаренц и наследие Пушкина // Дж е р б а ш я н Э. Поэтика и литературное развитие. Ереван, 1985.
- Д м и т р и е в а Е. Е. Письма Пушкина в восприятии читателей XIX века // Проблемы интерпретации художественных произведений: Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. пед. ин-т. М., 1985. С. 72—79.
- Д м и т р и е в а Е. Е. Решая загадку Пушкина: (Французское пушкиноведение 1960—1980-х годов) // Вопр. лит. 1985. № 3. С. 225—242.
- Д о б р и н с к а я Л. Последняя дорога Пушкина // Нева. 1985. № 1. С. 192—196.
Дуэль Пушкина.
- Д о л и н и н а Н. Г. Прочитаем «Онегина» вместе; Печорин и наше время: Эссе. Л.: Дет. лит., 1985. 335 с.
- Д о м и к станционного смотрителя: Музей дорожного быта нач. XIX в. [Альбом] / Сост. и авт. текста В. М. Якушева. Л.: Лениздат, 1985. [62] с., ил.
- Д о р и з о Н. К. Жена поэта: (Полемические раздумья). М.: Правда, 1985. 47 с. (Б-ка «Огонек». № 3).
Впервые: Мол. гвардия. 1983. № 10. С. 185—216.
- Д о р и з о Н. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. Поэмы; Проза; Стихотворения. М.: Худож. лит., 1985. 351 с.
С. 174—260: «Третья дуэль»: Трагедия в 3 д. [впервые: Новый мир. 1983. № 6. С. 91—137]. С. 263—308: «Жена поэта. (Полемические раздумья)» [впервые: Мол. гвардия. 1983. № 10. С. 185—216].
- Д о р м и д о н т о в Р. В краю высоких вдохновений // Юный натуралист. 1985. № 11. С. 13—15.
Пушкинский заповедник.
- Д р у з ь я Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники: В 2 т. / Сост., биогр. очерки и примеч. В. В. Кунина. М.: Правда, 1985. Т. 1—2.
- Е л и ф е р о в а Е. Изменения в синтаксической структуре предложения в начале XIX века: (На материале прозы Карамзина и Пушкина) // Соврем. пробл. рус. филол. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. С. 87—91.
- Е л к и н В. Г. Структура и смысл произведений Пушкина в аспекте системного подхода: Учеб. пособие / Владимир. пед. ин-т. Владимир, 1985. 77 с.
Содерж.: Введение. Гл. I. Поэзия («Пророк» — «Я вас любил...» — «Анчар»; «Андрей Шенье»; «Моцарт и Сальери»). Гл. II. Проза («Капитанская дочка»; «Гробовщик»). Заключение.
- Е л к и н В. Г. Художественное произведение в аспекте системного подхода: («Анчар» Пушкина) // Пути и формы анализа художественного произведения: Межвуз. сб. науч. тр. / Владимир. пед. ин-т. Владимир, 1985. С. 3—12.
- Е н и ш е р л о в В. П. Пушкин и его время // Огонек. 1985. № 24. С. 19.
Рец. на кн.: Михайлова Н. И. «Парнасский мой отец». М., 1983; Овчинникова С. Т. Пушкин в Москве. М.: Сов. Россия, 1984.
- Е н и ш е р л о в В. П. Свидетели времен минувших // Памятники Отечества: Альм. Всерос. о-ва охраны памятников ист. и культ. М., 1985. № 2. С. 99—109, ил.
Салон А. О. Смирновой-Россет в Тбилиси.
- Е н и ш е р л о в В. П. Эти мирные края // Енишерлов В. П. Времен прослеживая связь. М.: Современник, 1985. С. 146—156.
Впервые: Огонек. 1980. № 7. С. 16—18.
- Ж и л ь к о в а Э. М. К проблеме «Пушкин и В. Скотт» // Проблемы метода и жанра. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. Вып. 11. С. 115—135.
- Ж у й к о в а Р. Г. Портретная галерея на полях рукописей: Несколько рисунков из Лицейской тетради А. С. Пушкина // Белые ночи: Очерки; Зарисовки; Воспоминания; Документы. Л.: Лениздат, 1985. С. 279—299.

- Жук А. А. «Пиковая дама» П. И. Чайковского и проблема героя в русской литературе последней трети XIX в.: (К типологическим соответствиям в искусстве) // Театр в жизни и творчестве П. И. Чайковского. Ижевск: Удмуртия, 1985. С. 136—144.
- Журавлев Д. Н. Жизнь, искусство, встречи / Вступ. статья О. М. Итиной. М.: ВТО, 1985. 373 с., ил.
С. 131—136: «Путешествие в Арзрум». [Об участии в фильме. Реж. М. З. Левин. 1936 г.]. С. 179—203: «Пушкин». С. 364—372: «Михайловское».
- Загвозкина В. Г. Е. А. Баратынский и Казань. Казань: Тат. кн. изд-во, 1985. 127 с.
С. 5—11: «Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов».
- Записки краеведов. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1985. Вып. 7. 237 с.
С. 187—201: Болдинские чтения. Ю. И. Левина. О болдинской усадьбе и доме Пушкиных: По рассказам и документам; Н. И. Куприянова. В Болдине после Пушкина. С. 202—210; В. Ю. Белоголова. Художники села Илларионова.
- Званцева Е. П. Антимонархические сказки А. С. Пушкина // Русская классическая литература и идеологическая борьба: Сб. науч. тр. / Ставроп. пед. ин-т. Ставрополь, 1985. С. 3—12.
- Зимомря Н. И. К проблеме художественной концепции человека в творчестве Пушкина, Шевченко и Купалы // Региональные особенности восточнославянских языков, литератур, фольклора и методы их изучения: Тез. докл. и сообщ. III Респ. конф. / Гомел. гос. ун-т; Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР. Гомель, 1985. С. 21—23.
- Злочевская А. Почему «песнь»? // Лит. учеба. 1985. № 5. С. 190—195.
К истории создания «Песни о вешем Олеге» Пушкина.
- Золотова Н. Н. Встреча с Пушкиным: Кн. для чтения с коммент. / Худож. Э. М. Симанович. 2-е изд. М.: Рус. яз., 1985. 160 с.
- Зуева Т. В. «У лукоморья дуб зеленый...» как поэтическое исследование природы фольклорного жанра // Лит. в shk. 1985. № 3. С. 12—18.
- Зуева Т. В. Художественная структура поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» // Идеино-эстетическая функция изобразительных средств в русской литературе XIX века: Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. пед. ин-т. М., 1985. С. 29—45.
- Ибрагимов М. Пушкин и азербайджанская литература // Ибрагимов М. Голоса жизни; Классики и современники: Статьи. М.: Сов. писатель, 1985. С. 296—300.
Впервые: Изв. АН Аз. ССР. Сер. лит., яз. и искусства. 1978. № 1. С. 3—7.
- Иванникова В. «Борис Годунов» и французская романтическая историография эпохи Реставрации // Современ. пробл. рус. филол. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1985. С. 11—15.
- Иванов Вс. Н. Александр Пушкин и его время; Императрица Фике: Ист. повествования. Хабаровск: Кн. изд-во, 1985. 718 с.
- Иванова Е. М. Пушкин в творчестве Юрия Олеши // Русская классическая литература и современность: Межвуз. сб. науч. тр. / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 1985. С. 122—130.
- Иезуитов А. Н. Любимый поэт Ильича: (А. С. Пушкин) // Иезуитов А. Н. В. И. Ленин и русская литература. М.: Современник, 1985. С. 78—90.
- Иова И. А. С. Пушкин в воспоминаниях семьи Ралли // Кодры. 1985. № 3. С. 131—136.
- Исаев Е. А. День Пушкина // Исаев Е. А. Чувство глагола: Кн. статей и размышлений. М.: Современник, 1985. С. 27—35.
Впервые: Исаев Е. А. Колокол света. М.: Правда, 1984. С. 277—285.

Исаев Н. Странная вещь! Непонятная вещь! или Александр на островах: (Счастливая новогреческая пародия) / Предисл. Д. С. Лихачева, С. А. Фомичева и С. А. Кибальника // Лит. учеба. 1985. № 5. С. 22—78.

Отзыв:

Залыгин С. О повести Николая Исаева // Лит. учеба. 1985. № 5. С. 20—21.

Искрин М. Г. «У лукоморья дуб зеленый...» // Лес и человек: Ежегодник. 1986. М.: Лесн. промышленность, 1985. С. 59.

Описание деревьев в произведениях Пушкина.

Карлова Э. Письма Льва Пушкина в село Тригорское // Белые ночи: Очерки; Зарисовки; Воспоминания; Документы. Л.: Лениздат, 1985. С. 267—278.

Публикуется 7 писем Л. С. Пушкина к П. А. Осиповой (1825—1844 гг.).

Карпенко А. И. У истоков гоголевской поэмы «Мертвые души» // Вопрос. лит. Львов. 1985. Вып. 1 (45). С. 36—44.

Карпов А. А. Документальное и художественное в исторической прозе и публицистике А. С. Пушкина 1830-х годов // Вопросы историзма и реализма в русской литературе XIX—начала XX века / Ленингр. гос. ун-т. Л., 1985. С. 7—28.

Карпов А. А. «Капитанская дочка» в контексте «документально-художественной» прозы А. С. Пушкина // Стиль и время. Развитие реалистического повествования: Межвуз. сб. науч. тр. / Сыктывкар. ун-т. Сыктывкар: Перм. ун-т, 1985. С. 44—52.

Кибальник С. А. «Гармония вдохновенных лир»: Об антологических эпиграммах В. А. Жуковского // Лит. учеба. 1985. № 5. С. 109—115.

Анализ стихотворений Жуковского «Завистник», «Судьба» и «Он лежал без движенья...», записанных в альбоме, первоначально принадлежавшем Пушкину, а позднее подаренном Жуковским Е. П. Ростопчиной.

Кишкин Л. С. Чехословацкие находки: Из зарубежной пушкинианы. М.: Сов. Россия, 1985. 219 с., 16 л. ил.

Содерж.: А. С. Бушмин. Предисловие. — От автора. — Благодарный книжник и судьба его библиотеки [А. Ф. Смирдин]. — Бронзьянские реликвии. — Рукописи и портреты из Теплицкого замка. — Примечания.

Клипиницер М. Оренбургская поездка Пушкина и «Медный всадник» // Урал. 1985. № 11. С. 168—170.

Козаков М. «Доколь в подлунном мире...»: (Заметки актера) / Предисл. Н. Эйдельмана // Юность. 1985. № 7. С. 97—101.

Реминисценции из «Евгения Онегина» в «Тамбовской казначейше» Лермонтова.

Козина Н. А. Стиль очерка М. Цветаевой «Мой Пушкин»: (Синтаксический уровень) // Вопросы стилистики. Стилистика худож. речи: Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. Вып. 20. С. 122—134.

Коломинов В. Пушкин и семья Шипковых: Из истории рус. литературы // Нева. 1985. № 11. С. 152—155.

Константинова-Витт Н. Г. «Зачем потух, зачем блистал...»: Смещенные противопоставления в лирике А. С. Пушкина // Рус. речь. 1985. № 4. С. 40—45.

Копытовский В. «Алеко» // Телевидение. Радиовещание. 1985. № 11. С. 48—49.

Телевизионный музыкальный фильм по опере С. Рахманинова. Режиссер-постановщик В. Окунов.

Коровин В. И. Пушкин и Грибоедов: (Пушкинский отзыв о комедии «Горе от ума») // Проблемы интерпретации художественных произведений: Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. пед. ин-т. М., 1985. С. 56—72.

- Кошелев В. А. Вологодские давности: Лит.-краевед. очерки. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1985. 223 с.
- Ч. 1. Вместе с Батюшковым: 10. Пушкин и Батюшков. Первая встреча (с. 49—55). Ч. 2. Рядом с Пушкиным. С. 143—151: «О, читатель! (Из истории первого собрания сочинений А. С. Пушкина)». С. 151—166: «Проект генерала Болговского».
- Краснов А. П. Биография великого поэта // Рус. яз. и лит. в туркм. шк. 1985. № 2. С. 59—62.
- Рец. на кн.: Лотман Ю. М. А. С. Пушкин: Биография писателя. Л.: Просвещение, 1982.
- Красухин Г. Г. В присутствии Пушкина: Современная поэзия и классическая традиция. М.: Сов. писатель, 1985. 256 с.
- Рец.:
- Бархатов А. Урок классики // Октябрь. 1986. № 6. С. 207—208.
- Красухин Г. Г. Концовка «большого стихотворения» // День поэзии. 1984. М.: Сов. писатель, 1985. С. 124—122.
- Роман Пушкина «Евгений Онегин».
- Криштоф Е. Дань Пушкину // Криштоф Е. Сто рассказов о Крыме. 2-е изд. Симферополь: Таврия, 1985. С. 72—75.
- Айвазовский и Пушкин.
- Кроссворд «А. С. Пушкин. „Евгений Онегин“» / Сост. В. Н. Шендрик // Рус. реч. 1985. № 4. С. 146—147. С. 160: Ответы на кроссворд.
- Крыстева Д. Н. Тема Петра I в творчестве А. С. Пушкина: (Становление объективно-реалистической концепции личности и эпохи Петра I): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ленингр. гос. пед. ин-т. Л., 1985. 18 с.
- Кубатиева Н. Рец. на кн.: Одинокое В. Г. «И даль свободного романа...». Новосибирск, 1983 // Сиб. огни. 1985. № 1. 174—175.
- Кузнецова А. А. Долли: Повесть [о Д. Ф. Фикельмон] // Октябрь. 1985. № 3. С. 36—120.
- Кузнецова А. А. Моя мадонна: Повести / С послесл. В. Кирпотина. М.: Худож. лит. 1985. 96 с. (Роман-газета. № 20).
- Рец.:
- Павлов Г. Идеал и реальность // Наш современник. 1986. № 1. С. 183—184.
- Кузнецова И. А. «Медный всадник» в контексте пушкинского творчества 30-х годов // Литературные произведения XVIII—XX веков в историческом и культурном контексте. М.: Изд-во МГУ, 1985. С. 50—59.
- Кукурян И. Л. Проблема перевода славянизмов в тексте «Евгения Онегина» А. С. Пушкина на английский язык // Контрастивная и функциональная грамматика: Сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1985. С. 162—169.
- Кулагин А. В. Несостоявшиеся эпитафии Пушкина // Лит. учеба. 1985. № 3. С. 181—183.
- Кулагин А. В. Эпитафии у А. С. Пушкина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ленингр. гос. пед. ин-т. Л., 1985. 16 с.
- Кудешов В. И. В мире идей и образов великого поэта // Пушкин А. С. Избранное: Кн. для чтения с коммент. и словарем. М.: Рус. яз., 1985. С. 7—12.
- Кумсисвили Д. И. Творческий процесс (по произведениям А. С. Пушкина): Спецкурс для студентов заоч. отделения пединститутов по специальности № 2101 «Русский язык и литература» / Тбили. пед. ин-т. Тбилиси, 1985. 67 с.
- Лавров В. Эпиграмматические стихи в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Современная проблематика рус. филол. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. С. 3—6.
- Лазурский В. Путь к книге: Воспоминания художника. М.: Книга, 1985. 287 с.

С. 137—172: «Италия. Джованни Мардерштейг». [О работе с Мардерштейгом над итальянским библиофильским изданием «Медного всадника» Пушкина (Верона: Бодони, 1968). Билингва отпечатана на ручном типографском станке в количестве 165 экз. Русский текст напечатан шрифтом «Пушкин», рисованным В. Лазурским, итальянский — шрифтом «Данте» по рисункам Мардерштейга.

Лапин Б. Ф. В гостях у Пушкина // Сибирь. Иркутск, 1985. № 2. С. 66—70.

Рассказ о посещении последней квартиры Пушкина.

Лацис А. Движение и покой // Лит. учеба. 1985. № 4. С. 210—216.

Образ жизни и творчество Пушкина.

Лацис А. Запятые, которых не было // Рус. речь. 1985. № 4. С. 29—32.

Письмо А. С. Пушкина к В. А. Жуковскому от 31 октября 1824 г.

Лацис А. Лица, достойные замечания // Рус. речь. 1985. № 6. С. 29—34.

Текстологический анализ отрывка из «Начала автобиографии» Пушкина.

Лацис А. Непрочтенные строки // Лит. учеба. 1985. № 5. С. 219—231.

Текстологические занятия заочного пушкиноведческого семинара журнала «Лит. учеба».

Левин Ю. Д. Поэмы Пушкина и Лермонтова в новом английском переводе — Рец. на кн.: Narrative Poems by A. Pushkin and by M. Lermontov / Transl. by Charles Johnston. London; Sydney; Toronto, 1984 // Рус. лит. 1985. № 4. С. 212—217.

Левченко В. Золотая стрела Аполлона // Сверстники: Сб. статей молодых критиков. М.: Современник, 1985. С. 114—134.

По поводу статьи Ю. Кузнецова «О воле к Пушкину», напечатанной в альманахе «Поэзия» (М., 1981. Вып. 29. С. 99—101).

Ленина Л. И. Поэма Огарева «Юмор» и роман Пушкина «Евгений Онегин»: (К вопросу о творческих связях) // Проблемы творчества Н. П. Огарева: Межвуз. сб. науч. тр. / Мордов. ун-т. Саранск, 1985. С. 85—102.

Ливенцева Л. Читая Пушкина: Мысли накануне Пушкинского праздника в Михайловском // Кубань. Краснодар, 1985. № 6. С. 77—80.

Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. М.: Дет. лит., 1985. 207 с. С. 150—158: Письмо двадцать пятое. Природа России и Пушкин.

Лихачев Д. С. Пушкин и мы // Собеседник: Лит.-критич. ежегодник / Сост. И. Ростовцева. М.: Современник, 1985. Вып. 6. С. 7—12.

Впервые: Огонек. 1984. № 23. С. 8—9.

Лихачев Д. С. Пушкин-москвич // Пушкин А. С. Стихотворения. М.: Моск. рабочий, 1985. С. 221—232.

Лопатин В. В., Григорян Э. А. Три Черномора // Рус. речь. 1985. № 1. С. 124—131.

Черномор в произведениях Пушкина и Карамзина.

Лотман Ю. М. О дуэли Пушкина без «тайн» и «загадок»: Исследование, а не расследование. — Рец. на кн.: Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году: Предыстория последней дуэли. Л.: Наука, 1984 // Таллин. 1985. № 3. С. 90—99.

Лузянина Л. Н. К проблеме жанрового своеобразия статьи А. С. Пушкина «Александр Радищев» // Жанры в историко-литературном процессе / Под ред. В. В. Гуры; Вологод. гос. пед. ин-т. Вологда, 1985. С. 36—45.

Лузянина Л. Н. Лирическое и публицистическое в поэме А. С. Пушкина «Медный всадник» // Проблемы развития лирической поэзии XVIII—XIX веков и ее взаимодействия с прозой: Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. обл. пед. ин-т. М., 1985. С. 84—93.

Львова М. Понятия о справедливости и чести: А. С. Пушкин о проблемах воспитания // Семья и шк. 1985. № 1. С. 43—45.

Любачкая Г. Рец. на кн.: Заславский И. Я. Пушкин и Украина. Киев: Вища шк., 1982 // Звезда. 1985. № 1. С. 205—206.

Любин О. Самолет «Александр Пушкин» // Аврора. 1985. № 6. С. 84—86.

Макогоненко Г. П. Гоголь и Пушкин. Л.: Сов. писатель, 1985. 351 с.
Содерж.: Объяснение с читателем. Гл. 1. «Его слышал один только Пушкин». Гл. 2. Теоретическое обоснование реализма Пушкиным и Гоголем. Гл. 3. Тема Петербурга у Пушкина и Гоголя. Гл. 4. Первый спор с Пушкиным. Гл. 5. Фантастическое у Пушкина и Гоголя. Гл. 6. Пушкинское начало в комедии Гоголя «Ревизор». Гл. 7. После «Ревизора». Гл. 8. Повесть «Шинель» и ее истолкование. Заключение.

Рец.:

Карпов А. Проблемы литературной преемственности // Звезда. 1986. № 7. С. 202—204.

Мазья М. Родословная русского реализма // Нева. 1986. № 6. С. 165—166.

Сурков Е. Гоголь и Пушкин: Проблемы и решения // Вопр. лит. 1986. № 5. С. 234—241.

Макогоненко Г. П. Обратимся к пушкинскому поэтическому тексту // Вопр. лит. 1985. № 7. С. 160—175.

Обсуждение вопроса о соотношении позиции Пушкина в «Стансах» и в стихотворении «Во глубине сибирских руд». К итогам дискуссии.

Мальчукова Т. Г. Память поэзии. (О сравнительно-типологическом изучении классической лирики): Учеб. пособие по спецкурсу / Петрозавод. гос. ун-т. Петрозаводск, 1985. 98 с.

Содерж.: О методах анализа лирического стихотворения. — О жанровой природе и композиции стихотворения А. С. Пушкина «Пророк». — О жанровых традициях в элегии А. С. Пушкина «Воспоминание». — Заключение. Методы и методика.

Мануйлов В. А. А. Н. Толстой в Пушкинском обществе: Из воспоминаний // А. Н. Толстой: Материалы и исслед. / Отв. ред. А. М. Крюкова; АН СССР, Ин-т мировой лит. М.: Наука, 1985. С. 225—231.

Мартынов Л. Пути поэзии // Мартынов Л. Воздушные фрегаты: Новеллы. Омск: Омск. кн. изд-во, 1985. С. 305—311.

Мартынова Н. В. «Иди, куда влечет тебя свободный ум...»: (К проблеме конфликта личности и общества в произведениях А. С. Пушкина) // Роль художественной литературы в формировании духовного мира школьников / Тамб. пед. ин-т. Тамбов, 1985. С. 96—105.

Мартынова Н. В. Конфликт в поэмах А. С. Пушкина 1830-х годов («Тазит», «Анджело», «Медный всадник»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. пед. ин-т. М., 1985. 18 с.

Марьянов Б. М. Крушение легенды: Против клерикальных фальсификаций творчества А. С. Пушкина. Л.: Лениздат, 1985. 119 с., ил.
Содерж.: Предисловие. — Заговор дружбы и тиранства. — На пользу трону и алтарю. — «Во имя неведшего царства». — С именем поэта против родины поэта. — Мир без бога.

Матусевич В. А. Муза чтения: Рассказы о А. С. Пушкине — читателе, библиофиле / Предисл. Л. Озерова. М.: Мол. гвардия, 1985. 127 с. (Б-ка журн. ЦК ВЛКСМ «Мол. гвардия». № 15 (174)).

Медведев В. П. Изучение лирики в школе: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1985. 208 с.

С. 66—97: Гл. 4. Целостный анализ лирического стихотворения. Лирические шедевры А. С. Пушкина.

Медведев В. П. Методы и формы целостного анализа лирического произведения // Пути и формы анализа художественного произведения: Межвуз. сб. науч. тр. / Владимир. пед. ин-т. Владимир, 1985. С. 34—49.

Изучение лирики Пушкина в 8-м классе.

Медриш Д. Н. На стыке двух культур: (К творческой истории «Песен западных славян» А. С. Пушкина) // Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII—XX вв.: Тез. науч. конф. / Таллин. пед. ин-т. Таллин, 1985. С. 45—46.

Предположение, что строки «Расходились по поганскому граду» не запись неизвестной русской народной песни, а первый набросок «Песен западных славян».

Мейлах Б. С. Процесс творчества и художественное восприятие. Комплексный подход: Опыт, поиски, перспективы / Предисл. Б. Кедрова. М.: Искусство, 1985. 318 с.

С. 113—139: «Пушкин. „Искренность вдохновения“, „ясная мысль“, „истина чувств“» (в разделе «От замысла — к завершённому произведению»).

Мельникова Е. Г., Безродный М. В., Паперный В. М. «Медный всадник» в контексте скульптурной символики романа Андрея Белого «Петербург» // А. Блок и его окружение: Блоковский сб. VI. Тарту, 1985. С. 85—92. (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та; Вып. 680).

О влиянии «Медного всадника» и «Каменного гостя» Пушкина на «Петербург» А. Белого.

Мирза-Авакян М. Л. Идеи и образы поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник» в творчестве поэтов-символистов // Поэтика русской советской прозы: Межвуз. науч. сб. / Башк. гос. ун-т. Уфа, 1985. С. 128—139.

Михайлов Л. Д. Семь глав о театре: Размышления, воспоминания, диалоги. М.: Искусство, 1985. 335 с.

IV. Когда ставишь классику. С. 209—213: «Борис Годунов». [О постановке оперы Мусоргского в Тбилиси]. С. 217—226, 228—231, 233—238: «Пиковая дама». [О постановке оперы Чайковского: Отрывки из стенограмм 1967—1977 гг.]. С. 224, 226—232, 238—246: воспоминания Д. Китаенко, Н. Исаковой, А. Б. Тителя о Л. Д. Михайлове.

Михайлова М. Б., Венгранович М. А. Предложения с однородными сказуемыми в народных исторических песнях «разинского цикла» и в «Песнях о Стеньке Разине» А. С. Пушкина // Язык русского фольклора: Межвуз. сб. / Петрозавод. ун-т. Петрозаводск, 1985. С. 30—38.

Михайлова Н. О «Маленьких трагедиях» // Лит. учеба. 1985. № 6. С. 224—228.

Могилевская И. М. К вопросу об особенностях историзма А. С. Пушкина в 1830-е годы: (Пушкин и В. Скотт) / Моск. гос. пед. ин-т М., 1985. 14 с. Библиогр.: с. 13—14. Деп. в ИНИОН АН СССР 15.05.85, № 20735.

Муравьева О. С. Рец. на кн.: Мамонов А. И. Пушкин в Японии. М.: Наука, 1984 // Рус. речь. 1985. № 2. С. 99—101.

Мурьянов М. Ф. Об одном шедевре пушкинской любовной лирики // Рус. речь. 1985. № 4. С. 24—28.

Стихотворение Пушкина «Сожженное письмо».

Мясников А. Александр Сергеевич Пушкин // Великие русские люди: Сб. / Сост. В. Володин. 2-е изд. М.: Мол. гвардия, 1985. С. 10—58 (Жизнь замечательных людей: Сер. биогр.; Вып. 6 (646)).

Мясоедова Н. Е. Поэтика мемуарной прозы А. С. Пушкина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тарт. гос. ун-т. Тарту, 1985. 20 с.

Н. К. Мой Пушкин и Его Тень // Театр. 1985. № 7. С. 61—63, фот.

Спектакль Камы Гинкаса «Пушкин и Натали» в Ленинградской филармонии. Пушкин — В. Гвоздичкий.

Нагибин Ю. Болдинский свет: Рассказ // Дали отчие, неоглядные: Сб. рассказов и очерков. М.: Современник, 1985. Вып. 2. С. 180—202.

Впервые: Новый мир. 1983. № 3. С. 154—168.

Нагибин Ю. Остров любви: Повести; рассказы. Кишинев: Лит. артистикэ, 1985. 672 с.

С. 400—409: «Царскосельское утро» [впервые: России первая любовь. М., 1983. С. 50—57]. С. 409—426: «От письма до письма» [впервые: Смена. 1982. № 14. С. 8—11]. С. 426—440: «У Крестовского перевоза» [Дельвиг и Пушкин].

- Невелев Г. А. «Истина сильнее царя...»: (А. С. Пушкин в работе над историей декабристов). М.: Мысль, 1985. 205 с., 16 л. ил.
- Немировский И. В. К вопросу об эволюции отношения Пушкина к А. Н. Радищеву: (От южной ссылки до статьи «Александр Радищев») // Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII—XX вв.: Тез. науч. конф. / Таллин. пед. ин-т. Таллин, 1985. С. 79—81.
- Непомнящий В. С. XXVIII Пушкинская конференция // Вопр. лит. 1985. № 11. С. 272—281. Подпись: В. Н.
Хроника 28-й Пушкинской конференции, проходившей 3—5 июня 1983 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.
- Непомнящий В. С. Опирайтесь на достигнутое наукой // Вопр. лит. 1985. № 7. С. 142—159.
Ответ на статью Б. Бялика «Да были ли горы-то?..».
- Никитин А. Г. «... Или в кибитке кочевой?»: Как А. С. Пушкин выбирал маршрут уральского путешествия // Турист. 1985. № 2. С. 38—39.
- Никитин А. Г. Учитель Пушкина Куницын и уральский крепостной Волегов // Рифей: Урал. лит.-краев. сб. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1985. С. 127—149.
- Никольский В. А. «Золотой петушок» Пушкина и сатира Щедрина // «Шестидесятые годы» в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина: Сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т. Калинин: Изд-во Калинин. ун-та. 1985. С. 80—84.
- Никулина Г. За пушкинской строкой // Лит. обозрение. 1985. № 6. С. 99—101.
О телевизионном фильме «Ужель та самая Татьяна?» Авторы: Г. Шергова, М. Столбова. Реж. Л. Ниренбург.
- Новиков И. А. Пушкин в изгнании: Роман. М.: Правда, 1985. 768 с., ил. (Библ. сер.).
- Новиков Л. А. Опыт лингвостилистического анализа трагедии А. С. Пушкина «Монах и Сальери» // Рус. яз. в шк. 1985. № 4. С. 70—77.
- Новов С. А древо жизни вечно зеленеет...: Два сюжета пушкинского стихотворения «Анчар» // Лит. учеба. 1985. № 1. С. 180—186.
- Нольман М. Рец. на кн.: Краснов Г. В. Пушкин: Болдинские страсти. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1984 // Волга. 1985. № 6. С. 156.
- Ободовская И. М., Дементьев М. А. Наталья Николаевна Пушкина: По эпистолярным материалам / Ред. и авт. предисл. В. И. Кулешов. М.: Сов. Россия, 1985. 364 с., 16 л. ил., 1 л. портр.
- Обратить в пользу детей потомков... Окончание / Публ., послесл. и примеч. М. Маковеева // Новый мир. 1985. № 9. С. 218—236.
С. 219—221: «А. С. Пушкин и Раменские». С. 221—227: «Учителя Раменские в XIX веке».
- Рец.:
Кибальник С. А. Мнимый Пушкин / Лит. газ. 1986, 28 мая. № 22. С. 6.
- Овчинников Р. В. Над «пугачевскими» страницами Пушкина / Отв. ред. А. А. Преображенский. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1985. 160 с., 4 л. ил. («Страницы истории нашей Родины»). Библиогр. в примеч.: с. 131—152.
- Овчинникова С. Т. На фоне Пушкина — Рец. на кн.: Рассадин Ст. Спутники: Дельвиг, Языков, Давыдов, Бенедиктов, Вяземский. М.: Сов. писатель, 1983 // Октябрь. 1985. № 3. С. 206—208.
- Овчинникова С. Т. Пушкин в Москве: Летопись жизни А. С. Пушкина с 5 декабря 1830 г. по 15 мая 1831 г. М.: Сов. Россия, 1985. 256 с., 1 л. портр., 8 л. ил.
- Огнев В. Ф. Перечитывая Пушкина: (Заметки) // Огнев В. Ф. На древе человечества: Сб. лит.-критич. статей. М.: Сов. Россия, 1985. С. 245—252.

- Впервые: Огнев В. Ф. Книга про стихи. М.: Сов. писатель, 1963. С. 122—133.
- Осповат А. Л., Тименчик Р. Д. «Печальную повесть сохранить...»: Об авторе и читателях «Медного всадника». М.: Книга, 1985. 303 с. (Судьбы книг).
- Рец.:
Ашимбаева Н., Рогинский А. «...В вибрациях его меди» // Даугава, 1986. № 12. С. 110—115.
- Павленко-Камшилина В. Сила звучащего слова: Интонационно-смысловый анализ текста // Рус. яз. и лит. в казах. шк. 1985. № 9. С. 14—21.
- На примере лирики Пушкина.
- Павлова Е. Пушкин глазами современников // Юный художник. 1985. № 6. С. 15—18, ил.
- Иконография Пушкина.
- Павлова Н. Статья Дельвига о «Борисе Годунове» // Соврем. пробл. рус. филол. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1985. С. 7—10.
- Незавершенная статья Дельвига («Литературная газета». 1831, 1 и 6 янв.).
- Паршенков А. Рец. на кн.: Щеглов Ю. Святые Горы (Дружба народов. 1983. № 12. С. 93—169) // Лит. обозрение. 1985. № 3. С. 69—70.
- Песков В. Тихоструйная Сороть // На суше и на море. М.: Мысль, 1985. С. 163—167.
- Петина Л. И. Структурные особенности альбома пушкинской эпохи // Пробл. типологии рус. лит. Тарту, 1985. С. 21—36. (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та; Вып. 645. Тр. по рус. и слав. филол. Литературоведение).
- Петрищева И. А. Портрет в художественной литературе как средство конструирования образа: (На материале прозы А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и Н. В. Гоголя) // Рус. яз. в груз. шк. 1985. № 3. С. 40—52.
- Пирцхалава Г. А. Психологические эпитеты в поэзии А. С. Пушкина // Тр. Абхаз. ун-та. 1985. Т. 3. С. 137—142. Библиогр.: 5 назв.
- Писахов С. Г. «Пушкинисты» на Новой Земле // Писахов С. Г. Сказки. Очерки. Письма. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1985. С. 216—220.
- Впервые: Север. Архангельск, 1937. № 2. С. 131—134.
- Платонов А. П. Собр. соч.: В 3 т. М.: Сов. Россия, 1985.
- Т. 2. С. 287—400: «Пушкин — наш товарищ» [впервые: Лит. критик. 1937. № 1. С. 46—61]. С. 300—322: «Пушкин и Горький» [впервые: Лит. критик. 1937. № 6. С. 63—84].
- Т. 3. С. 308—384: «Ученик Лицея» [впервые: Наш современник. 1974. № 6. С. 71—123].
- Плевакин Б. Был и я среди донцов. М.: Современник, 1985. 175 с., портр.
- С. 20—26: «Был и я среди донцов...» [Пушкин и Дон]. С. 27—31: «Умный и любезный Сухоруков...» [Пушкин и В. Д. Сухоруков].
- Полковникова И. Лирика А. С. Пушкина в IX классе // Рус. яз. и лит. в казах. шк. 1985. № 8. С. 23—29.
- Попелюхер И. Л. Пушкин на сцене лагеря для военнопленных // Театр. 1985. № 6. С. 159.
- Попелюхер И. Л., Гдалин А. Д. С Пушкиным в борьбе против фашизма // Рус. яз. и лит. в кирг. шк. 1985. № 5. С. 9—12.
- Порудоминский В. И. Брюллов. Пушкин. Время. Заметки // Пано-рама искусств. 8. М.: Сов. художник, 1985. С. 344—366.
- Порудоминский В. И. По-настоящему Пушкина // Порудоминский В. И. Жизнь и слово. Даль: Повествование. М.: Мол. гвардия, 1985. С. 95—116. (Пионер — значит первый. Вып. 86).
- Поэты пушкинской поры / Оформл. худож. Д. Шимилиса. М.: Худож. лит., 1985. 414 с., ил.

- Прекин Г. Болдинское убежище — Рец. на кн.: Краснов Г. В. Пушкин: Болдинские страницы. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1984 // В мире книг. 1985. № 6. С. 86.
- Прожогин Н. П. Пушкинский поиск в Португалии // Наука и жизнь. 1985. № 8. С. 148—151, ил.
- Прокудин С. Б. Историко-патриотическое содержание поэм А. С. Пушкина «Полтава» и «Медный всадник» // Роль художественной литературы в формировании духовного мира школьников / Тамб. пед. ин-т. Тамбов, 1985. С. 82—95.
- Пугачев В. В. Г. А. Гукровский о Пушкине и декабристах: (К истолкованию финала «Евгения Онегина») // Проблемы развития советской литературы в формировании духовного мира школьников / Тамб. пед. ин-т. Тамбов, 1985. С. 82—90.
- Пугачев В. В. К вопросу об экономической политике Николая I: (К истолкованию дневниковых записей Пушкина 21 мая 1834 года) // Проблемы экономической истории и теории: Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. С. 182—184.
- А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. статья В. Э. Вакуро; Сост. и примеч. В. Э. Вакуро, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович. М.: Худож. лит., 1985. (Сер. лит. мемуаров).
Т. 1. 544 с., 8 л. ил., портр.
Т. 2. 575 с., 8 л. ил. Указ. имен: с. 523—571.
- А. С. Пушкин и его время в изобразительном искусстве первой половины 19 века. Alexander Pushkin and his time in the fine arts of the first half of the 19th century / Авт. вступ. статьи Г. П. Балог, А. М. Мухина; Авт.-сост. Г. П. Балог, Н. И. Грановская, Р. Г. Жуйкова, А. Э. Тихантовская, А. М. Мухина, Г. И. Назарова, Л. П. Февчук, Н. М. Чернецкая; Отв. ред. Г. П. Балог; Оформ. и макет Д. М. Плаксина; Всесоюзный музей А. С. Пушкина. Л.: Художник РСФСР, 1985. [216] с., ил.
Рец.:
Кузьмина Л. И. Привилегия подлинности / Нева. 1986. № 11. С. 166—167.
Мудров Ю., Скобкина Л. Пушкин и его время // Художник. 1986. № 3. С. 48—59.
- Пьянов А. Поездка в Берново // Юность. 1985. № 12. С. 98—101.
Посещение К. М. Симоновым пушкинских мест Верхневолжья в 1973 г.
- Рабинович М. Г. Город и поэт: К этнографическому источниковедению // Сов. этнография. 1985. № 1. С. 116—129.
Города России в изображении Пушкина.
- Райнис Я. Александр Пушкин / Пер. с латыш. В. Михайлов; Под ред., со вступ. статьей и примеч. Л. С. Сидякова // Даугава. 1985. № 9. С. 77—87; № 10. С. 88—97.
Впервые: Маяс виеса менешпракт. 1898. № 3, 6, 7. На латыш. яз.
- Сабаев С. Б. Одной лирики лента // Сабаев С. Б. Братство народов, братство литератур. Орджоникидзе, 1985. С. 81—134.
Влияние Пушкина, Лермонтова, Некрасова на осетинскую литературу.
- Савыгин А. О чем напомнила фотография // Нева. 1985. № 5. С. 187—190.
Восстановление Пушкинского заповедника после Великой Отечественной войны.
- Сайтанов В. А. Рец. на кн.: Друзья Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники. В 2 т. М.: Правда, 1984 // Новый мир. 1985. № 6. С. 266.
- Салимова З. С. О некоторых особенностях переводов Миртемира из лирики А. С. Пушкина // Аспекты литературных связей Узбекистана

- с писателями братских республик периода развитого социализма: Сб. науч. тр. / Ташк. пед. ин-т. Ташкент, 1985. С. 13—28.
- С а с и н а В. П., К в е с е л е в и ч Д. И. К вопросу об использовании межъязыковых функциональных аналогов в процессе художественного перевода: (На материале перевода М. Ф. Рыльским романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Тези доповідей і повідомлень респ. науково-теоретич. конф. (28—30 травня 1985 р.) / Житомир. держ. пед. ін-т. Житомир, 1985. С. 82—84.
- С а у н и н С. Кого нарисовал Пушкин? / Предисл. М. Сергеева // Сибирь. Иркутск, 1985. № 1. С. 78—90, ил.
В сокр.
Впервые: Алтай. 1984. № 1. С. 110—116.
- С а ф а Махмуд Альван. А. С. Пушкин и Арабский Восток: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 1985. 22 с.
- С а х а р о в В. Пушкин читает Игореву песнь // Наш современник. 1985. № 12. С. 148—151.
Пушкин и «Слово о полку Игореве».
- С в е р д л о в а И. Путешествие в пушкинскую Коломну // Нева. 1985. № 9. С. 186—191.
- С е м е н о в О. Вплибин читает Пушкина // Дет. лит. 1985. № 6. С. 54—61, ил.
Об иллюстрациях И. Я. Билибина к «Сказке о царе Салтане» и «Сказке о золотом петушке».
- С и д е р а в и ч ю с Р. Переводы произведений А. С. Пушкина на литовский язык. Литовские писатели об А. С. Пушкине // Международные литературные связи на уроках русской литературы: Сб. статей / Сост. Р. Сидеравичюс. М.-во просвещения Лит. ССР. 2-е изд., перераб. и доп. Каунас: Швиенса, 1985. С. 6—10, 11—16.
- С к а з к и и п е с н и, р о ж д е н н ы е в д о р о г е. Цыганский фольклор: Сб. / Сост., запись, пер. с цыган., предисл. и коммент. Е. Друца, А. Гесслера. М.: Наука, 1985. 520 с.
С. 336—338: № 120. Легенда о жизни Пушкина у цыган. [Записана в Семрино Ленингр. обл. от И. М. Федорова].
- С к а т о в Н. Н. «Пушкинское» стихотворение Некрасова: «Элегия» // Скатов Н. Н. «Я лиру посвятил народу своему». О творчестве Н. А. Некрасова: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1985. С. 152—160.
Впервые: Лит. в школе. 1981. № 5. С. 13—16.
- С к а ч к о в а С. В. Сказки В. А. Жуковского. (Генезис, источники, жанровое своеобразие): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л., 1985. 19 с.
- С м и р н о в а О. И. Вещий Олег // Рус. речь. 1985. № 4. С. 149—152.
- С н ы т к о Н. В. Письма о Пушкине: (Письма Е. М. Хитрово к П. А. Вяземскому) // Встречи с прошлым. 2-е изд. М.: Сов. Россия, 1985. Вып. 2. С. 19—30. (Сб. материалов ЦГАЛИ).
Впервые, в сокр.: Пушкинский праздник. 1972, 31 мая—7 июня. С. 15.
- С о л и ц е н а ш е й п о э з и и: Повествование о Пушкине в документах, письмах и воспоминаниях / Подгот. В. Потресов // Собеседник: Лит.-критич. ежегодник / Сост. И. Ростовцева. М.: Современник, 1985. Вып. 6. С. 13—25.
Впервые: Огонек. 1984. № 23. С. 13—15.
- С п и в а к Р. С. Русская философская лирика: Проблемы типологии жанров. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 139 с.
С. 71—84: Гл. 1. Философская лирика А. С. Пушкина 30-х годов.
- С т е п у н и н И. Г. Соотношение характеров литературного героя и его прототипа: (Пушкинский Дубровский и белорусский шляхтич Островский) // Проблема характера в художественной литературе: Сб. науч. тр. / Мин. гос. пед. ин-т. Минск, 1985. С. 20—29.
- С т р е л ь н и к о в а Н. С. Поэтическое слово и лингвистический анализ в IV классе // Рус. яз. в башк. шк. 1985. № 4. С. 7—9.
На примере «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях».

- Сура т И. З. Бедный смотритель: (О литературном фоне повести А. С. Пушкина) // Литературные произведения XVIII—XX веков в историческом и культурном контексте. М.: Изд-во МГУ 1985. С. 46—50.
- Сура т И. З. Сказка П. А. Катенина «Княжна Милуша»: (К проблеме «Катенин и Пушкин») // Науч. докл. высш. шк.: Филол. науки, 1985. № 1. С. 68—72.
- Сурж о к А. И. Пушкинские традиции // Сурж о к А. И. Торлонг из Цаган Нура: Очерк творчества С. Каляева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. С. 54—62.
- Влияние Пушкина на Каляева и калмыцкую литературу.

Там ар ч ен ко Н. Д. «Зона построения образа» и образ автора в реалистическом романе («Евгений Онегин») // Проблема автора в художественной литературе: Межвуз. сб. науч. работ / Удмурт. ун-т. Устинов, 1985. С. 64—69.

Творчество А. С. Пушкина: Материалы сов.-амер. симпозиума в Москве. Июнь 1984 г. / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1985. 94 с.

Содерж.: От редакции. — И. Ф. Бэлза. Универсализм Пушкина. — И. У а й л. Параллельные темы и различные настроения: ямб и хорей, пародия и трагедия у Пушкина — «строгий, стройный вид». — К. Н. Л о м у н о в. Пушкин и Лев Толстой. — К. Э м е р с о н. Три вариации на темы из русской истории: Борис Годунов у Карамзина, Пушкина и Мусоргского. — Ю. В. М а н н. Философские тенденции художественного образа у Пушкина. — Д. М а й к л с о н (ошибочно: М и к к е л с о н). «Памятник» Пушкина в свете его философской лирики 1836 года. — Д. М. У р н о в. Пушкин и американская литература.

Тимо фее в Л. Стих и синтаксис // Лит. учеба. 1985. № 3. С. 201—211.

Взаимодействие ритма и синтаксиса в онегинской строфе.

Тит ар ен ко Е. Я. Рец. на кн.: Мейлах Б. С. Творчество А. С. Пушкина: Развитие художественной системы. М.: Просвещение, 1984 // Науч. докл. высш. шк.: Филол. науки. 1985. № 5. С. 78—79.

Тихо м и р о в а С. Книга о войне 1812 года из библиотеки Липранди // Альманах библиофила. М.: Книга, 1985. Вып. 17. С. 231—238.

Книга Р. Кер-Портера «История русской кампании 1812 г.» (Париж, 1817) с пометами Липранди в Государственном музее А. С. Пушкина.

Тод д А. С. Моя Татьяна и другие / Пер. с англ. Л. Переверзев // Ровесник. 1985. № 10. С. 18—20, 23.

С. 18—19: американский ученый о «Евгении Онегине» Пушкина.

Той б и н И. М. Система образов в «Медном всаднике» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1985. Т. 44, № 3. С. 225—232.

Той б и н И. М. Фет и пушкинская традиция // А. А. Фет: Традиции и проблемы изучения. Курск, 1985. С. 14—46.

Тол с т о й И. Н. По собственной воле уполномоченный // Аврора. 1985. № 2. С. 123—128.

А. И. Тургенев и Пушкин.

Тру бе Л. «Суеверные приметы согласны с чувствами души» // Наука и религия. 1985. № 6. С. 57.

Тру бе ц ко й Б. «Пушкину. 26 мая 1885 г.»: К 100-летию открытия памятника А. С. Пушкину в Кишиневе // Кодры. 1985. № 6. С. 136—137, фот.

Памятник работы А. М. Опекушина.

Ту на ко в а К. С. Перевод как источник изучения литературных связей / Казан. гос. пед. ин-т. Казань, 1985. 11 с. Библиогр.: с. 10—11. Деп. в ИНИОН АН СССР 24.06.85, № 21260.

Сопоставительный анализ произведений Пушкина и переводов Г. Тукая.

- Турбин В. Н. «Ситуация двуязычия» в творчестве Пушкина и Лермонтова // Лермонтовский сборник / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1985. С. 91—103.
- Турков А. Спутники Пушкина — Рец. на кн.: Рассадин Ст. Спутники: Дельвиг; Языков; Давыдов; Бенедиктов; Вяземский. М.: Сов. писатель, 1983 // Вопр. лит. 1985. № 12. С. 246—252.
- Тэсс Т. Н. «Одна, но пламенная страсть» // Тэсс Т. Н. Друзья моей души. М.: Известия, 1985. С. 192—197.
О книге Д. Н. Журавлева «Беседы об искусстве чтеца».
- Тюльпинов Н. Доверие к поэзии — Рец. на кн.: Непомнящий В. Поэзия и судьба: Статьи и заметки о Пушкине. М.: Сов. писатель, 1983 // Звезда. 1985. № 7. С. 192—194.
- Тюнькин К. И. Велинский о Пушкине // Велинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. М.: Худож. лит., 1985. С. 3—19.
- Тюнькин К. И. Высокое призвание поэта // Пушкин А. С. Стихотворения. М.: Моск. рабочий, 1985. С. 3—14.
Впервые: Пушкин А. С. Стихотворения. М.: Худож. лит., 1965. С. 5—18.
- Федин К. А. Собр. соч.: В 12 т. Т. 9. Писатель. Искусство. Время. М.: Худож. лит., 1985. 558 с.
С. 7—15: «О Пушкине» [впервые: Федин К. А. Соч.: В 6 т. М., 1954. Т. 6. С. 542—551]. С. 474—479: «Михаил Булгаков о Пушкине» [впервые, под загл. «В поисках Пушкина»: Лит. и искусство. 1943, 24 апр.].
- Федоровская Л. Без легковой укоризны. — Рец. на кн.: Кузнецова А. Моя мадонна. М.: Сов. писатель, 1984 // Радуга. 1985. № 8. С. 152—154.
- Фейнберг И. Л. Читая тетради Пушкина / Сост. М. И. Фейнберг. М.: Сов. писатель, 1985. 687 с., ил.
Содерж.: Незавершенные работы Пушкина. — Читая тетради Пушкина. — Из воспоминаний. (М. А. Цявловский; О Тынянове; Поездка в Тригорское; «Следовать за мыслями...»)
Рец.:
Басманов А. Потаенный Пушкин // Огонек. 1986. № 25. С. 9.
Шайтанов И. Цельность исследования // Вопр. лит. 1986. № 6. С. 236—243.
- Фейнберг М. «Живой голос Пушкина» // В мире книг. 1985. № 6. С. 77—79, фот.
Лекции И. Л. Фейнберга о Пушкине на флоте во время Великой Отечественной войны.
- Фомин С. «В стране, где мельниц ряд крылатый...» // Кодры. 1985. № 8. С. 143—152.
Об исторических событиях, нашедших отражение в заключительной части «Полтавы».
- Фридман Н. В. Загадка «Домика в Коломне» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1985. Т. 44, № 5. С. 445—448.
- Хазин М. Дом Инзова // Рус. яз. в молд. шк. 1985. № 4. С. 59—62.
- Хихадзе Л. Д. Пушкинские «Медный всадник» и «Цветок» в грузинской поэзии: Моменты восприятия // Лит. Грузия. 1985. № 1. С. 160—170.
Влияние творчества Пушкина на грузинских поэтов XIX в.
- Хихадзе Л. Д. «Пушкинское присутствие» и новая грузинская лирика // Литературное содружество народов СССР / Тбил. гос. ун-т; Ленингр. гос. ун-т. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1985. Т. 4. С. 173—184.
- Холшевников В. Е. «На холмах Грузии лежит почная мгла...» А. С. Пушкина // Анализ одного стихотворения: Межвуз. сб. / Под ред. В. Е. Холшевникова. Ленингр. гос. ун-т. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 98—105.
- Хохлов А. Н. Российские китаеведы и деятели русской культуры: (А. С. Пушкин, И. С. Тургенев и Г. Н. Потанин) // Шестнадцатая

- научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тез. и докл. / АН СССР, Ин-т востоковедения. М., 1985. Ч. 2. С. 215—234.
- Хржановский А. Ю. А. С. Пушкин. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 г.: Проекция на экран / Предисл. «Режиссер размышляет о Пушкине» (с. 155—156) Н. Я. Эйдельмана // Проблемы синтеза в художественной культуре / АН СССР, Науч. совет по истории мировой культуры. М.: Наука, 1985. С. 157—204.
- Цукер А. К концепции «Скупого рыцаря» [С. В. Рахманинова] // Сов. музыка. 1985. № 7. С. 92—97.
- Цыбульская А. «Евгений Онегин» на телеэкране: К проблеме популяризации оперного искусства // Телевидение. Радиовещание. 1985. № 6. С. 31—32.
- Чалый Д. В. Пушкин и Гоголь // Теория и история литературы: К 100-летию со дня рождения акад. А. И. Белецкого / АН УССР, Ин-т лит. им. Т. Г. Шевченко. Киев: Наукова думка, 1985. С. 96—101.
- Чегодарь Н. Рец. на кн.: Мамонов А. И. Пушкин в Японии. М.: Наука, 1984 // Новый мир. 1985. № 2. С. 268—269.
- Черашня Д. И. Субъектные формы авторского присутствия в романе в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Проблема автора в художественной литературе: Мезвуз. сб. науч. работ / Удмурт. ун-т. Устинов, 1985. С. 69—74.
- Черейский Л. А. Пушкин и Тверской край: Докум. очерки. Калинин: Моск. рабочий, 1985. 143 с., 8 л. ил.
- Черная Т. К. Борьба вокруг традиций критики В. Г. Белинского в 60-е годы XIX века: (Д. Писарев и Ап. Григорьев) // Русская классическая литература и идеологическая борьба: Сб. науч. тр. / Ставроп. пед. ин-т. Ставрополь, 1985. С. 13—33.
- Отношение Писарева к Пушкину и к статьям о Пушкине Белинского.
- Чижев А. Г. Сеятель свободы // Наука и религия. 1985. № 6. С. 56. Стихотворение Пушкина «Сеятель пустынный...».
- Чижова И. Б. Перед разлукой // Работница. 1985. № 2. С. 32—33, ил. Портрет Д. Ф. Фикельмон работы П. Ф. Соколова.
- Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика. 2-е изд., доп. М.: Худож. лит., 1985. 447 с.
- Ч. 2. Прозаические стили в литературе XIX в. С. 82—99: Гл. 1. Пушкин. Ч. 3. Лирические стили. С. 337—370: Гл. 4. Пушкин. (1-е изд. 1979 г.).
- Чудов В. На «полюсе тепла» / С предисл. В. Непомнящего // Октябрь. 1985. № 6. С. 191—201.
- Саксонский посланник в Петербурге К. А. Люцереде.
- Шарафадина К. И. Жанр послания в лирике А. С. Пушкина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ленингр. гос. пед. ин-т. Л., 1985. 16 с.
- Шаталова Л. «Зачем арапа своего младая любит Дездемона?..»: Новые портретные атрибуции // Студ. меридиан. 1985. № 3. С. 17.
- Автопортрет Пушкина и портрет Н. Н. Гончаровой на л. 81 арзрумской тетради. Впервые определены Т. Г. Цявловской (Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1960. Т. 5. С. 659).
- Шведова О. Пушкинские залы театра // Театр. 1985. № 10. С. 92. Мемориал А. Я. Таирова и А. Г. Коонен в Московском драматическом театре им. А. С. Пушкина.
- Шелгунова Л. М. К вопросу о единицах и членении повествовательного художественного текста // Вопросы стилистики. Стилистика художественной речи: Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. Вып. 20. С. 51—60.
- На материале прозаических произведений Пушкина.

- Шемеген Г. Уроки развития речи: На материале произведений Пушкина // Рус. яз. и лит. в казах. шк. 1985. № 9. С. 54—58.
- Шигина А. Н. Белая горница. Свердловск: Средн.-Урал. кн. изд-во, 1985. 190 с.
С. 112—134: «Свердловская пушкиниана» [коллекция Г. И. Щекучева].
- Шолохов С. Л. Об имени Иван в трагедии Пушкина «Скупой рыцарь»: (К вопросу о пушкинском историзме) // Вопросы историзма и реализма в русской литературе XIX—начала XX века / Ленингр. гос. ун-т. Л., 1985. С. 117—120.
- Штейнпресс Б. Лексикографические вариации // Муз. жизнь. 1985. № 10. С. 24.
На тему «Пиковой дамы». — На тему «Бориса Годунова».
- Штейнпресс Б. Русская литература в зарубежной опере: Первые пушкинские оперы на Западе; Новые обращения к Пушкину. XX век // Сов. музыка. 1985. № 6. С. 84, 85—86.
- Шубин Б. М. Скорбный лист, или История болезни Александра Пушкина // Шубин Б. М. Дополнение к портретам: Скорбный лист, или История болезни Александра Пушкина. 2-е изд.; Доктор А. П. Чехов. 4-е изд., доп. М.: Знание, 1985. С. 6—104. (Б-ка «Знание»).
- Шубин В. Ф. Поэты пушкинского Петербурга. Л.: Лениздат, 1985. 327 с., ил.
- Шустрова Т. И. Психологизм прозы Пушкина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР; Ленингр. гос. ун-т. Л., 1985. 15 с.
- Эйдельман Н. Я. Колокольчик Ганнибала // Пути в незнаемое. М.: Сов. писатель, 1985. Сб. 18. С. 288—318.
Впервые, частично (с. 288—293): Наука и жизнь. 1983. № 10. С. 86—93.
- Эйдельман Н. Я. Пушкин и его друзья под тайным надзором // Вопр. лит. 1985. № 2. С. 128—139.
Публикации и атрибуция донесений Ф. Булгарина о М. Погодине и «Московском вестнике», составленных для III Отделения (ИРЛИ).
- Эйдельман Н. Я. Секретная аудиенция // Новый мир. 1985. № 12. С. 190—217.
Встреча Пушкина с Николаем I в 1826 г.
- Эсалнек А. Я. Внутряжанровая типология и пути ее изучения. М.: Изд-во МГУ, 1985. 183 с.
С. 108—141: «Видоизменение романной ситуации и совершенствование структуры романа в произведениях Пушкина и Лермонтова».
- Югов А. К. Правильно ли мы читаем первую строфу «Евгения Онегина»? // Собр. соч.: В 4 т. М.: Сов. Россия, 1985. Т. 4. С. 478—480.
Впервые: Москва. 1957. № 6. С. 218—219.
- Юсуфов Р. Ф. Пушкин и духовная культура многонациональной России // Юсуфов Р. Ф. Общность литературного развития народов СССР в дооктябрьский период. М.: Наука, 1985. С. 94—110.
- Ягодковская А. Пушкинский заповедник // Ягодковская А. Федор Глебов. М.: Сов. художник, 1985. С. 88—101.
13 картин.
- Яценко О. В четыре пополудни у Вольфа... // Нева. 1985. № 6. С. 191—193, ил.
Кондитерская Вольфа и Беранже. Открытие Литературного кафе.
- Библиотекарь. 1985. № 6.
К Пушкинским дням. С. 38—39: В. Ронина. В Михайловском. [Круг чтения Пушкина]. С. 40—43: С. Овчинникова. Квартира Пушкина на Арбате. [Сокр. гл. из кн. «Пушкин в Москве»]. С. 44—45: С. Понятовская. «И память Каменки любя...». [Пушкинский

праздник поэзии в Каменке]. С. 46—47: В. Копылов. Дружеский круг. [Рец. на кн.: Друзья Пушкина. М., 1984]. С. 48: Е. Федорова. Исторический роман поэта. [Рец. на кн.: Пушкин А. С. Капитанская дочка. 2-е изд., доп. Л.: Наука, 1984. (Лит. памятники)]. С. 49: К. Владимиров. Очерк жизни и творчества. [Рец. на кн.: 1) Непомнящий В. Поэзия и судьба; 2) Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя; 3) Маймин Е. А. Пушкин: Жизнь и творчество].

Декоративное искусство. 1985. № 6.

«Пушкинский альманах ДИ». С. 29: Ю. М. Лотман. Об альманахах пушкинской поры: (Вместо напутствия). С. 30—31: Д. Швидковский. Город София. [Коммент. к «Капитанской дочке»]. С. 31—33: Л. Смирнов. Облик поэта. С. 34—36: Г. Каганов. «Какой город! Какая река!». [Пушкинский Петербург]. С. 37—38: Л. Вуич. «Крики Петербурга». [Коммент. к «Евгению Онегину»]. С. 38—39: Е. Завадская. Зримое слово. [Черновая рукопись Пушкина]. С. 39—43: О. Авилова. Пушкинская эпоха домашнего альбома. С. 43: Е. Зименко. Рец. на кн.: Павлова Е. В. А. С. Пушкин в портретах. М.: Сов. писатель, 1983.

Литература в школе. 1985. № 6.

С. 51—53: Е. А. Усова, Е. А. Пономарева. Школьный Пушкинский музей: (К итогам Всероссийского собеседования учителей). С. 53—55: А. А. Тарасенко. Пушкинский кружок в сельской школе. С. 55—56: Л. П. Кирсанова. Любители поэзии Пушкина в сельской школе. С. 57—58: Г. С. Глебова. На пути к созданию музея.

ДОБАВЛЕНИЕ К «ПУШКИНИАНЕ 1984 ГОДА»

Моложавенко В. С. «Был и я среди донцов...»: Записки краеведа. Ростов н/Д: Рост. кн. изд-во, 1984. 160 с., ил.

С. 37—51: «Автограф Пушкина». [Документы, связанные с Пугачевым: 1) Оригинал допросного листа первой жены Пугачева Софьи Дмитриевны с карандашной надписью «Напечатано в Биб. для чт. 1834 г., т. VII», сделанной предположительно Пушкиным (Центр. гос. военно-ист. архив); 2) Неизвестный паспорт Пугачева, выданный в 1772 г. на пограничном форпосте в Добрянке]. С. 52—75: «Был и я среди донцов...» [О пребывании Пушкина на Дону].

Страхов Н. Н. Литературная критика / Вступ. статья, сост. Н. Н. Скатова; Примеч. Н. Н. Скатова и В. А. Котельникова. М.: Современник, 1984. 431 с.

С. 81—92: VI. Нечто о Пушкине, главном сокровище нашей литературы [из статьи: «Бедность нашей литературы»]. С. 123—130: А. С. Пушкин [из книги «Заметки о Пушкине и других поэтах»].

Хржановский А. Иду к Пушкину // Культура и жизнь. 1984. № 6. С. 42. Автор сценария и постановщик трилогии по рисункам Пушкина рассказывает о своем восприятии поэта.

Художина Э. И. Жанр стихотворной повести в творчестве А. С. Пушкина: («Граф Нулин», «Домик в Коломне», «Медный всадник»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ленингр. гос. пед. ин-т. Л., 1984. 20 с.

Цветаева М. И. Мой Пушкин // Соч.: В 2 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц. М.: Худож. лит., 1984. Т. 2: Проза. С. 302—370.

С. 302—339: «Мой Пушкин». [Написано в 1937 г.]. С. 340—368: «Пушкин и Пугачев». [Написано в 1937 г.].

Чайковская О. Пушкинский пример // Смелая. 1984. № 8. С. 18—19. Пушкин — создатель своей семьи.

Чегодаев А. Д. Новые иллюстрации Д. А. Шмарнинова к «Капитанской дочке» А. С. Пушкина // Чегодаев А. Д. Страницы истории советской живописи и советской графики. М.: Сов. художник, 1984. С. 418—421.

Написано в 1976 г.

Р. Г. ЖУЙКОВА

ПОРТРЕТНЫЕ РИСУНКИ А. С. ПУШКИНА

Каталог атрибуций (А—Б)

Настоящая публикация продолжает каталог атрибуций портретных рисунков А. С. Пушкина¹ и включает в себя перечень изображений лиц, чьи фамилии (а в ряде случаев имена) начинаются с первых букв алфавита: А—Б.

В каталог вошли атрибуции, уже нашедшие отражение в книгах, статьях и очерках, известные в пушкиноведении, а также неопубликованные (кандидатская диссертация М. Д. Беляева²) или еще не опубликованные, но зафиксированные в картотеке Всесоюзного музея А. С. Пушкина.

Диссертация М. Д. Беляева «Изучение рисунков Пушкина и их роль в пушкиноведении», успешно защищенная 20 декабря 1946 г. в Институте мировой литературы АН СССР им. А. М. Горького, ставила целью дать «по возможности исчерпывающие сведения картины современного состояния и толкования пушкинской графики» (л. 420), какой она сложилась к 1946 г.; в диссертации, в частности, были приведены 433 портретные атрибуции, снабженные краткими топографическими, иконографическими, литературоведческими и библиографическими комментариями. Они расположены по разделам: «Портреты современников Пушкина» (283 определения), «Портреты исторических лиц» (55 определений), «Портреты декабристов» (35 атрибуций), «Автопортреты» (60 атрибуций). Это главным образом определения А. М. Эфроса (по не в полном объеме относительно книг ученого, вышедших к тому времени), Т. Г. Цявловской и самого М. Д. Беляева. Большая часть атрибуций известна из опубликованных работ данных исследователей, но немало определений оказались и «забытыми» (в ряде случаев это обстоятельство привело к повторным самостоятельным открытиям). Настоящий каталог дает возможность «воскресить» ценную и интересную работу М. Д. Беляева.³

Что касается еще не опубликованных атрибуций, то их обнаружение в каталоге также представляется целесообразным. Часть из них

¹ Жуйкова Р. Г. Автопортреты Пушкина: (Каталог) // *Временник Пушкинской комиссии*. 1981. Л., 1985.

² Другая неопубликованная работа «Рисунки Пушкина» (машинопись), подготовленная М. Д. Беляевым и Т. Г. Цявловской как завершающий том академического Полного собрания сочинений А. С. Пушкина (1937—1949), пока еще недоступна исследователям.

³ Следует отметить, что диссертация М. Д. Беляева (ГБЛ) не содержит воспроизведения рисунков.

в свое время вошла в этикетаж экспозиции рукописей музея и заслуживает дальнейшей апробации.

В каталог включены также определения, сообщенные в музей письменно, в частности многочисленные определения Л. А. Краваль. Многие ее работы вызывают сомнение и недоверие относительно средств их обоснования, но есть и оригинальные «нестандартные» находки (к числу последних, например, можно отнести автопортрет в рисунке похоронной процессии, автоиллюстрации к повести «Гробовщик»).

В 1946 г. А. М. Эфрос и М. Д. Беляев с удовлетворением отмечали возникновение «отрасли пушкиноведения», специально посвятившей себя изучению рисунков поэта. Для настоящего времени пристальное внимание к графике Пушкина как неотъемлемой части его творческого процесса характерно уже и для биографов, литературоведов, текстологов. Рисунки Пушкина привлекают ныне внимание не только собственно пушкинистов, но, например, историков, рассматривающих их как своеобразный, выраженный в образно-художественной, графической форме исторический источник (интересна в этом плане работа историка декабризма Г. А. Невелева «Истина сильнее царя...» (М., 1985)). Более того, характерной чертой сегодняшнего отношения к наследию поэта стала увлеченность, любовь и исследовательское внимание к рисункам Пушкина не только профессионалов, но самых широких читательских кругов.

Каталог атрибуций портретов рисунков Пушкина дает возможность представить размах этой работы, ощутить ее сложность, противоречивость, порой даже драматизм. В самом деле, процесс исследования графики поэта характеризуется не только поступательным движением, накоплением новых определений и «узнаванием» все новых и новых лиц, запечатленных поэтом в его набросках. Характерной чертой картины исследования является и перетрибуция, переосмысливание, а также множественность (до пяти имен) определений одного и того же изображения.⁴

Что кроется за этой «драмой атрибуций?» Иконографическая «близорукость» того или иного исследователя? Неосведомленность в биографии поэта, недостаточное знание творческого процесса, неглубокий анализ рукописи, где сделан портретный набросок? Увлеченность, излюбленные пристрастия?⁵ Торопливость, стремление побыстрее обнародовать свое предположение? Незнание того, что данный рисунок уже привлекал внимание и имеет определение? В ряде случаев — несомненно.

Каталог в силу особенностей жанра — краткости, отсутствия аргументации — не всегда позволяет оценить степень убедительности той или иной атрибуции (особенно неопубликованной), вынести суждение о «заслуге» или «вине» исследователя. Атрибуция, разгадка портрета — процесс вообще необычайно сложный, как известно, и для профессионального искусства. О специфических трудностях определения пушкинской графики писали и А. М. Эфрос, и М. Д. Беляев, и Т. Г. Цявловская.

Анализ данных, собранных в каталоге, позволяет, как нам кажется, дополнить наблюдения этих исследователей.

В ряде случаев причины атрибуционного «многоголосия» можно объяснить внешними, стилевыми особенностями Пушкина-рисовальщика. Излюбленный пушкинский прием — обобщенная профильная линия — явно стал причиной совпадений: П. А. Вяземский—А. М. Горчаков, П. А. Вяземский—А. А. Дельвиг, Д. Н. Барков—Д. В. Давыдов—А. З. Муравьев, М. И. Волконская—А. А. Давыдова. Сравнение рисунка с портретами, выполненными профессионально, в подобных случаях недостаточно эффективно — более того, это, собственно, и стимулирует путаницу, ведь профильные приметы этих лиц будут приблизительно одинаковы. Может

⁴ К 75 атрибуциям данного перечня в примечаниях приведено 59 других определений.

⁵ Например, в многочисленных «находках» портретов М. И. Волконской (зафиксированных в диссертации М. Д. Беляева) явно отразилась увлеченность Т. Г. Цявловской. В более поздние работы исследовательница многие из своих прежних определений не включила.

«не спасти» и обращение к фактам биографии, анализу рукописи и др. Широта связей Пушкина, огромный круг людей, событий, идей, вовлеченных в орбиту его жизни, увлечений, раздумий и замыслов, расширяют область поиска, умножают число «претендентов» на идентификацию, увеличивают число атрибуционных вариантов. «Решить» дело помогают иногда лишь очень тонкие и точные наблюдения, в ряде же случаев вопрос так и остается открытым.

Множественность в определениях такого типа, как Александр I—Наполеон, С. И. Муравьев-Апостол—П. И. Пестель—Наполеон, Ек. Н. Орлова—К. А. Собаньская, отражает, думается, уже не внешние приемы, но глубинные особенности пушкинского портретизма. Пушкин как бы сближает, совмещает столь разные «модели», чтобы графическими средствами вывить и выразить их некую общность. Многие портретные рисунки Пушкина свидетельствуют о его умении увидеть общее в разном, близкое в далеком и вывать, «зарисовать» это. Хочется пояснить эти утверждения одним примером. На протяжении ряда лет (1819—1832) под пером Пушкина время от времени возникали сходные портретные наброски, сделанные одинаковыми приемами: полушарие лба, полушарие щеки, коротенький нос, почти всегда один ракурс. Два рисунка из этой серии определены как портреты Д. В. Давыдова (см.: Цявловская. 1980. С. 166) А. Черновым (см.: Там же. С. 20—воспр.). Таких изображений не менее четырнадцать. Все они очень похожи, но тем не менее это разные люди, и их «разность» также абсолютно очевидна. В одном из рисунков (ПД, № 835, л. 82 об., нег. № 961) в фантазмагории общности включены и животные. Рядом с четырьмя шарообразными профилями нарисованы сферически округлая фигура сидящей кошки и полусфера мышинной спины... Эти «вариации на тему Д. В. Давыдова»⁶ (название условное, «рабочее», — ведь другие лица, «вплетенные» в эти черты, неизвестны) — пример очень наглядный, но не единственный. Здесь могут быть названы «вариации на тему» Наполеона, Ек. Н. Орловой (или, быть может, К. А. Собаньской), многообразная «воронцовская» серия, наконец, автопортретные вариации. Подобные примеры еще и еще раз напоминают: перед нами графика не просто художественно одаренного человека — перед нами рисунки поэта. В портретах-сближениях, портретах-уподоблениях, «вариациях на тему» и сериях находили графический выход черты, присущие Пушкину-писателю, в частности свойственное ему точчайшее и точнейшее типологическое чутье.

Данное наблюдение, возможно, дополняет следующее замечание А. М. Эфроса: «К миру современников Пушкин прибавлял облики людей, созданных его графической фантазией. Он рисовал „visages imaginaires“. Выделить их не всегда легко. Он обращался с ними, как с живыми <...> Представляется правдоподобным, что Пушкин, создавая их, интуитивно перетасовывал черты окружающих людей. Ему было мало действительности, и он исправлял ее» (Эфрос. 1933. С. 43).

Возвращаясь к нашей теме, скажем: в ряде случаев атрибуционная сбивчивость «запрограммирована» самим Пушкиным, и мы имеем дело не с портретом конкретного лица, а по сути дела уже с образом. Исходя из сказанного выше следует признать, что термины «атрибуция», «определение» возможны не всегда, во многих случаях умнее и точнее использовать термин «предположение». Разумеется, исследователям свойственна убежденность в своих определениях, но сведения, собранные в каталоге, красноречиво свидетельствуют (в ряде случаев) об относительности наших убеждений. С этим обстоятельством нельзя не считаться, особенно когда определение концептуально, претендует на положение краеугольного камня биографической или творческой гипотезы. Уместно вспомнить предостережение С. И. Гессена: «Переоценка значения пушкинской графики (имеется в виду толкование рисунков. — Р. Ж.) влечет за собой ложные и ничем

⁶ Подробнее сведения об этих рисунках будут приведены в соответствующем разделе каталога.

не обоснованные выводы, приводя подчас к подмене документальной биографии поэта продуктами творческого воображения исследователя».⁷

В кратком введении, разумеется, нет возможности коснуться всех проблем, связанных с портретной графикой Пушкина и ее изучением.

В заключение необходимо отметить, что неизбежная спорность, подвижность, известная нестабильность отдельных частностей не должны вызывать ощущения ненадежности общей картины, чувства неадекватности исследований объективной данности пушкинской графики. Сам факт атрибуционного многоголосия и разноголосия естествен. Это аналогично множественности точек зрения, пониманий и толкований художественных текстов Пушкина: во всех случаях речь идет о понимании явлений искусства.

Каталог дает возможность наглядно представить живой, интенсивный, напряженный процесс исследования портретных рисунков поэта, процесс поисков и предположений, ошибок и бесспорных удач, остающихся в архиве пушкиноведения.

Принципы построения каталога изложены в разделе, посвященном автопортретам, в кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1981. Л., 1985. С. 92—93.

Библиографический комментарий атрибуции в каждом случае начинается с работы, в которой впервые выдвинуто данное определение.

1. (1). Александр I; предположительно.

На листе с черновиками стихотворения «Дубравы, где в тиши свободы...», в обратном направлении к другим рисункам.

1818, февраль—ноябрь.

ПД, № 829, л. 43, нег. № 83.

Л. А. Краваль — письмо в ВМП от 7 июня 1985 г.

Воспроизведение (весь лист, б/данной портретной аннотации) см.: Э ф р о с. 1933. С. 13; Э ф р о с. 1946. С. 87 (фрагмент листа).

2. (2). Александр I; карикатура: обнаженный торс, крылышки, во рту борейторский рожок.

На листе с черновиками IV песни поэмы «Руслан и Людмила», среди других рисунков.

1822 (датировка А. Ю. Чернова).

ПД, № 829, л. 53, нег. № 101.

Чернов А. Ю. Умысел // Пушкинский праздник. 1982. С. 11.

Рисунок воспроизведён (весь лист).

Воспроизведение рисунка см. также: Э ф р о с. 1933. С. 27 (воспроизведён весь лист, б/данной портретной аннотации). Рисунки датированы по тексту и в соответствии с последней датой в колонке дат — 1819 г. (Там же. С. 274).

3. (3). Александр I; рядом (в обратном направлении) с портретом вел. кн. Николая Павловича; предположительно.

На листе с черновиками стихотворения «Лаиса, я' люблю...».

1819, февраль.

ПД, № 829, л. 68 об., нег. № 135.

Л. А. Краваль — письмо в ВМП от 7 июля 1985 г.

Воспроизведение листа (б/данной портретной аннотации) см.: Э ф р о с. 1946. С. 87; Ц я в л о в с к а я. 1980. С. 41.

⁷ Гессен С. И. Рец. на ст.: Э ф р о с А. М. Декабристы в рисунках Пушкина (Литературное наследство. 1934. Т. 16—18) // Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Вып. 1. С. 351.

Примечание. А. Ю. Чернов предположительно определяет этот рисунок как портрет **А. Ф. Орлова**. — Выступление на конференции «Рисунки Пушкина (проблемы атрибуции)» 27 ноября 1985 г. (ГМПИ).

4. (4). Александр I; поясной портрет.

На нижнем поле листа с черновиками стихотворений «Не угрожай ленивцу молодому» (декабрь 1817 г.) и «Позволь душе моей открыться пред тобою» (лето 1819 г.), среди других рисунков.

ПД, № 829, л. 92 об., нег. № 164.

Якушкин. 1884. Т. 41. С. 662. Б/воспроизведения.

Майков. 1899. С. XX, № 7. Рисунок датирован временем «около 1817 года». Воспроизведен на вклейке между с. 162—163.

Эфрос. 1946. С. 75 (воспроизведение), 110, 112. Рисунок датирован концом июня—началом июля 1819 г. (с. 110).

Беляев. Т. 1. Л. 142, № 1. Рисунок датирован предположительно июлем 1822—июнем 1824 г.

Воспроизведение рисунка (а также и № 5) см.: ЛН. Т. 58. С. 173; датирован 1822—1824 гг.

5. (5). Александр I, в молодом возрасте.

На одном листе и рядом с № 4.

Эфрос. 1946. С. 75 (воспроизведение), 110, 112.

Примечание. В. Е. Якушкин предполагал, что данный рисунок изображает **Наполеона** (Якушкин. 1884. Т. 41. С. 662).

6. (6). Александр I; набросок.

На листе с черновиками романа «Евгений Онегин», гл. III, строфа V, рядом с протретом М. С. Воронцова, среди других рисунков.

1824, начало февраля.

ПД, № 834, л. 49 об., нег. № 792.

А. Ю. Чернов. — Определение высказано устно (Р. Г. Жуйковой и А. И. Фрумкиной, 1984 г.).

Примечание. Рисунок определяется также как портрет **М. С. Воронцова** в более молодом возрасте (Эфрос. 1933. С. 288. Воспроизведение — с. 193).

7. (7). Александр I; погрудный портрет.

На нижнем поле листа с черновиками стихотворения «Благословен и день и час», рядом с портретом Наполеона и другими рисунками.

1829, 15 мая.

ПД, № 841, л. 127, нег. № 1770.

Эфрос. 1933. С. 291 (воспроизведение), 421—423.

Беляев. Т. 1. Л. 142, № 2.

Воспроизвел: Георгиевский. 1899. С. 387 (впервые); Венгеров. 1909. С. 175.

Примечание. Г. П. Георгиевский (с. 397) и В. Е. Якушкин (Т. 44. С. 371) определяли этот рисунок как портрет **Наполеона**.

8. (8). Александр I, в виде скульптурного бюста.

На листе с рисунком гвоздики в альбоме Ел. Н. Ушаковой.

ПД, № 1723, л. 31, нег. № 9463.

Беляев. Т. 1. Л. 143, № 3. — Определение М. Д. Беляева и Т. Г. Зенгер (Цявловской).

9. (9). Александр I, «в последние годы его жизни». Линия профиля.

В черновиках «Сказки о золотом петушке».

1834, август—30 сентября.

ПД, № 845, л. 23 об., нег. № 1999.

Беляев. 1946. Т. 1. Л. 143, № 4.

Воспроизведение (весь лист, б/данной портретной аннотации) см.:

10. (1). Александра Федоровна, императрица.

На нижней половине листа — оборота «Счёта „Северным цветам“ на 1832 год».

ПД, № 823, л. 2 об., нег. № 9342.

Л. А. Краваль — письмо в ВМП от 28 сентября 1985 г.

Воспроизведение см.: ЛН. Т. 16—18. С. 565.

Примечание. Существует предположение, что рисунок, возможно, изображает А. Н. Гончарову (Р. Г. Жуйкова — картотека ВМП).

Александр I. Рисунок в альбоме Ел. Н. Ушаковой. 1829. (ПД, № 1723, л. 31). Воспроизводится впервые. (Каталог, № 8).

11. (1). Алексеев Николай Степанович.

На обороте листа с записью турецких слов (у верхнего края), среди других рисунков.

1821.

ПД, № 698, л. 1 об., нег. № 2962.

Эфрос. 1946. С. 107 (воспроизведение), 139.

Первое воспроизведение (весь лист, б/данной портретной аннотации) см.: ЛН. Т. 16—18. С. 276.

12. (2). Алексеев Н. С.

На листе с черновиками поэмы «Кавказский пленник», среди других рисунков.

1821, 26 июля.

ПД, № 831, л. 46 об., нег. № 384.

Эфрос. 1946. С. 115 (воспроизведение), 143—144.

13—15 (3—5). Алексеев Н. С.; три портрета.

На листе с планом поэмы «Братья разбойники», среди других рисунков.

1821.

ПД, № 832, л. 62 об., нег. № 415.

Беляев Т. 1. Л. 144—145, № 5—7. — Определение Т. Г. Зенгер (Цявловской).

Летопись. 1951. С. 304. В/воспроизведения.

Воспроизведение рисунков (впервые, весь лист, б/данной портретной аннотации) см.: Эфрос. 1933. С. 93.

Примечание. В указанных выше работах не уточнено, какие именно портреты из имеющихся на листе являются изображениями Н. С. Алексеева. Судя по другим определениям портрета Н. С. Алексеева, сделанным М. Д. Беляевым и Т. Г. Цявловской, на этом листе ими могут быть два изображения в левой нижней половине листа, одно под другим, и мужской портрет у правого края, с хохолком волос над лбом.

16. (6). Алексеев Н. С.

На листе с черновиками стихотворения «Наполеон», среди других рисунков.

1821, сентябрь—октябрь.

ПД, № 831, л. 63, нег. № 416.

Эфрос. 1946. С. 111 (воспроизведение), 142—144.

Летопись. 1951. С. 315. В/воспроизведения.

Примечание. М. Д. Беляев определил этот рисунок как портрет Н. И. Гнедича (Беляев Т. 1. Л. 173, № 68).

17. (7). Алексеев Н. С.; 3/4 влево; предположительно.

На том же листе, что и № 16. (6).

Г. В. Пашнина — письмо в ВМП от 20 сентября 1986 г.

Воспроизведение см.: Эфрос. 1946. С. 111.

18. (8). Алексеев Н. С.

На форзаце первой масонской тетради с росчерками и пометой: «27 мая 1822 Кшинёв».

ПД, № 834, форзац, нег. № 689.

Беляев Т. 1. Л. 145, № 8. — Определение Т. Г. Зенгер (Цявловской).

19. (9). Алексеев Н. С.

На листе с черновиками романа «Евгений Онегин», гл. I, строфа XVI, среди других рисунков.

1823, 9 мая—4 октября.

ПД, № 834, л. 9 об., нег. № 712.

Беляев Т. 1. Л. 145, № 9. — Определение Т. Г. Зенгер (Цявловской).

Первое воспроизведение (с предположительной аннотацией как портрет Наполеона) см.: Лернер Н. О. Из черновых тетрадей Пушкина: Незданные рисунки // Столица и усадьба. 1916. № 71. С. 7.

Л. А. Краваль видит в этом рисунке портрет Н. М. Муравьева (письмо в ВМП от 7 июля 1985 г.).

20. (1). Альбрехт Ек. Г., рядом с гайдуком Бужором.

У левого края листа с программой поэмы «Братья разбойники».

1821, май, июнь.

ПД, № 831, л. 46, нег. № 383.

Л. А. Краваль — письмо в ВМП от 7 июля 1985 г.

Воспроизведение (б/данной портретной аннотации) см.: Эфрос. 1933. С. 85; Цявловская. 1980. С. 367.

Примечание. Г. Ф. Богач определяет эти рисунки как портреты кн. Ел. М. Кантакузиной и ее мужа кн. Г. М. Кантакузина (Богач Г. Южная графика поэта // Знамя коммунизма. Иркутск, 1983, 28 сентября. № 186. С. 3. Рисунок воспроизведен).

21. (1). Анна Ивановна, компаньонка Раевских.

В рукописях поэмы «Кавказский пленник», на листе с автопортретом и портретами Раевских; линия профиля рядом с портретом Ек. Н. Орловой.

Июнь 1821—март 1822.

ПД, № 46, л. 15, нег. № 163.

Л. А. Краваль — письмо в ВМП от 7 июля 1985 г.

Воспроизведение (всего листа, б/данной портретной аннотации) см.:
Рукописи Пушкина. 1911 (впервые); Э ф р о с. 1945. С. 19; Цявловская. 1980. С. 365.

Алексеев Н. С. Рисунок на форзаце первой масонской тетради с росчерками и пометой «27 мая 1822 Кишинев». (ПД, № 834, форзац).

(Каталог, № 18).

22. (2). Анна Ивановна, компаньонка Раевских.

Верхний рисунок на правых полях листа с черновиками стихотворения «К моей чернильнице», среди других рисунков.

1821, 11 апреля.

ПД, № 831, л. 33 об., нег. № 358.

Л. А. Краваль — письмо в ВМП от 7 июля 1985 г.

Воспроизведение (всего листа, б/данной портретной аннотации) см.:
Э ф р о с. 1933. С. 73.

Г. В. Пашнина считает этот рисунок портретом Е. К. Катакази (письмо в ВМП от 27 октября 1986 г.).

23. (3). Анна Ивановна, компаньонка Раевских.

На листе с черновиками стихотворения «Завидую тебе, питомец моря смелый», рядом с портретом Е. К. Воронцовой, среди других рисунков.
1823, июнь—октябрь.

ПД, № 834, л. 12, нег. № 717.

Л. А. Краваль — письмо в ВМП от 7 июля 1985 г.
Воспроизведение (б/данной портретной аннотации) см.: Цявлов-
ская // Прометей. 10. С. 20.

24. (1). Аракчеев А. А.; предположительно.

Рисунок в центре листа без текста, здесь же предполагаемый портрет
М. М. Сперанского.

1834 (предположительно).

ПД, № 807, л. 1, нег. № 9316.

Фрумкина А. Рукою поэта // Литературная газета. 1985, 13 февраля.
№ 7 (5021). С. 6. Б/воспроизведения.

25. (1). Арина Родионовна.

На листе с черновиками романа «Евгений Онегин» (гл. III, строфы
XXXVIII—XXXIX). стихотворений «Недаром вы приснились мне» (VI из
цикла «Подражания Корану») и «Мне жаль великия жены».

1824, сентябрь—октябрь.

ПД, № 835, л. 19, нег. № 834.

Беляев Т. А. Л. 146, № 10. — Определение Т. Г. Зенгер (Цявловской).

Летопись. 1951. С. 515. Б/воспроизведения.

Цявловская Н. 1970. С. 66 (воспроизведение), 65—70, 163.

Первое воспроизведение (всего листа) см.: II, кн. 2, вклейка между
с. 864—865.

Примечание. 1) Во второе издание своей книги (1980; переизд.
1983) Т. Г. Цявловская не включила данное определение. 2) С. А. Фоми-
чѳв определяет этот рисунок как карикатурное изображение Екатерины II
(Фомичѳв. Рабочая тетрадь ПД, № 835. С. 56).

(26—27). (2—3). Арина Родионовна; два портрета рядом: в образе мо-
лодой девушки с косой, в кокошнике и в старости.

На листе с черновиками стихотворения «Воспоминания в Царском
Селе».

1828, после 31 июля.

ПД, № 838, л. 48 об., нег. № 1211.

Грашовская Н. И. Рисунок Пушкина. Портрет Арины Родио-
новны // Временник Пушкинской комиссии. 1971. Л., 1973. С. 27—30.

Воспроизведение — на вклейке между с. 24 и 25.

28. (1). Байрон Д.-Н.-Г., в греческом головном уборе.

На правом поле листа с черновиками романа «Евгений Онегин»
(гл. III, строфа 1; гл. II, строфа XXXIX) и стихотворения «Желание
славы».

1825.

ПД, № 834, л. 38, нег. № 772.

Л. А. Краваль — письмо в ВМП от 7 июля 1985 г.

29. (2). Байрон Д.-Н.-Г.; набросок.

Вверху, на левом поле листа с черновиками стихотворения «На хол-
мах Грузии лежит ночная мгла...» («Всѳ тихо, на Кавказ идѳт ночная
мгла...»).

1829, 15 мая.

ПД, № 841, л. 128 об., нег. № 1773.

Левкович ПД, № 841. С. 248.

30. (3). Байрон Д.-Н.-Г.

На листе с черновиками стихотворения «...Вновь я посетил».

1836, сентябрь.

ПД, № 846, л. 32 об., нег. № 2080.

Эфрос 1933. С. 367 (воспроизведение), 458—459.

Беляев Т. А. Л. 287, № 1 (со ссылкой на указанную работу

А. М. Эфроса).

Воспроизведение см. также: ЛН. Т. 58. С. 971.

31. (1). Бакунина Ек. П.

На листе с черновиками поэмы «Руслан и Людмила», IV песнь, рядом с портретом А. М. Колосовой и др., вторая от правого края листа, в верхнем ряду рисунков.

1818, конец декабря.

ПД, № 829, л. 49, нег. № 94.

Л. А. Краваль — письмо в ВМП от 6 июня 1985 г.

Воспроизведение (всего листа, б/данной портретной аннотации) см.: Э ф р о с. 1933. С. 33.

32. (2). Бакунина Ек. П.; левый из двух женских портретов, на листе без текста.

ПД, № 829, л. 56 об., нег. № 110.

П а ш н и н а Г. В. «Милые черты» // Вечерний Челябинск. 1983, 23 декабря.

Воспроизведение рисунка см.: Э ф р о с. 1933. С. 53.

П р и м е ч а н и е. Л. А. Краваль определяет этот рисунок как портрет С. К. Потоцкой (письмо в ВМП от 7 июля 1985 г.).

33. (3). Бакунина Ек. П.; профиль.

Крайний левый рисунок на нижнем поле листа рукописи статьи «Причинами, замедлившими ход...», среди других рисунков.

1824, июнь.

ПД, № 834, л. 3, нег. № 697.

П а ш н и н а Г. В. То же (см. № 32).

Воспроизведение см.: Э ф р о с. 1933. С. 199.

34. (1). Баланеску-Россет В.

На листе с черновиками стихотворения «Иностранке», среди других рисунков, внизу листа, в 3/4 вправо.

1822, 22 июля.

ПД, № 830, л. 63 об., нег. № 284.

Б о г а ч Г. Ф. Из молдавской галереи пушкинской графики // Нистру. 1983. № 11. С. 150—155. На молд. яз. Рисунок воспроизведен.

Первое воспроизведение листа (б/данной портретной аннотации) см.: Сборник снимков с автографов Пушкина: Изд. редакции журн. «Русская старина» и Опочинина. 1878. С. 28.

35. (1). Балш Тодор.

На листе с черновиками стихотворения «Иностранке», среди других рисунков, внизу справа, в феске на бритой голове, с бородой.

1822, 22 июля.

ПД, № 830, л. 63 об., нег. № 284.

Б е л я е в. 1946. Т. 1. Л. 146, № 11. — Определение Т. Г. Зенгер (Цявловской).

Летопись, С. 346.

Данные о воспроизведении листа с рисунками см.: № 34. (1).

П р и м е ч а н и е. Существуют другие определения этого рисунка:

1) К. Ф. Стамати (Г. Ф. Богач — выступление на заседании Пушкинской группы ИРЛИ 18 декабря 1980 г.).

2) Деятель греческой революции Папафлессос (Л. А. Краваль — письмо в ВМП от 7 июля 1985 г.).

36. (2). Балш Тодор; крайний справа, с тростью; в рисунке сцены в кишинёвской церкви.

1821, 12 апреля.

ПД, № 831, л. 69, нег. № 429.

Б о г а ч Г. Ф. Новые определения в рисунках Пушкина // Сибирь. 1983. № 2. С. 77—80 (с. 80 — воспроизведение).

Воспроизведение рисунка (б/данной портретной аннотации) см. также:

Венгеров. Т. 2. С. 176 (впервые); Эфрос. 1933. С. 77.

Примечание. Л. А. Краваль видит в этом рисунке портрет И. Я. Руссо (письмо в ВМП от 7 июля 1985 г.).

37. (3). Балш Тодор.

На листе с черновиками стихотворения «Мой друг, уже три дня...», среди других рисунков.

1822, 11—12 марта.

ПД, № 832, л. 7, нег. № 452.

Беляев. Т. 1. Л. 147, № 12. — Определение Т. Г. Зенгер (Цявловской).

Летопись. 1951. С. 332. Б/воспроизведения.

Примечание. Г. Ф. Богач определяет этот рисунок как портрет **Е. К. Варфоломея** (Богач Г. Ф. 1) Далече северной столицы. Иркутск, 1979. С. 7; 2) Из молдавской галереи пушкинской графики // Нистру. 1983. № 11. С. 150—155. На молд. яз. Рисунок воспроизведен).

38. (1). Баратынский Е. А.; первое изображение Б. в рукописях Пушкина.

В черновиках романа «Евгений Онегин», гл. I, строфы III—IV, справа, на полях листа.

1823, 9—28 мая.

ПД, № 834, л. 5, нег. № 703.

Загвозкина В. Г. Баратынский в рисунках Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1980. Л., 1983. С. 41, примеч. 12. Б/воспроизведения.

39. (2). Баратынский Е. А.

В черновике письма к А. А. Бестужеву от 12 января 1824.

ПД, № 834, л. 46 об., нег. № 786.

Загвозкина В. Г. То же (см.: № 38. (1)). С. 40 (воспроизведение), 40—41.

40. (3). Баратынский Е. А.

В рукописях стихотворения «Разговор книгопродавца с поэтом» (среди страниц с черновиками романа «Евгений Онегин», гл. III, строфы XXX—XXXII).

1824, 5—24 сентября.

ПД, № 835, л. 2 об., нег. № 801.

Загвозкина В. Г. То же (см.: № 38 (1)). С. 43 (воспроизведение), 41—44.

41. (4). Баратынский Е. А.

В рукописях наброска статьи о Баратынском.

Осень 1830—первая половина 1831 г.

ПД, № 1088, л. 1, нег. № 5639.

Загвозкина В. Г. То же (см.: № 38. (1)). С. 43 (воспроизведение), 44—46.

42. (5). Баратынский Е. А.

В черновиках поэмы «Полтава», II песнь.

1828, конец ноября.

ПД, № 838, л. 106 об., нег. № 1370.

Беляев. Т. 1. Л. 147—148, № 13. — Определение Т. Г. Зенгер (Цявловской).

Цявловская. 1980. С. 206 (воспроизведение), 205—208, 438.

Примечание. В. Г. Загвозкина оспаривает это определение: То же (см.: № 38. (1)). С. 37.

43. (1). Барков Д. Н.

В нижнем левом углу листа с черновиками поэмы «Руслан и Людмила», среди других рисунков.

1819.

ПД, № 829, л. 53, нег. № 101.

Эфрос. 1946. С. 73 (воспроизведение), 108—109.

Примечание. Существуют и другие определения этого рисунка:

1) Д. В. Давыдов (Беляев. Т. 1. Л. 183—184, № 89. — Определение М. Д. Беляева и Т. Г. Зенгер (Цявловский); Летопись. 1951. С. 746; Л. А. Краваль — письмо в ВМП от 7 июля 1985 г.).

2) А. З. Муравьев (А. Ю. Чернов — письмо в ВМП от 12 апреля 1983 г. и выступление на конференции «Рисунки Пушкина (проблемы атрибуции)» 27 ноября 1985 г. (ГМП)).

В этикетке экспозиции рукописей ВМП принята атрибуция А. М. Эфроса, и данный рисунок аннотирован как портрет Баркова.

44. (2). Барков Д. Н.

В рукописях поэмы «Руслан и Людмила», V песнь.

1819.

ПД, № 829, л. 74 об., нег. № 147.

Эфрос. 1946. С. 109. Б/воспроизведения.

Примечание. Этот рисунок определяется также как портрет Д. В. Давыдова (Беляев. Т. 1. Л. 184, № 90; Летопись. 1951. С. 196. Б/воспроизведения; Жуикова Р. Г. Портрет Д. В. Давыдова в Лицейской тетради Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1978. Л., 1981. С. 103—104. Воспроизведение на вклейке между с. 112 и 113).

45. (1). Батюшков К. Н.

На листе с черновиками стихотворений «Как сладостно!.. но, боги, как опасно...» и «Колосовой».

1818, декабрь.

ПД, № 829, л. 49, нег. № 94.

Эфрос. 1946. С. 93 (воспроизведение впервые), 122—126.

Беляев. Т. 1. Л. 128, № 14, со ссылкой на указанную работу А. М. Эфроса.

46—47. (2—3). Батюшков К. Н.; два портрета.

На листе протокола заседания общества «Зелёная лампа» от 17 апреля 1819.

После 1821.

ПД, № 763, л. 2, нег. № 3118/а.

Чернов А. «Как ваше имя?..» // День поэзии 1982. М., 1982. С. 128. Воспроизведение на вклейке у с. 128.

Воспроизведение (с аннотацией: «Зарисовки с натуры членов общества „Зелёная лампа“») см. также: Цявловская. 1980. С. 11.

Примечание. Л. А. Краваль видит в этих рисунках портреты Я. Н. Толстого (письмо в ВМП от 23 июля 1985 г.).

48—49. (4—5). Батюшков К. Н.; два изображения: погрудный портрет и фигура мужчины, сидящего на полу.

На листе с черновиками стихотворения «Странник».

1835, 26 июня.

ПД, № 982, л. 1 об., нег. № 4127.

Л. А. Краваль — письмо в ВМП от 25 июня 1985 г.

Воспроизведение (б/данной аннотации) см.: Эфрос. 1933. С. 359; Эфрос. 1945. С. 137; Цявловская. 1980. С. 82.

Примечание. Погрудный портрет определен А. М. Эфросом как автопортрет Пушкина в образе безумца (Эфрос. То же; Каталог автопортретов. С. 106, № 88).

50. (1). Башмаков Ф. М.; предположительно.

Нижний справа в группе профилей на полях листа с черновиками романа «Евгений Онегин», гл. II, строфы 9 а, 9 б.

1823, октябрь.

ПД, № 834, л. 26 об., нег. № 746.

Краваль Л. А. Провидческий рисунок Пушкина? // Юность. 1984. № 6. С. 102 (воспроизведение), 104—106.

Воспроизведение рисунка (б/данной портретной аннотации) см.: Эфрос. 1933. С. 145; Рукою Пушкина. 1935. Вклейка между с. 298 и 299. **Примечание.** В своей статье Л. А. Краваль предполагает также, что рисунок может быть портретом **Ф. Б. Вольфа**.

51. (1). Бенедиктов В. Г.

На титульном листе рукописи рецензии на «Фракийские элоги» В. Г. Теплякова.

1836, май—август.

ПД, № 1119, л. 1, нег. № 6050.

Эфрос. 1933. С. 365 (воспроизведение), 547—548.

Примечание. М. Д. Беляев и Т. Г. Цявловская оспаривают эту атрибуцию, определяя рисунок как портрет **В. Г. Теплякова** (Беляев. Т. 1. Л. 133; Т. 2. Л. 266, № 248; Цявловская. 1980. С. 114 (воспроизведение), 116, 436).

В этикетаже экспозиции рукописей ВМП принята атрибуция М. Д. Беляева и Т. Г. Цявловской, и данный рисунок аннотирован как портрет **В. Г. Теплякова**. С этой же аннотацией рисунок воспроизведен: ЛН. Т. 58. С. 147.

52. (1). Бенкендорф А. Х.

На листе с черновиками стихотворений «Бесы» и «Стреготунья белогока».

1829, сентябрь—ноябрь.

ПД, № 841, л. 121 об., нег. № 1763.

Жуйкова Р. Г. «Портретная галерея» на полях рукописей: О новых определениях рисунков А. С. Пушкина // Вечерний Ленинград. 1984, 5 июня. С. 3. В/воспроизведения.

Воспроизведение (всего листа, б/данной портретной аннотации) см.: Мейлах Б. С. Из творческой лаборатории А. С. Пушкина // Резец. 1935. № 14. С. 121.

53. (2). Бенкендорф А. Х.; предположительно.

На листе с черновиками романа «Евгений Онегин», гл. VII, строфа XLV.

1827, август—1828, начало ноября.

ПД, № 838, л. 76 об., нег. № 1327.

Керцелли Л. Ф. «Черты его карандаша»: (Поэтическая мысль Пушкина в его рисунках) // В мире отечественной классики. М., 1987. С. 167, 170 (воспроизведение и аннотация — на обороте четвертой вклейки, между с. 160 и 161).

Примечание. Существует предположение, что рисунок является **автопортретной** вариацией (см.: Каталог автопортретов, № 65).

54. (1). Бестужев А. А. (Марлинский); предположительно.

На обороте листа без текста.

1818.

ПД, № 829, л. 51 об., нег. № 98.

Беляев. Т. 2. Л. 317, № 1.

Воспроизведение (с аннотацией: **М. С. Лунина**) см.: Эфрос. 1946. С. 91.

Примечание. М. Д. Беляев указывает, что А. М. Эфрос определяет этот рисунок как портрет **М. С. Лунина** (Эфрос. 1946. С. 120).

55. (2). Бестужев А. А. (Марлинский); 1/2 в рост, влево.

На листе без текста, среди других рисунков.

1819.

ПД, № 829, л. 60 об., нег. № 114.

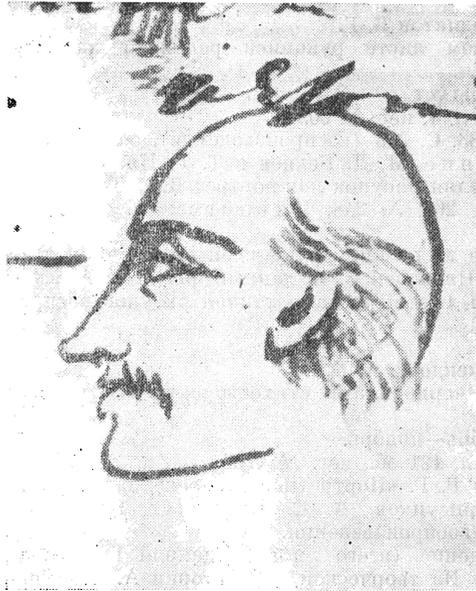
Беляев. Т. 2. Л. 317—318, № 2.

Определение М. Д. Беляева.

Летопись. 1951. С. 199. Б/воспроизведения.

Воспроизведение (всего листа, б/данной портретной аннотации) см.: Венгеров. Т. 1. С. 557 (впервые); Эфрос. 1933. С. 45.

Примечание. Этот рисунок издавна привлекал внимание, и относительно его атрибуции существует еще ряд предположений:

Бенкендорф А. Х. Рисунок на листе с черновиками стихотворений «Бесы» и «Стрекотунья белобока». 1829, сентябрь—ноябрь.

(ПД, № 841, л. 121 об.).

(Каталог, № 52).

1. Ф. Н. Глинка (Л. А. Краваль — письмо в ВМП от 7 июня 1985 г.).

2. П. П. Каверин (Щербачев Ю. Н. Приятели Пушкина Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин. М., 1912. С. 29).

3. Н. М. Муравьев (А. Ю. Чернов — сообщение на конференции «Рисунки Пушкина (проблемы атрибуции)» 27 ноября 1985 г. (ГМП)).

4. Н. Н. Раевский-младший (Л. И. Певзнер — письмо в ВМП от 20 января 1983 г.).

56. (3). Бестужев А. А. (Марлинский); шаржированное изображение.

На листе с черновиками романа «Евгений Онегин» (строфы об Одессе из «Путешествия Онегина»); на левых полях листа, ниже и правее портрета Д. В. Давыдова.

1825, ноябрь—декабрь.

ПД, № 835, л. 66 об., нег. № 929.

Л. А. Краваль — письмо в ВМП от 17 июля 1985 г.

Воспроизведение (б/данной портретной аннотации) см.: Эфрос. 1933. С. 213 (с общей аннотацией как лиц из одесского окружения поэта — с. 312); Цявловская. 1980. С. 166.

57. (4). Бестужев А. А. (Марлинский). «В гриме Якубовича».

Рисунок в альбоме Ел. Н. Ушаковой.

1829, 20 сентября—22 октября.

ПД, № 1723, л. 2, нег. № 9446.

Л. А. Краваль — письмо в ВМП от 23 июля 1985 г.

Воспроизведение (с другой атрибуцией) см.: Цявловская. 1980. С. 318.

Примечание. М. Д. Беляев (Беляев. Т. 2. Л. 337—338, № 35) и Т. Г. Цявловская (Цявловская. 1980. С. 317—320, 440) определяют этот рисунок как портрет **А. И. Якубовича**.

В этикетке экспозиции рукописей ВМП принята атрибуция М. Д. Беляева и Т. Г. Цявловской, и данный рисунок аннотирован как портрет **А. И. Якубовича**.

58. (1). Бестужев Н. А.; шаржированное изображение.

На листе с черновиками романа «Евгений Онегин» (строфы об Одессе из «Путешествия Онегина»); чуть выше и правее портрета Д. В. Давыдова, среди других рисунков.

1825, ноябрь—декабрь.

ПД, № 835, л. 66 об., нег. № 929.

Л. А. Краваль — письмо в ВМП от 17 июля 1985 г.

Воспроизведение (б/данной портретной аннотации) см.: Эфрос. 1933. С. 213 (с общей аннотацией как лиц из одесского окружения поэта); Цявловская. 1980. С. 166.

59. (2). Бестужев Н. А.; в женском образе.

Женский портрет в левой верхней части листа «Эскизов разных лиц, замечательных по 14 дек. 825 года».

1826.

ПД, № 798, л. 1, нег. № 9307.

Л. А. Краваль — письмо в ВМП от 17 июля 1985 г.

Воспроизведение (б/данной портретной аннотации) см.: Модзалевский Б. Л. Новые автографы Пушкина // Искры (Прил. к газ «Русское слово»). 1913. № 36. С. 283 (впервые); Зильберштейн И. С. Из бумаг Пушкина: (Новые материалы). М., 1926. С. 57; Эфрос. 1934. Вклейка между с. 944 и 945; Цявловская. 1980. С. 286—287.

Примечание. Этот рисунок издавна привлекал к себе внимание и имеет ещё несколько определений и предположений:

1. **В. Ф. Вяземская;** предположительно (Летопись. С. 679, № 214).

2. **Неизвестная,** изображение которой переделано из мужского портрета; воображаемый образ (Эфрос. 1934. С. 9).

3. **Ек. Н. Орлова** (Галушко Т. К. «При свете утренней Киприды...» // Аврора. 1980. № 6. С. 118 (воспроизведение), 119.

4. **К. А. Собанская** (Спешнев А. Н. Бег дней. М., 1983. С. 205. Б/воспроизведения).

60. (3). Бестужев Н. А.

Профиль в левой нижней половине листа «Эскизов лиц, замечательных по 14 дек. 825 года».

1826.

ПД, № 798, л. 1, нег. № 9307.

Л. А. Краваль — письмо в ВМП от 17 июля 1985 г.

Воспроизведение: см. № 59.

Примечание. Р. Г. Жуйкова предположительно определяет этот рисунок как набросок портрета **С. И. Муравьева-Апостола**. (Картотека ВМП).

61—64. (1—4). Бларамберг Е. И.; четыре портрета; предположительно.

На листе с черновиками романа «Евгений Онегин», гл. II, строфы XXIX—XXX, автопортретом.

1823, ноябрь.

ПД, № 834, л. 36 об., нег. № 766.

Э ф р о с. 1933. С. 183 (воспроизведение впервые), 276—278.

П р и м е ч а н и е. Этот рисунок имеет также следующие определения:

1. **Е. Гика;** предположительно (Э ф р о с. То же).

2. **Гр. Е. А. Ланжерон** (Л. А. Краваль — письмо в ВМП от 17 июля 1985 г.).

3. **Сикар Лаура** (Богач Г. Шедвр пушкинской графики: Портреты Лауры Сикар // Русский язык в молдавской школе. 1984. № 3. С. 45—50. Воспроизведение — на внутренней стороне задней обложки).

4. **К. А. Собаньская;** предположительно (Беляев. Т. 2. Л. 265—266. № 244. — Предположение Т. Г. Зенгер (Цявловской)).

65. (1) Бомарше П.-О.

На отдельном листе без текста.

Без даты (1820-е гг.).

ПД, № 803, л. 1, нег. № 9312.

Первое воспроизведение см.: Модзалевский Б. Л. Новые автографы Пушкина // Искры: Прилож. к газ. «Русское слово». 1913. № 36. С. 283 (портрет неизвестного).

ЛН. Т. 16—18. С. 487. Воспроизведение и аннотация.

Модзалевский и Томашевский. С. 285, № 803.

Беляев. Т. 2. Л. 287—288, № 2. — Определение (предположительно) Б. Л. Модзалевского.

66—67. (1—2). Бошняк А. К.; два изображения.

На листе с рисунками виселиц, портретами С. Л. и В. Л. Пушкиных, С. П. Трубецкого и др.

1826.

ПД, № 836, л. 37, нег. № 1042.

Л. А. Краваль — выступление в Пушкинском заповеднике Псковской области (август 1985 г.) и письмо в ВМП от 15 января 1986 г.

Воспроизведение: Венгеров. Т. 2. С. 527 (впервые, весь лист); Э ф р о с. 1933. С. 221; ЛН. Т. 16—18. С. 925.

П р и м е ч а н и е. 1) И. Б. Чижова определила рисунки как окарикатуренные изображения **К. И. Нессельроде** (Чижова И. После декабря...: По страницам рукописей А. С. Пушкина // Советская Россия. 1982, 24 октября. С. 4); 2) Г. В. Пашвина считает верхний из этих рисунков портретом **К. И. Нессельроде**, а нижний — портретом **М. Максимовича** (письмо в ВМП от 20 сентября 1986 г.).

68. (1). Брюллов А. П.; предположительно.

Верхний рисунок на листе с двумя мужскими и одним женским портретами в записной книжке 1828—1835 гг.

После мая 1836.

ПД, № 840, л. 100 об., нег. № 1565.

А. И. Фрумкина — сообщение на конференции «Рисунки Пушкина: (проблемы атрибуции)» 27 ноября 1985 г. (ГМП). См. также: Фрумкина А. Два профиля в тетради А. С. Пушкина // Советская культура 1986, 8 февраля. Рисунок воспроизведен; То же // Пушкинский праздник. 1986. С. 7. Б/воспроизведения.

Воспроизведение (б/данной портретной аппотации) см. также: ЛН. Т. 16—18. С. 911.

П р и м е ч а н и е. Рисунок имеет также определение как **автопортрет Пушкина** (см.: Каталог автопортретов. С. 105, № 85).

69. (1) Брюллов К. П.; предположительно.

Нижний рисунок на листе с двумя мужскими и одним женским портретами в записной книжке 1828—1835 гг.

После мая 1836.

ПД, № 840, л. 100 об., нег. № 1565.

А. И. Фрумкина — сообщение на конференции «Рисунки Пушкина (проблемы атрибуции)» 27 ноября 1985 г. См. также: Фрумкина А.

Два профиля в тетради А. С. Пушкина // Советская культура. 1986, 8 февраля. Рисунок воспроизведен; То же // Пушкинский праздник. 1986. С. 7. Б/воспроизведения.

Брюллов К. П. (?) А. Мицкевич (?). Рисунок в записной книжке 1828—1835 гг. После мая 1836 г. (ПД, № 840, л. 100 об.). (Каталог, № 69).

Примечание 1) Определение вызвало возражение А. Лациса (выступление на конференции «Рисунки Пушкина (проблемы атрибуции)» 27 ноября 1985 (ГМП)); 2. Рисунок имеет также определения как автопортрет Пушкина (см.: Каталог автопортретов. С. 105, № 85) и как портрет А. Мицкевича (Г. В. Пашнина — письмо в ВМП от 19 августа 1986 г.).

70. (2). Брюллов К. П.; предположительно.

На листе с черновиками «Сказки о золотом петушке». (Основанием предположения послужило то обстоятельство, что на соседнем листе находятся рисунок фрагмента картины К. Брюллова «Последний день Помпеи» и стихотворный отклик на нее: «Везувий зев открыл. . .»).

1834, август—1835, весна.

ПД, № 845, л. 23, нег. № 1998.

Б. А. Куркова — устное предположение (ноябрь 1987 г.).

Примечание 1) Рисунок известен в определении А. М. Эфроса как автопортрет Пушкина (см.: Каталог автопортретов. № 87); 2) Предположение требует уточнений в датах — в частности, доказательств раннего (до 1836 г.) знакомства Пушкина и Брюллова. (Портрет принято датировать временем создания «Сказки о золотом петушке», т. е. осенью 1834 г. Графический и стихотворный отклики на картину Брюллова связывают с сенсационным появлением «Последнего дня Помпеи» в Петербурге.

В августе 1834 г. картина была выставлена в Зимнем дворце, а с весны 1835 г. — в Академии художеств. Личное же знакомство Пушкина и Брюллова состоялось, как известно, в мае 1836 г.).

71. (1). Бужор, гайдук.

На листе с черновиками стихотворения «Кто видел край, где роскошью природы...».

Конец 1820—апрель 1821.

ПД, № 831, л. 25 об., нег. № 342.

Л. А. Краваль — письмо в ВМП от 7 июля 1985 г.

Воспроизведение см.: Молодова социалисте. 1980, 26 октября.

Примечание. Г. Ф. Богач определяет этот рисунок как портрет кн.

Г. М. Кантакузина (Богач Г. Из южной графики поэта: Князь Г. М. Кантакузин // Молодежь Молдавии. 1981, 7 июня).

72. (2). Бужор, гайдук; рядом с Е. Г. Альбрехт.

На листе с программой поэмы «Братья разбойники».

1821, май—июнь.

ПД, № 831, л. 46, нег. № 383.

Л. А. Краваль — письмо в ВМП от 7 июля 1985 г.

Воспроизведение (всего листа, б/данной портретной аннотации) см.: Эфрос. 1933. С. 85; Цявловская. 1980. С. 357.

Примечание. Г. Ф. Богач определяет этот рисунок как портрет кн.

Г. М. Кантакузина с женой: Богач Г. То же. (см. № 71. (1)).

73. (1). Булгарин Ф. В.

В альбоме Ел. Н. Ушаковой, на листе с множеством рисунков.

1829.

ПД, № 2723, л. 30, нег. № 8848.

А. И. Фрумкина — устное предположение.

Примечание. Р. Г. Жуйкова определяет этот рисунок как портрет

М. Н. Загоскина (Жуйкова Р. Г. Московских барышень альбомы // Вечерний Ленинград. 1985, 5 июня. № 128. С. 3. Рисунок воспроизведен).

74. (2). Булгарин Ф. В.

На листе со списком произведений 1830 г. и рисунком уголка кабинета в Болдине.

1830, середина ноября.

ПД, № 1621, л. 2 об., нег. № 9013.

Цявловская. 1980. С. 245 (воспроизведение), 243—256, 436.

Примечание. А. М. Эфрос определяет этот рисунок как портрет

П. В. Нащокина (Эфрос. 1933. С. 325 (воспроизведение) 438—439).
В описании рукописей Пушкина (см.: Соловьева. 1964. С. 75, № 1621) зафиксировано определение А. М. Эфроса.

75. (1). Бурцов И. Г.; предположительно.

На листе с черновиками поэмы «Руслан и Людмила» (IV песнь), с рисунком персонажа балета Ш.-Л. Дидло тритоном и другими рисунками; внизу, второй слева.

1819.

ПД, № 829, л. 51, нег. № 101.

Л. А. Краваль — письмо в ВМП от 7 июля 1985 г.

Воспроизведение (б/данной портретной аннотации) см.: Эфрос. 1933. С. 37; Эфрос. 1946. С. 73.

Примечание. Рисунки этого листа вызвали как разное общее понимание (круг людей и интересов общества «Зелёная лампа» — А. М. Эфрос; тайные общества — А. Ю. Чернов, Л. А. Краваль), так и разные атрибуции отдельных портретных изображений. Данный рисунок также имеет несколько определений:

1. **И. А. Долгоруков** (предположение Л. А. Краваль — письмо в ВМП от 7 июля 1985 г.).

2. Ф. Ф. Юрьев (допущение Р. Г. Жуйковой — картотека ВМП).

3. И. Д. Якушкин (Чернов А. Умысел // Пушкинский праздник. 1982. С. 11).

В этикетаже экспозиции рукописей ВМП приняты общее понимание рисунков и отдельные атрибуции А. М. Эфроса.

ДОПОЛНЕНИЕ К РАЗДЕЛУ «АВТОПОРТРЕТЫ ПУШКИНА. (КАТАЛОГ)»

І. Новые определения

1. (№ 81 а). Автопортрет в образе зрителя похоронной процессии в автоиллюстрации к повести «Гробовщик». 1830, сентябрь. ПД, № 997, л. 3 об., нег. № 4287.

Автопортрет в образе зрителя похоронной процессии в автоиллюстрации к повести «Гробовщик». 1830. (ПД, № 997, л. 3 об.).

(Дополнения к Каталогу автопортретов, № 1).

Л. А. Краваль — письмо в ВМП от 25 июня 1985 г. с определением рисунка и предположением его понимания как автопортрета в образе пророка.

Воспроизведение рисунка см.: Венгеров. Т. 4. С. 149 (впервые); Эфрос. 1933. С. 305; Цявловская. 1980. С. 92—93.

2. (№ 85 а). Автопортрет «с сомкнутыми устами»; рядом с предполагаемым портретом Якова Долгорукова. В черновиках поэмы «Езерский». 1832—1833.

ПД, № 842, л. 23, нег. № 1811.

Р. Е. Терехина — выступление на конференции «Рисунки Пушкина. (проблемы атрибуции)» 27 ноября 1985 г. (ГМПИ).

II. З а м е ч а н и я

К № 1. М. Д. Беляев выражал сомнение в атрибуции этого рисунка как автопортрета (Беляев. Т. 2. Л: 351, 352. № 1).

К № 7. Л. А. Краваль считает, что это изображение К. П. Охотникова или автопортрет, стилизующий сходство с ним (письмо в ВМПИ от 25 июня 1985 г.). Обоснование: расположение рисунка рядом с портретом М. Ф. Орлова, адъютантом которого был К. П. Охотников. Но так как портреты К. П. Охотникова неизвестны, предположение нельзя подтвердить иконографически.

К № 10. Автопортрет был учтен М. Д. Беляевым (Беляев. Т. 2. Л. 555, № 7) и Б. В. Томашевским (Томашевский Б. В. Автопортреты Пушкина // Пушкин и его время. Л., 1962. Вып. 1. С. 322, сн. 1).

К № 56 (примечание). Т. Г. Цявловская полагала, что рядом с автопортретом нарисован портрет В. К. Кюхельбекера (Цявловская. 1980. С. 168).

К № 87. М. Д. Беляев был несогласен с определением этого рисунка как автопортрета (Беляев. Т. 2. Л. 351).

К № 88. Л. А. Краваль считает данный рисунок портретом К. Н. Батюшкова (см. настоящий каталог, № 48).

К № 89. Л. Ф. Керцелли выразила сомнение в том, что данный рисунок является автопортретом (выступление на конференции «Рисунки Пушкина (проблемы атрибуции)» 27 ноября 1985 г. (ГМПИ)).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Беляев — Беляев М. Д. Изучение рисунков Пушкина и их роль в пушкиноведении: Дис. ... канд. филол. наук. 1946. Т. 1—2. Не опубликована; хранится в ГБЛ.
- Венгерова. 1907. Т. 1; — Пушкин. <Соч.> / Под ред. С. А. Венгерова. 1908. Т. 2; 1909. Т. 3; СПб.: Брокгауз и Ефрон. 1910. Т. 4.
- ВМПИ — Всесоюзный музей А. С. Пушкина (Ленинград).
- Георгиевский. 1899 — Георгиевский Г. П. Семь рисунков Пушкина // Русский вестник. 1899. № 6.
- ГМПИ — Государственный музей А. С. Пушкина (Москва).
- Зильберштейн. 1926 — Зильберштейн И. С. Из бумаг Пушкина: (Новые материалы). М., 1926.
- Каталог автопортретов — Жуйкова Р. Г. Автопортреты Пушкина: (Каталог) // Временник Пушкинской комиссии. 1981. Л., 1985.
- Керцелли. 1976 — Керцелли Л. Ф. Тверской край в рисунках Пушкина. М., 1976.
- Керцелли. 1983 — Керцелли Л. Ф. Мир Пушкина в его рисунках. М., 1983.
- ЛН — Литературное наследство.
- Левкович. ПД, № 841 — Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 841: История заполнения // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. 12.

- Летопись. 1951 — Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1952.
- Модзалевский и — Модзалевский Л. Б., Томашевский
Томашевский. 1937 Б. В. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание. М.; Л., 1937.
- Пушкинский праздник — Пушкинский праздник: Спец. вып. «Литературной России» и «Литературной газеты», посвященный Всесоюзному Пушкинскому дню поэзии. 24 мая—6 июня соответствующего года.
- 1978 и др. гг.
- Рукою Пушкина. 1935 — Цявловский М. А., Модзалевский Л. Б., Зенгер (Цявловская) Т. Г. Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935.
- Соловьева. 1964 — Соловьева О. С. Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года: Краткое описание. М.; Л., 1964.
- Фомичев. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 835 — Фомичев С. А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 835: (Из текстологических наблюдений) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11.
- Цявловская // Прометей. 10 — Цявловская Т. Г. «Храни меня, мой талисман...» // Прометей: Альм. М., 1974. Вып. 10.
- Цявловская. 1970, 1980, 1983, 1986 — Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. М., 1970; 2-е изд. пересмотр. и расшир. 1980; 3-е изд. стереотип. 1983, 1986.
- Эфрос. 1930, 1933 — Эфрос А. М. Рисунки поэта. Б. м., 1930; М., 1933.
- Эфрос. 1934. — Эфрос А. М. Декабристы в рисунках Пушкина // Литературное наследство. 1934. Т. 16—18.
- Эфрос. 1946 — Эфрос А. М. Пушкин портретист: Два этюда. М., 1946.
- Якушкин. 1884 — Якушкин В. Е. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее // Русская старина. 1884. Т. 41—44.

III. ЗАМЕТКИ

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К ЛИРИКЕ ПУШКИНА

«Тень Фонвизина»

Стихотворение «Тень Фонвизина» (1815) принадлежит к числу наиболее ярких полемических выступлений Пушкина-лицейста в ходе литературной борьбы «карамзинистов» с «шишковистами». Изучение этих выступлений нуждается в оснащении дополнительным конкретным материалом, который позволил бы точнее представить границы знания Пушкиным тех писателей, с которыми он вступил в бескомпромиссную борьбу под знаменем «Арзамаса». Уже в своих лицейских стихотворениях Пушкин не только повторяет расхожие темы и приемы «арзамасской» полемики и сатиры, но, очевидно, строит свои отношения к литературным противникам на основе собственных наблюдений над их деятельностью, в большей или меньшей степени оказывавшейся в поле зрения юного лицейста. Исследование этого явления требует привлечения новых материалов, которые могли бы обогатить наше представление о деталях литературной борьбы начала XIX в.

Здесь, однако, возникают существенные затруднения, связанные с недостаточностью наших знаний о тех, с кем вели борьбу «карамзинисты»; замечание Ю. Н. Тынянова, что «на объеме изучения архаистических направлений в литературе первой половины XIX века» отразилась историческая несправедливость, вызванная «влиянием победившего течения»,¹ продолжает оставаться актуальным и до сих пор, несмотря на очевидные достижения в изучении этого явления в последние десятилетия. Необходимо более точное представление о содержании полемических выступлений «арзамасцев», и в частности Пушкина, об их соотношении с конкретными реалиями литературной действительности. Обращение к «Тени Фонвизина» подтверждает это.

Стихотворение не было опубликовано Пушкиным и, как известно, надолго исчезло из поля зрения. Обнаруживший его Л. Б. Модзалевский

¹ Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1969. С. 25. — Ср. суждение Ю. М. Лотмана в статье «Архаисты — просветители» о «давно назревшей потребности конкретного изучения „старших архаистов“ вместо повторения одних и тех же переходящих из статьи в статью цитат» (Тыняновский сборник: Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 193).

справедливо отмечал, что «по насыщенности литературными характеристиками современников писателей» «Тень Фонвизина» «нужно поставить бесспорно на первое место в ряду его ранних лицейских произведений».² Вместе с тем стихотворение Пушкина изучалось еще недостаточно; исследование «Тени Фонвизина» практически ограничилось обсуждением лишь тех вопросов, которые были поставлены еще в работах Л. Б. Модзалевского. Решая вопрос о генезисе пушкинской сатиры, ученый, в частности, высказал предположение, будто «непосредственным поводом» к ее созданию могла быть концовка напечатанного в июне 1815 г. в «Российском музее» В. В. Измайлова очерка «Московский бродяга»: «Где ты, Фон-Визин, думал я, выходя из вертепа новых Сивилл? Где комическое перо твое, начертанное портрет Недоросля и Простаковых? Какое обширное поле для наблюдений и описаний открылось бы для тебя в наше время!..» «Как бы исполняя пожелания автора очерка, — заключал Л. Б. Модзалевский, — Пушкин и вывел Фонвизина в качестве „тени“, захотевшей увидеть человеческое общество, для порицания последнего и бичевания человеческих пороков».³ Предположение ученого осталось, однако, незамеченным и не рассматривалось в последующей литературе; ее главное внимание было сосредоточено на других предложенных им более очевидных параллелях (с «Посланием слугам моим» Д. И. Фонвизина и «Видением на берегах Леты» К. Н. Батюшкова). Вместе с тем, как бы ни относиться к данному предположению Л. Б. Модзалевского (не представляющемуся достаточно убедительным), его появление симптоматично, поскольку предполагает возможным поиски источников пушкинского замысла в современной поэту литературе, вполне оправданно концентрируя внимание на исходном сюжетном мотиве — возвращении Фонвизина на землю:

В раю, за грустным Ахероном,
Зевая в рощице густой,
Творец, любимый Аполлоном,
Увидеть вздумал мир земной.

И, 156

Появление тени Фонвизина, посещающей Россию (на это также обратил внимание Л. Б. Модзалевский), повторяет ситуацию более ранней баллады Пушкина «Тень Баркова» (1814).⁴ Оба произведения объединяет и общность объекта литературной сатиры: и тут и там возникает (причем не раз) фигура графа Д. И. Хвостова в ее традиционно-пародийном воплощении трудолюбивого стихотворца-графомана, в поте лица рождающего очередные вирши.⁵

² Модзалевский Л. Б. «Тень Фонвизина»: Неизданная сатирическая поэма Пушкина // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 823. Ср.: Тень Фон-Визина / Комментарий Л. Б. Модзалевского // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. <Т.> 1. С. 14.

³ Литературное наследство. Т. 16—18. С. 822.

⁴ См.: Там же. С. 816.

⁵ Ср. комментарий Л. Б. Модзалевского (Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. <Т.> 1. С. 17).

Тень Баркова

Так иногда поэт Хвостов,
Обиженный природой,
Во тьме полуночных часов
Корпит над холодной одой.
Пред ним несчастное дитя:
И вкривь, и вкось, и прямо
Он слово звучное, *кряхтя*,
Толкает в стих упрямой.⁶

Тень Фонвизина

Он не спал; добрый наш поэт
Унизывал на случай оду,
Как божий мученик, *кряхтел*,
Чертил, вычеркивал, *потел*,
Чтоб стать посмешищем народу.
Сидит; перо в его зубах,
На ленте Анненской табак,
Повсюду разлиты чернила,
Сопит себе Хвостов унылый.

I, 158—159

Связь «Тени Фонвизина» с «Тенью Баркова» в описании Хвостова очевидна, хотя в балладе 1814 г. картина творческих мук незадачливого поэта возникает в ассоциативном фривольном сравнении, а в стихотворении 1815 г. она — деталь эпизода посещения «мертвецом» здравствующего собрата. Это позволяет связать оба произведения мотивом «тени» писателя, посещающей земной мир. Не вдаваясь в проблему происхождения этого мотива как такового, попытаюсь обосновать выбор именно Фонвизина, тень которого делает смотр «певцам российским записным», впечатлениями от чтения Пушкиным творений графа Хвостова. Одно из произведений последнего могло дать первоначальный импульс к возникновению пушкинского замысла. Правда, предположение о вероятной связи «Тени Фонвизина» с рассматриваемым ниже стихотворением графа Хвостова не поддается документальному подтверждению. Препятствием снова оказывается недостаточная изученность деятельности «старших архаистов»; освещение борьбы с ними их противников не всегда основывается на знании конкретных обстоятельств, стоящих за ней. Особенно это относится именно к графу Хвостову, литературный образ которого, сложившийся под влиянием полемических выпадов многих поэтов, — и прежде всего Пушкина, — казалось бы, и не нуждается в подобной конкретизации.

Хвостова, конечно, читали мало — мотив этот тоже оказался непреходящим атрибутом насмешек над ним; знаменательно, например, что и первое и последнее упоминания Хвостова у Пушкина связаны с указанием на это обстоятельство. Впервые упомянут он в стихотворении «К другу стихотворцу» (1814):

Творенья громкие Рифматова, *Графова*
С тяжелым Бибрусом гниют у Глазунова;
Никто не вспомнит их, не станет вздор читать,
И Фебова на них проклятия печать

I, 26. (Курсив мой. — Л. С.)

А за несколько месяцев до смерти графа Хвостова в письме И. И. Дмитриеву (14 февраля 1835 г.) Пушкин сообщал о нем: «Современник ваш <...> слава богу, здравствует и продолжает посещать книжную лавку Смирдина ежедневно, а академию по субботам. В лавке забирает он свои сочинения, все еще не распроданные, и раздает их в академии своим сочленам с трогательным бескорыстием» (XVI, 11). Тем не менее трудно

⁶ Цит. по: Лернер Н. О. Рассказы о Пушкине. Л., 1929. С. 51. — Курсив в обеих цитатах мой. — Л. С.

предположить, что все нападки на Хвостова основывались исключительно на прочно сложившейся репутации, исключавшей необходимость знакомства с его произведениями. Напротив, известно, что полемисты Хвостова именно читали их, извлекая материал для бесчисленных насмешек. Так это случилось, например, с знаменитыми «зубастыми голубями»⁷ или позднее с пресловутым «Посланием к NN о наводнении Петрополя» (1825); известным стихам из «Медного Всадника» предшествовал иронический отклик Пушкина на появление стихотворения Хвостова: «...что за прелесть его послание! достойно лучших его времен. А то он было сделанся посредственным, как Василий Лъвович, Иванчин — Пискарев» — и проч.» (XIII, 137). Тем более вероятно чтение Пушкиным произведений графа Хвостова в «лучшие его времена», когда он был частой мишенью полемических эскапад его противников; можно предположить, что и образ его, каким он предстает в «Тени Фонвизина», основан не на повторении одних лишь устоявшихся представлений, но и на непосредственном знакомстве с его стихами.

Сцена у Хвостова в «Тени Фонвизина» — наиболее развернутое, не исключая и «Тени Баркова», воссоздание его образа в поэзии Пушкина. Ей предшествовали несколько эпиграмматически острых упоминаний поэта начиная с цитированных выше строк стихотворения «К другу стихотворцу», причем (за исключением «Тени Баркова») Хвостов назывался не по имени, а его традиционными прозвищами. Приведу отрывок из предшествовавшего «Тени Фонвизина» стихотворения Пушкина «Моему Аристарху» (1815):

Не думай, цензор мой угрюмый,
Что я, беспуясь по почам,
Окован стихотворной думой,
Покою жертвую стихам;
< >
Так пишет (молвить не в укор)
Копюший дряхлого Пегаса
Свистов, Хлыстов или Графов,
Служитель отставной Парнаса,
Родитель стареньких стихов,
И од не слишком громозвучных,
И сказочек довольно скучных.

I, 152—153

В «Тени Фонвизина» Хвостов предстает уже под своим именем,⁸ и его описанию уделено 65 стихов (92—156) из 320 (даже важнейший по значению эпизод с Державиным занимает несколько меньше пространства — 50 стихов). Место, отведенное в сатире Хвостову, позволяет думать, что он не случайно играет в стихотворении столь существенную роль. Фон-

⁷ См. у Пушкина: «Хвостова он напоминает, | Отца зубастых голубей...» (II, 429). Имеется в виду стих в притче гр. Хвостова «Два голубя»: «Кой-как разгрыз зубами узелки», — впоследствии под влиянием насмешек исправленный автором. См.: Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971. С. 844.

⁸ Конечно, это может объясняться тем, что нам известен лишь рукописный список стихотворения, не предназначавшийся, как, естественно, и «Тень Баркова», для печати.

визин посещает его первым из «певцов российских записных» (эпизоду с Хвостовым предшествует лишь посещение поэта и журналиста Кропова-Кропотова, исключаемого, однако, из числа заправских поэтов: «Не жаждет лавров он пиита, | Лишь был бы только пьян порой», — I, 158). Объяснению этого обстоятельства и служит выдвигаемая гипотеза.

Речь идет о стихотворении графа Хвостова «К Денису Ивановичу Фонвизину», впервые опубликованном в 1806 г. в издававшемся им совместно с П. И. Голенищевым-Кутузовым и Г. С. Салтыковым журнале «Друг просвещения» (1804—1806).⁹ Не исключено, что соответствующий номер этого журнала мог попасть в поле зрения Пушкина-лицейста. «Друг просвещения» не принадлежал, правда, к числу распространенных изданий — число подписчиков на него (62) невелико даже для того времени — и тем не менее не был он и совсем заурядным; современный исследователь называет полемику «Друга просвещения» с «Московским зрителем» кн. П. И. Шаликова «заметным эпизодом раннего этапа борьбы шишковистов с карамзинистами».¹⁰ Издание журнала было прекращено в 1806 г., однако его помнили и позднее, — об этом говорит, например, эпиграмма П. А. Вяземского на П. И. Голенищева-Кутузова «Друзья нынешнего века» (1812):

Картузов другом просвещенья
В листках провозгласил себя.
О времена! о превращенья!
Вот каковы в наш век друзья! ¹¹

Трудно, конечно, установить пути, которыми этот журнал мог дойти до Пушкина: отсутствие достоверных сведений о составе библиотеки Царскосельского лицея в 1811—1817 гг. не позволяет установить, находился ли в ней «Друг просвещения».¹² Однако зная о посещениях Хвостовым Лицея (в частности, он был среди гостей, присутствовавших на переводном экзамене в начале 1815 г.),¹³ а также о его известной страсти направо и налево раздаривать свои сочинения, в том числе в библиотеки

⁹ Позднее Хвостов перепечатал это стихотворение в другой редакции и со слегка измененным заглавием в двух изданиях Полного собрания его стихотворений. См.: Хвостов Д. И. 1) Разные стихотворения, сочиненные после полного собрания. СПб., 1827. Т. 5. С. 37—41; 2) Полн. собр. стихотв. СПб., 1830. Т. 5. С. 60—64. — В последнем издании стихотворение имеет подзаголовок: «1811 года», отсутствующий в издании 1827 г. Это позволило предположить предварительную публикацию новой редакции стихотворения, однако просмотр периодици 1811—1815 гг. не дал положительного результата, поэтому стихотворение Хвостова могло стать известным Пушкину лишь по его первой журнальной публикации. См.: Друг просвещения: Журнал литературы, наук и художеств на 1806 г. Ч. 2, № 4. С. 12—15.

¹⁰ Альтшуллер М. Г. Неизвестный эпизод журнальной полемики начала XIX века: «Друг просвещения» и «Московский зритель» // XVIII век. Л., 1975. Сб. 10. С. 105.

¹¹ Вяземский П. А. Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 45.

¹² См.: Головин В. В. Круг чтения лицейстов пушкинского времени // История русского читателя: Сб. науч. тр. Л., 1982. С. 31—46.

¹³ См.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951. Т. 1. С. 27, 71.

учебных заведений,¹⁴ нельзя исключить возможности того, что и «Друг просвещения» мог быть подарен им Лицею, тем более, что журнал был наполнен небесполезными материалами паучно-популярного характера, приличествующими учебной библиотеке. Но Пушкин мог, конечно, познакомиться со стихотворением Хвостова и независимо от его наличия в лицейской библиотеке. Об осведомленности поэта о состоянии русской журналистики свидетельствует и само стихотворение «Тень Фонвизина». В нем содержатся упоминания эфемерных журналов 1815 г. «Демокрит» А. Ф. Кропотова и «Кабинет Аспазии», издававшегося Б. М. Федоровым в содружестве с несколькими литераторами; о последнем говорится одновременно с упоминанием издателя журнала «Улей» (1811—1812) В. Г. Анастасевича, также расточавшего неумеренные хвалы Хвостову:

Хвалили гений мой в газетах,
 В «Аспазии» боготворят.
 < >
 Анастасевич лишь один,
 Мой верный крестник, тчец и сын,
 Своею прозой уверяет,
 Что истукан мой увенчает
 Потомство лавровым венцом

Л. 159

Предположение о знакомстве Пушкина с «Другом просвещения» тем более допустимо, что в нем участвовал и В. Л. Пушкин, в то время подерживавший с графом Хвостовым дружеские отношения;¹⁵ его перевод отрывка из поэмы Томсона «Времена года» с пометой «Париж, 8 Генв. 1804» был помещен в первом же номере журнала наряду с пресловутой «Одой реке Кубре» самого Хвостова. Вероятность же знакомства Пушкина со стихотворением «К Денису Ивановичу Фонвизину» вытекает из его содержания: в начале и конце стихотворения автор призывает Фонвизина покинуть обитель мертвых и спуститься на землю:

К тебе, Фон-Визин, обращаю
 Я в царство мертвых лиры глас;
 Тебя, наш Комик, вопрошаю:
 Иль мало на земле проказ,
 Иль нет ханжей в наш век щастливой,
 Что Феба пасынки стыдливы
 Причин для смеха не найдут?
 < >
 Покинь предел гробницы мрачной
 И научи нелепых чад;
 В России опыт твой удачной
 Природной Музе дал наряд.

Подобное обращение к Фонвизину повторяется и в заключительной строфе стихотворения:

¹⁴ См.: Морозов П. О. Граф Дмитрий Иванович Хвостов. 1757—1835: Очерки из истории русской литературы первой четверти XIX века // Русская старина. 1892. Т. 74. № 6. С. 582—583. Ср.: Орлов В. Н. Граф Хвостов // Эпиграмма и сатира: Из истории литературной борьбы XIX века. М.; Л., 1931. Т. 1. С. 157.

¹⁵ См. стихотворение Хвостова 1805 г. «В. Л. Пушкину на пребывание в Костроме» (Поэты 1790—1810-х годов. С. 440—442, 845).

Ты жил, Фон-Визин, с Музой ладно —
Твой дар живет еще у нас;
Оставь на час жилище хладно,
Мы улыбнемся хоть на час.
На муз напала грусть, слезливость,
Бездушна, томная красивость
Сушит луга и ручейки —
Но ах! хотя из гроба встанешь,
Опять зачахнешь и увянешь,
Умрешь, наверное, с тоски.¹⁶

Думается, что если уж искать в современной Пушкину-лицеисту литературе «непосредственные поводы» к появлению «Тени Фонвизина», то стихотворение Хвостова подходит для этого несравненно более, нежели обнаруженный Л. Б. Модзалевским пассаж из очерка неизвестного автора, тем более, что оно непосредственно связывается с сюжетом пушкинской сатиры: Хвостов призывал Фонвизина спуститься на землю, и вот он является, убеждаясь в тщетных потугах старого приятеля обосновать свое право на бессмертие:

Денис на то пожал плечами;
Курьер богов захохотал
И, над свечой взмахнув крылами,
Во тьме с Фон-Визинным пропал.

I, 160

Следы знакомства Пушкина со стихотворением графа Хвостова можно обнаружить и в тексте пушкинской сатиры, причем именно в эпизоде с Хвостовым:

«Ба! в полночь кто катит ко мне?
Не брежу, полно ль, я во сне!
Что случилось с бедной головою!
Фон-Визин! ты ль передо мною?
Помилуй! ты... конечно он!»
— «Я, точно я, меня Плутон
Из мрачного теней жилища
С почетным членом адских сил
Сюда на время отпустил.
Хвостов! старинный мой дружище!
Скажи, как время ты ведешь?
Здорово ль, весело ль живешь?»

I, 159. (Курсив мой. — Л. С.)

Разумеется, словосочетание «мрачное теней жилище» могло появиться и независимо от какого-либо источника; однако если допустить предположение о том, что рассматриваемое стихотворение Хвостова оказалось одним из поводов обращения Пушкина к сюжету его сатиры, то сопоставление приведенного выражения со стихами «Покинь предел гробницы *мрачной*» и «Оставь на час жилище хладно» не покажется слишком натянутым. Дело даже не в возможной реминисценции из Хвостова; установление соотношенности его стихотворения и пушкинской сатиры не требует подтверждения такими необязательными совпадениями. Смысл его в том,

¹⁶ Друг просвещения. 1806. № 4. С. 12, 15. (Курсив мой. — Л. С.).

что, по-видимому, не случайно тень именно *Фонвизина* спускается на землю и появляется, в частности, перед изумленным Хвостовым как бы в ответ на призыв, прозвучавший в его стихотворении. Если это предположение справедливо, то оно может оказаться бесполезным при обосновании связи стихотворения Пушкина с конкретными фактами современной ему литературы, подвергаемыми таким образом не осмеянию «вообще», но с опорой на произведения критикуемых поэтов. Это сопоставимо с установленным еще Л. Б. Модзалевским обстоятельством — варьированием подлинных державинских стихов, из которых составляется пародийный отрывок «оды», которую в сатире Пушкина читает своему «усопшему брату» престарелый поэт.¹⁷ Таким образом, в наиболее неожиданном эпизоде «Тени Фонвизина» Пушкин обнаруживает непосредственную осведомленность в осмеиваемом им явлении, поэтому вполне допустимо, что и в более традиционных нападках на Хвостова поэт также обнаружил прямое знакомство с его творениями, эффектно обыграв встреченную в них выразительную деталь. Вероятным отталкиванием от стихотворения Хвостова может быть объяснено и новое упоминание имени его автора в заключительной реплике Фонвизина, ставящего в один ряд бесплодное трудолюбие поэта-графомана и беспечную лень Батюшкова, одинаково угрожающие судьбе русской словесности:

«Когда Хвостов трудиться станет,
А Батюшков спокойно спать,
Наш гений долго не восстанет,
И дело не пойдет на жад».

I, 164

Если все это так, то перед нами лишнее свидетельство, как тесно литературная полемика начала XIX в. связана с породившей ее литературной действительностью; возникшие в ходе ее произведения тянут в себе далеко еще не полностью реализованные возможности находить незаметные невооруженному глазу отсылки к чужим текстам. Это свидетельствует и о том, насколько важно конкретное знание обстоятельств, в которых велась полемика. Требуется подробное обследование источников, восходящих к противоположному «арзамасцам» лагерю, возможное лишь при активизации исследовательского внимания к данной проблеме. Среди этих источников творения графа Хвостова занимают, конечно, далеко не первостепенное место; по справедливому замечанию В. Н. Орлова, он представлял собой лишь «наиболее доступный и безопасный объект осмеяния»;¹⁸ однако частота, с которой обращалась к этому объекту «арзамасская» сатира, требует более внимательно присмотреться и к его произведениям, отражения которых могут оказаться гораздо многочисленнее, чем это представляется на первый взгляд. Можно напомнить справедливое суждение А. В. Западова, в свое время обследовавшего хвостовский архив. Говоря о «неудачной поэтической деятельности Хвостова», он заметил, что и к ней, «однако, также следовало бы присмотреться внимательней, не по-

¹⁷ См.: Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. <Т.> 1. С. 21—22.

¹⁸ Орлов В. Н. Граф Хвостов. С. 158.

лагаясь только на цитаты, выхваченные авторами анекдотов и эпиграмм». ¹⁹ Предложенные в нашей статье соображения и наблюдения, как кажется, подтверждают эту мысль.

Л. С. Сидяков

¹⁹ Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1938. <Т.> 1. С. 359.

«Все в жертву памяти твоей»

Написанное в 1825 г. в Михайловском известное восьмистишие Пушкина «Все в жертву памяти твоей» мало привлекало внимание исследователей. А между тем оно того заслуживает.

Напомним его:

Все в жертву памяти твоей:
И голос лиры вдохновенной,
И слезы девы воспаленной,
И трепет ревности моей,
И славы блеск, и мрак изгнанья,
И светлых мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточенного страданья.

II, 433

Предельно простое на первый взгляд его содержание — перечисление того, что принесено в жертву чьей-то памяти, — на самом деле не так-то просто. Действительно, ведь выступают в одном качестве — принесенных в жертву — как несомненно дорогие для Пушкина творчество («голос лиры») и слава, так и бесспорно тягостные для него изгнание и ревность. Недаром акад. В. В. Виноградов писал когда-то, что трудно «понять смысловой строй этого стихотворения, приемы сцепления всего того, что приносится в жертву чьей-то памяти».¹

Полностью раскрыть смысл стихотворения можно, лишь ответив на два вопроса: что означает «твоя память» и что значит «все в жертву»? Первый вопрос нетруден. «Твоя память» у Пушкина всегда означает «память, воспоминание о тебе». Со вторым вопросом сложнее. «Все в жертву» — это несомненно усеченное «все принесено в жертву». Но что в данном конкретном случае означает «принесено в жертву памяти»?

«Словарь языка Пушкина» зарегистрировал ряд значений выражения «жертвовать», «приносить в жертву». Значения эти разнородны и порою противоречат одно другому. Это — «совершать жертвоприношение», «воздавать хвалу», «отдаваться во власть какого-нибудь состояния, чувства», «не падать», «подвергать опасности», «отказываться от чего-нибудь», «поступаться чем-нибудь ради кого-то, чего-то».² Внимательное чтение произведений и писем Пушкина позволяет добавить близкие к названным значениям: «приносить в дар», «посвящать», «служить», «поклоняться, покоряться». Но ни одно из перечисленных значений — и это легко доказать — не подходит для стихотворения «Все в жертву памяти твоей» в целом,

¹ Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941. С. 34.

² Словарь языка Пушкина. М., 1957. Т. 1. С. 786.

особенно если учесть, что речь идет о принесении в жертву не кому-то, а памяти, воспоминаниям о ком-то.

Думать же, что в пределах одного предложения (а именно им является данное стихотворение) Пушкин придавал выражению «принести в жертву» разный смысл, трудно.

Очевидно, должно существовать еще одно, не учтенное «Словарем языка Пушкина» понимание этих слов, пригодное для всех строк стихотворения.

Оно действительно отыскивается. Это — «пренебречь» с близкими к нему у Пушкина эквивалентами: «перестать придавать значение», «забыть». И как только подставляются эти значения, смысл стихотворения становится ясным и понятным.

Если осмелиться пересказать стихотворение прозой, оно будет выглядеть так: Поглощенный воспоминаниями о тебе, я перестал творить (забыл «голос лиры вдохновенной»), пренебрег слезами влюбленной девушки, перестал ревновать, забыл о славе, не замечаю мрака изгнания, перестал восторгаться красотой светлых мыслей, забыл о мщении.

Полную уверенность в правильности такого толкования может, однако, дать лишь знание того, при каких обстоятельствах стихотворение было создано и, в частности, к кому оно обращено.

Вряд ли следует за каждым словом пушкинской лирики искать реальные факты жизни поэта. Но бывают случаи — и они нередки, — когда биографическая подоплека произведения очень сильна, и лишь ее понимание помогает до конца понять его. Недаром П. А. Плетнев, близко знавший Пушкина и его творчество, писал, что «без биографии Пушкина, как без ключа, нельзя проникнуть в таинство самой поэзии».³ Это относится и к рассматриваемому стихотворению. Попытаемся же определить, к кому оно обращено.

Литературоведческая и читательская традиции прочно связали это стихотворение с Е. К. Воронцовой. Странники такой версии не утруждают себя аргументацией, довольствуясь распространенным представлением о любви Пушкина к Воронцовой. Но нельзя не отметить, что в середине 1825 г. следы этого чувства понемногу исчезают (последнее известное нам упоминание Воронцовой в стихах и письмах Пушкина относится к апрелю 1825 г.) и — что гораздо важнее! — почти все строки стихотворения «Все в жертву памяти твоей» решительно противоречат общепринятой версии.

Действительно, как согласовать «принесение в жертву», т. е. отказ от блеска славы, со всем тем, что известно о мыслях Пушкина при воспоминаниях о Воронцовой? Он совершенно не пренебрегал славой, более того — жаждал ее: достаточно вспомнить хотя бы знаменитое «Желание славы». Пушкин не забывал и «мрака изгнания», а напротив, очень тяготился им. При воспоминании о Воронцовой не исчезал и «трепет ревности» — об этом говорит страстное «Но если...», которым обрывается стихотворение «Ненастный день потух...».

Рассвоять для Пушкина мрак изгнания, заглушить ревность могли, по-видимому, лишь воспоминания о другой женщине, скрасившей это изгнание, заставившей забыть далекую возлюбленную, отодвинувшей мечты о мести.

³ Плетнев П. А. Соч. и переписка. СПб., 1885. Т. 3. С. 241.

Этой «другой» была Анна Петровна Керн. Именно к ней и обращено стихотворение «Все в жертву памяти твоей».

Такое мнение уже высказывалось. И. А. Шляпкин, публикуя это стихотворение, писал: «Стихотворение прекрасно рисует состояние духа Пушкина и, вероятно, относится к Анне Петровне Керн, уехавшей в июле 1825 г. в Ригу».⁴ В 1953 г. на заседании Пушкинской комиссии в Ленинграде поддержал эту точку зрения, а затем развил ее в романе «Пушкин в изгнании» и писатель И. А. Новиков.⁵

Версия эта порой встречает возражения, но она ближе всего к истине. Летом 1825 г. А. П. Керн гостила у П. А. Осиповой в Тригорском, и Пушкин испытал краткое, но сильное увлечение ею. Свидетельством этого служат письма поэта.⁶

Пробыв недолго в Тригорском, Анна Петровна уехала в Ригу, оставив пыльную «память» о себе. Сразу же после ее отъезда Пушкин шлет вдогонку письмо, адресованное Анне Николаевне Вульф, но совершенно явственно предназначенное для Анны Петровны, содержание которого ясно говорит об обуревающем его чувстве. А затем почти с каждой почтой он пишет самой Анне Петровне. Взволнованные и нежные, но написанные по-французски письма поэта несут на себе неизбежный при этом для Пушкина налет легкомыслия и куртуазности. Однако это не может скрыть отраженного в них сильного чувства, нарастающего от письма к письму.⁷

Дополнительным аргументом в пользу того, что «Все в жертву памяти твоей» обращено к Керн, служит время и место создания стихотворения. Как известно, под текстом дошедшего до нас автографа имеются пометы:

«а. 1825
Тригорское 22
б. Тригорское» 23 1825»
Ц, 974

Они должны привлечь наше внимание.

Во время михайловской ссылки Пушкин чуть ли не ежедневно бывал в Тригорском. Недаром в письме П. А. Осиповой, временно уехавшей в Ригу, он писал: «...вспоминайте иногда Тригорского (т. е. Михайловского) изгнанника — вы видите, я, по старой привычке, путаю и наши жилища» (XIII, 196, 540). Однако из всех созданных за время ссылки стихотворений лишь одно «Все в жертву памяти твоей» помечено Тригорским. А Тригорское полно памятью об А. П. Керн.

⁴ Шляпкин И. А. Из неизданных бумаг Пушкина. СПб., 1903. С. 3.

⁵ Новиков И. А. Избр. соч.: В 3 т. М., 1955. Т. 2. С. 290—291.

⁶ Я сознательно не включаю в систему доказательств такой аргумент, как знаменитое «Я помню чудное мгновенье», поскольку вопреки ряду деталей текста и обстоятельствам создания этого стихотворения соотносительность его с Керн в последнее время подвергается сомнениям. Достаточными оказываются и другие доказательства.

⁷ Весьма неуважительные отзывы Пушкина об А. П. Керн в письмах к Соболевскому в марте 1828 г. и к жене в 1835 г. не опровергают этого. Ведь они были написаны значительно позже! А летом 1825 г. Пушкин несомненно был увлечен Анной Петровной.

Что касается даты создания стихотворения, то числа 22-е—23-е наиболее вероятны для июля, августа или сентября 1825 г.

22 июля — это вскоре после отъезда Анны Петровны. Она уехала 19-го, 21-го, как уже упоминалось, Пушкин послал Анне Николаевне Вульф письмо, наполненное воспоминаниями о Керн. Накануне он четыре часа подряд проговорил о ней с Алексеем Вульфом; в Тригорском все пели ее любимый романс, и у него от этого «сердце поет»; но ночам он гуляет в саду, повторяя: «...она была здесь...» (XIII, 190—191, 538—539). Воспоминания об Анне Петровне — острые, свежие, они вполне могли продиктовать стихи «Все в жертву памяти твоей».

Еще более вероятной представляется дата 22—23 августа. 22 августа написано письмо к Керн. Оно полно заботливости, ревности, признаний («я люблю вас гораздо больше, чем вам кажется») и заканчивается страстной поэмой в прозе: «Прощайте! Сейчас ночь, и ваш образ встает передо мной, такой печальный и сладострастный; мне чудится, что я вижу ваш взгляд, ваши полуоткрытые уста. Прощайте — мне чудится, что я у ваших ног, сжимаю их, ощущаю ваши колени, — я отдал бы всю свою жизнь за миг действительности» (XIII, 212—213, 545—546). Стихотворение «Все в жертву памяти твоей» кажется продолжением этого письма, самого страстного и самого серьезного из всех писем Пушкина Анне Петровне.

Оно могло быть создано и 22—23 сентября. 23 сентября — это день рождения П. А. Осиповой. Пушкин действительно был в этот день в Тригорском (XIII, 229). Накануне, 22 сентября, он также писал Керн: «Пусть вам буду обязан я тем, что познал счастье, прежде чем расстался с жизнью!» И дальше: «Надежда увидеть вас еще юную и прекрасную — единственное, что мне дорого». Письмо заканчивалось мольбой: «Отвечьте, умоляю вас, на самое главное в моем письме, и я поверю, что сбóит еще жить на свете» (XIII, 229, 549—550).

Какая бы из названных трех дат ни оказалась истинной, любая из них логично связывает стихотворение «Все в жертву памяти твоей» с памятью об Анне Петровне Керн.

А если это так, то совершенно очевидно, что опирающейся на жизненные реалии становится каждая строка пушкинского стихотворения.

Повторяю, было бы художественной бестактностью искать биографический коррелят каждой пушкинской строки. У поэзии свои законы. Вместе с тем нельзя не отметить, что насколько все строки стихотворения «Все в жертву памяти твоей» упорно сопротивляются отнесению его к Воронцовой, настолько легко и естественно они выстраиваются при соотнесении его с Керн.

Все перечисленные в нем «жертвы» вполне могли стать незначительными, забытыми при воспоминании («памяти») об уехавшей недавно из Тригорского Анне Петровне.

«Голос лиры вдохновенной» действительно замолк — в ближайшее после отъезда Керн время не создано (во всяком случае не дошло до нас) ни одного лирического стихотворения.

Исчез «трепет ревности». В словах о ревности склонны иногда видеть намек на ревность к А. Н. Вульфу. Но при том, что Пушкин действительно ревновал Анну Петровну к ее кузену, в стихотворении речь идет не об этом. Забыть («принести в жертву») «трепет ревности» заставили

воспоминания не о женщине, которую ревновал поэт, а о той, увлечение которой затмило старую любовь и старую ревность.

Нужно также отойти от привычного толкования слов о «мщенье» — «бурной мечте ожесточенного страдания». Следуя А. Н. Вульфу, в них привыкли видеть желание стреляться на дуэли с Толстым-Американцем. Но в представлении Пушкина «мщенье» связано не с дуэлью. Дуэль — это не месть, а «сатисфакция» — удовлетворение за обиду. В дуэли оба противника в равной мере подвергаются опасности, «мщенье» же — это казнь, где может и должен погибнуть только один. Месть — в противоположность дуэли — исключает возможность примирения; это уничтожение врага, и не обязательно физическое, а скорее нравственное. Когда много лет спустя Пушкин снова жаждал мести, которая, по его словам, должна была быть «полной и совершенной», бросить его врага в грязь (XVI, 186, 395), то речь шла совсем не о дуэли, а об ином способе мести — об уничтожении противника в общественном мнении. И говоря в стихотворении «Все в жертву памяти твоей» о «мщенье», Пушкин тоже имел в виду не дуэль.

Главным его оружием в этом было слово, эпиграмма. Летом 1825 г. заслуживал мщения прежде всего М. С. Воронцов, добившийся замены для Пушкина южной ссылки более тяжелым заточением в «далекий северный уезд». На протяжении осени 1824—весны 1825 г. Пушкин действительно мстил Воронцову злыми эпиграммами. Летом же 1825 г. поток эпиграмм на Воронцова временно прекращается. Мечты о мести на время отодвинуты, забыты, «принесены в жертву».

Что касается «блеска славы», то вполне понятное при данных обстоятельствах «принесение его в жертву» получает реальное подкрепление в письме Пушкина.

Пытаясь реконструировать несохранившиеся письма Анны Петровны по ответному письму Пушкина, мы видим, что А. П. Керн (вероятно, не без настояния П. А. Осиповой) выталась перевести их переписку и их взаимоотношения в *плоскую* плоскость. Пушкин пишет ей о любви, она ему — о восхищении; он готов отдать жизнь за минуту встречи, она же напоминает ему о его поэзии, о славе. И он восклицает: «Не говорите мне о восхищении: это не то чувство, какое мне нужно. Говорите мне о любви: вот чего я жажду. А самое главное, не говорите мне о стихах...» (XIII, 229, 550). Блеск славы «принесен в жертву» мечтам о счастье.

И, наконец, «слезы девы воспаленной». Речь, несомненно, идет о горе влюбленной в поэта девушки. На языке Пушкина «воспаленный» чаще всего обозначает не просто «влюбленный», а «охваченный безответной, неутоленной страстью». Михайловско-Тригорская действительность создавала достаточно возможностей для отринутой девичьей любви к Пушкину. И кого бы ни подразумевал поэт под «девой воспаленной», для любой из них увлечение Пушкина очаровательной гостьей могло быть поводом для слез, которыми Пушкин пренебрег...

Таким образом, предположение о том, что стихотворение «Все в жертву памяти твоей» обращено к Керн, переходит в уверенность. А тем самым подтверждается и сила чувства, владевшего Пушкиным летом 1825 г.

С. М. Громбах

«Цветы последние милей»

Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.
Они унылые мечтаныя
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.

II, 423

При жизни Пушкина это стихотворение не было опубликовано и впервые увидело свет под названием «Последние цветы» в «Современнике» уже после смерти поэта. Сохранились автограф без заглавия и копия в альбоме П. А. Осиповой, где ему предпослано название «Стихи на случай в позднюю осень присланных цветов к П. от П. О.» (II, 1168).

Заглавие, таким образом, отражает источник возникновения стихов: это — благодарность за присланные цветы. Но следует обратить внимание на одно обстоятельство. Нежно любящая поэта Прасковья Александровна часто посылала ему цветы из своего сада. Даже уезжая, она оставляла распоряжение посылать Пушкину цветы (см.: XIII, 203, 542). Но лишь единственный раз Пушкин отозвался на это стихами. Видимо, их протекла не вежливость, а нечто иное...

Прочтем стихотворение внимательно. Первые две строчки понятны. Осенние цветы — редкость, и этим они милее весенних. Но почему же они вызывают *унылые мечтаныя*? И откуда вдруг возникла неожиданная аналогия («Так...») осенних цветов с разлукой? И почему разлука живее свиданья?

В поисках объяснения обратимся к датировке стихотворения. Автограф даты не имеет. М. А. Цявловский в «Летописи жизни и творчества Пушкина» и Большое академическое издание (II, 1168) датируют пьесу второй половиной сентября 1825 г., никак не аргументируя эту дату. Следует, однако, *вспомнить*, что существовал еще один альбом П. А. Осиповой, где также были переписаны эти стихи Пушкина с точно указанной датой — 16 октября 1825 г.¹ Игнорировать эту дату мы не имеем права. Считать же ее вслед за М. А. Цявловским² датой переписки стихов в альбом нет оснований. К тому же слова «поздняя осень» в заглавии стихотворения скорее относятся к середине октября, нежели ко второй половине сентября.³

Если же это стихотворение написано 16 октября 1825 г., то в словах о разлуке и свидании мы вправе усмотреть отклик на недавний второй проезд А. П. Керн в Тригорское.

В начале октября 1825 г. А. П. Керн снова посетила Тригорское. На этот раз она приехала с мужем. Пушкин иронизировал в письме к А. Н. Вульффу: «Муж ее очень милый человек, мы познакомились и по-

¹ См.: Семейский М. К биографии Пушкина // Русский вестник. 1869. № 11. С. 68.

² Цявловский М. Мелочи о Пушкине // Русский библиофил. 1916. № 8. С. 77.

³ Отметим, кстати, что та пора, когда «Октябрь уж наступил» («Осень»), названа «дни поздней осени».

дружились» (XIII, 237). На самом же деле, как вспоминала впоследствии Анна Петровна, «он <Пушкин> очень не поладил с мужем». ⁴ Пушкин, конечно, виделся с Анной Петровной и хотя, по ее словам, был с нею «опять по-прежнему и даже больше нежен», ⁵ радости ему эти встречи не принесли.

Более того, между ним и Керн, по-видимому, произошла размолвка. Когда в конце ноября уже из Риги она прислала Пушкину новое издание Байрона, Анна Николаевна Вульф писала ей: «Байрон помирил тебя с Пушкиным» (XIII, 250). Если нужно было мириться, значит, было что-то вроде ссоры. Не случайно об этой встрече с поэтом А. П. Керн в своих воспоминаниях не обмолвилась ни словом. Лишь несколько лет спустя она призналась Анненкову: «Я вам забыла рассказать и в своих воспоминаниях о Пушкине забыла упомянуть о своем вторичном посещении тетушки в Тригорском уже с мужем». ⁶

По сравнению с таким свиданием, о котором даже точная в своих воспоминаниях о встречах с Пушкиным и дорожившая этими воспоминаниями Анна Петровна могла (или постаралась?) *забыть*, по сравнению, повторяю, с таким свиданием предшествующая ему разлука, заполненная оживленной перепиской и постоянными воспоминаниями, конечно же, для Пушкина могла быть «живее самого свиданья».

Именно это и сказал Пушкин Прасковье Александровне Осиповой, благодаря за присланные цветы. Ей, с вниманием и тревогой следившей за всеми перипетиями взаимоотношений Пушкина с ее очаровательной и ветреной племянницей, была вполне понятна причудливая ассоциация, отозвавшаяся в пушкинских строчках.

В свете такого толкования понятны и небольшие разночтения между дошедшим до нас автографом и альбомным текстом.

В автографе последняя строка читается: «Живее *сладкого* свиданья», тогда как в альбоме: «Живее *самого* свиданья».

Третья строка в альбоме — «Они *унылые* мечтанья»; в автографе же первоначально было «*приятные* мечтанья», а затем слово *приятные* заменено на *унылые*, т. е. эта строка в обоих текстах совпала.

Какой же из текстов следует считать «истинным»? Какова последовательность их создания? Автограф не содержит обычного для Пушкина обилия исправлений и замен и не может быть признан черновым. Вероятнее всего, он более поздний, нежели альбомный, предназначавшийся для печати, и несет следы правки, вызванной не художественными, а иными соображениями.

Замена более логичного при сравнении с «разлукой» и более соответствующего метру слова *самого* (свиданья) на *сладкого* могла быть вызвана желанием по возможности приглушить автобиографический элемент. Отсюда и традиционный для свидания эпитет: *сладкое*, хотя то свидание, о котором идет речь, было совсем не сладким.

Что касается преследующего те же «антиавтобиографические» цели и тоже традиционного для мечтаний эпитета *приятные*, то он слишком про-

⁴ Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1974. С. 293.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 292.

творечил бы всей тональности стихотворения, и Пушкин отказался от него.

Таким образом, «истинным» текстом пушкинского стихотворения следует считать альбомный, вылившийся у Пушкина под непосредственным впечатлением от внушивших его событий и более соответствующий его настроению тех дней.

С. М. Громбах

«Мальчишка Фебу гимн поднес»

Эта известная эпиграмма Пушкина на Н. И. Надеждина была опубликована в альманахе «Северные цветы на 1830 год».

Мальчишка Фебу гимн поднес.
«Охота есть, да мало мозгу.
А сколько лет ему, вопрос?» —
«Пятнадцать». — «Только-то? Эй, розгу!»
За сим принес семинарист
Тетрадь лакейских диссертаций,
И Фебу вслух прочел Гораций,
Кусая губы, первый лист.
Отяжелев, как от дурмана,
Сердито Феб его прервал
И тотчас взрослого болвана
Поставить в палки приказал.

Ш, 187

Указывая на высокую оценку Пушкиным поэтического гения Горация, Л. А. Степанов пишет: «Понимание или непонимание подлинной сущности античного классика было для Пушкина очень важным показателем эстетической зрелости того или иного автора. Именно поэтому в известной эпиграмме 1829 г. он наказывает Надеждина усмешкой Горация и палками Феба. Гораций в эпиграмме предстает ближайшим помощником Феба на Парнасе».¹

Л. А. Степанов полагает, следовательно, что первый лист «тетради лакейских диссертаций» «семинариста» читает Фебу Гораций. Такая трактовка пушкинского текста, несмотря на ее широкую распространенность, представляется неверной.

В самом деле, имя Горация всплывает в эпиграмме только тогда, когда на Парнас взбирается «семинарист». С кем же разговаривает Феб до его появления, при чтении «гимна», поднесенного «мальчишкой»? Вне литературного контекста пушкинской эпиграммы понять это невозможно. Между тем стихотворение «Мальчишка Фебу гимн поднес» обращено к читателю, хорошо знакомому с эпиграммой В. Л. Пушкина «Какой-то стихотор». Опубликованная в 1798 г., она вошла в «Стихотворения» В. Л. Пушкина, изданные в 1822 г., и пользовалась большой популярностью.

¹ Степанов Л. А. Пушкин, Гораций, Ювенал // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1978. Т. 8. С. 81.

Какой-то стихотвор (довольно их у нас!)
Прислал две оды на Парнас.
Он в них описывал красу природы, неба,
Цвет *розо-желтый* облаков,
Шум листьев, вой зверей, ночное пенье сов
И милости просил у Феба.
Читая, Феб зевал и наконец спросил,
Каких лет стихотворец был
И оды громкие давно ли сочиняет.
«Ему пятнадцать лет», — Эрата отвечает.
«Пятнадцать только лет?» — «Не более того».
— «Так розгами его!»²

В своем критическом очерке о «Полтаве», полном грубых нападок на ее автора, Н. И. Надеждин, настаивавший на своем тезисе о незрелости пушкинского таланта, приложил к Пушкину историю пятнадцатилетнего «стихотворца», которую, как писал Никодим Надоумко,³ «рассказал нам так забавно почтеннейший дядюшка осуживаемого нами теперь поэта».⁴

Ответом на этот выпад Надеждина и стала эпиграмма «Мальчишка Фебу гимн поднес»: первое ее четверостишие представляет собою, как уже отмечалось комментаторами, лаконичное изложение басни В. Л. Пушкина.⁵

Но пересказывая стихи Пушкина-дяди, Пушкин-племянник не имел необходимости объяснять читателю, с кем говорит Феб в эпизоде с «мальчишкой» («А сколько лет ему, вопрос?» — «Пятнадцать»): Аполлону отвечает Эрата, муза — покровительница лирической поэзии, и нет ровным счетом никаких оснований полагать, что при появлении «семинариста» ее сменяет Гораций, будто бы обитающий на Парнасе на правах наперсника Феба.

В связи с чем же тогда в эпиграмме упоминается имя Горация?

По моему убеждению, Пушкин с сарказмом называет здесь Горацием самого Никодима Надоумко.

В эстетических воззрениях Надеждина Гораций с его «Наукой поэзии» имеет значение непререкаемого авторитета. В «Литературных опасениях за будущий год» Никодим Надоумко делает характерное примечание к пересказу своего спора с вымышленным оппонентом, поэтом Тленским: «Для Тленского, как первоклассного поэта, я безбоязненно цитовал места из Горациевой „*Artis Poëticae*“, которая, по моему мнению, должна быть если не Кораном, то, по крайней мере, русскою катехическою книжкою для всех нарекающихся поэтами».⁶ Поминутно обращаясь к латинским классикам, Надеждин цитирует Горация на языке оригинала чаще и про-

² Русская эпиграмма второй половины XVII—начала XX вв. Л., 1975. С. 195, № 536.

³ Никодим Надоумко — псевдоним Н. И. Надеждина.

⁴ Надеждин Н. И. Полтава, поэма Пушкина // Вестник Европы. 1829. № 8. С. 298.

⁵ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1956—1958. Т. 2. С. 502; Русская эпиграмма второй половины XVII—начала XX в. С. 760; Пушкин А. С. Эпиграммы. М., 1979. С. 161 и др.

⁶ Надеждин Н. И. Литературные опасения за будущий год // Вестник Европы. 1828. № 22. С. 83; Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 56.

страннее, чем кого бы то ни было, и не раз прибегает к его суждениям как к аргументам в своих нападках на Пушкина.⁷ В частности, его статья о «Полтаве» предпослан эпиграф из Горация: «Sumite materiam vestris, qui, scribitis, aequam Viribus! (Horat. de Art. Poët.)», сопровождаемый переводом А. Ф. Мерзлякова: «Берите труд всегда не выше сил своих!»⁸ причем значение этого эпиграфа Надеждин недвусмысленно поясняет своей заключительной сентенцией: «И не Пушкины надрывались тогда, когда брали дело не по силам!»⁹ Заметим, что введение Надеждиным в текст своих статей многочисленных латинских цитат, как правило, оставаемых им без перевода, было вполне сознательной полемической установкой. Так Никодим Надоумко умышленно «цитует» Горация в подлиннике, споря с Тленским, не способным отличить древнегреческий язык от латинского. Иронизируя над «первоклассным поэтом» Тленским, Надеждин выставляет недоучками своих противников — представителей «аристократического» крыла русской литературы, не имевших, по его мнению, систематического образования, незыблемой основой которого являлись для Никодима Надоумко классические языки: он «уснащал свои статьи эпиграфами и цтатами на античных языках с целью изъять литературную критику из сферы дворянского дилетантизма».¹⁰

В стихах «Тетрадь лакейских диссертаций» (III, 187) и «Тетрадь латинских диссертаций» (III, 771) видят обычно намек на докторскую диссертацию Надеждина, написанную на латыни.¹¹ Но и диссертация, и отрывки из нее на русском языке, напечатанные в «Вестнике Европы», увидели свет уже после публикации пушкинской эпиграммы в «Северных цветах»: ¹² в стихотворении «Мальчишка Фебу гимн поднес» Пушкин не мог еще иронизировать по поводу научного труда, доставившего Надеждину докторскую степень. И тем не менее слово «диссертация» было подсказано Пушкину самим Надеждиным. В «Литературных опасениях», стремясь обезоружить своих заведомых оппонентов, Надеждин предвосхитил их реакцию, заставив представителя литературной аристократии Тленского заявить Никодиму Надоумко: «Не тебе, брат! судить о вещах, кои

⁷ См., например: Вестник Европы. 1828. № 21. С. 16—17; № 22. С. 83—84, 98—99.

⁸ Надеждин Н. И. Полтава, поэма Пушкина // Вестник Европы. 1829. № 8. С. 287.

⁹ Там же. № 9. С. 26.

¹⁰ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1983. С. 130.

¹¹ См., например: Русская эпиграмма второй половины XVII—начала XX в. С. 760.

¹² «Диссертация Надеждина была издана в 1830 г. на латинском языке в виде отдельной книги (...) Почти одновременно Надеждин опубликовал на русском языке два отрывка из диссертации: „О настоящем злоупотреблении и искажении романтической поэзии“ (Вестник Европы. 1830. № 1. С. 3—37, 122—151) и „Различие между классическою и романтическою поэзиею, объясняемое из их происхождения“ (Атеней. 1830. № 1. С. 1—33)», — отмечает Ю. В. Манн (см. его коммент. к кн.: Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. С. 496). Эпиграмма «Мальчишка Фебу гимн поднес» была опубликована в альманахе «Северные цветы на 1830 год», вышедшем в свет в конце 1829 г.: цензурное разрешение на него датировано 20 декабря.

выше твоего студенческого понятия! Знал бы ты сидел за своими диссертациями, а не совался в чужое дело!..

Пушкин, конечно, оценил этот нехитрый ход, но не снисходя до контригры, ответил Надеждину в издевательски точном соответствии с его предвидением: «Суди, дружок, не выше сапога!» (III, 174).¹⁴ «Тетрадь лакейских диссертаций» и «Тетрадь латинских диссертаций» — столь же демонстративная реминисценция из монолога Тленского. «Латинскими диссертациями» Пушкин назвал критические статьи Надеждина за то, что они были наводнены цитатами из римских классиков и прежде всего Горация; именуя статьи Никодима Надоумко «лакейскими», Пушкин, как отметила Т. Г. Цявловская, намекал «на то, что Надеждин — лакей Каченовского»¹⁵ (ср.: «Лакей, сиди себе в передней, | А будет с баринном расчет». — III, 172). Отношение Никодима Надоумко к его меценату Каченовскому давало повод для полемически заостренного сближения Надеждина с боготворимым им Горацием: «Ты этого хотел, Жорж Данден!» В 1841 г. В. Г. Белинский писал: «Отпущенный холоп Гораций называл себя подражателем Пиндара и, посвятив свою сговорчивую музу хвалению своего доброго барина, благодетеля, отца и заступника — Мецената, ввел в моду поэзию прихожих...»¹⁶ Пушкинская концепция личности Горация была, по-видимому, близка к концепции Белинского. На протяжении всей жизни Пушкину было свойственно резкое неприятие покровительства вообще и меценатства в особенности. «Покровительство, принимаемое из честолюбия или из нужды, порабощает и унижает, бесчестит и позорит», — вот резюме высказываний Пушкина на эту тему. Характеристики Горация как «Августова певца» (II, 313), «придворного философа» (XI, 501) и «хитрого стихотворца» (VIII, 390) носят явный ирreverентно-превенебрежительный оттенок, как и известное суждение о том, что Гораций «хотел рассмешить Августа и Мецената своею трустою, чтоб не напомнить им о сподвижнике Кассия и Брута» (VIII, 390). Подобное шутовство было в глазах Пушкина низостью. Поэтому чувства, которые питал Надеждин — «[журнальный шут], холоп лукавый» (III, 172, 745) — к своему литературному «барину» (III, 172, 750, 751) М. Т. Каченовскому, ассоциировались у Пушкина с заискиванием «хитрого стихотворца» Горация перед его «вождем и покровителем» Меценатом (III, 893).

Пиэтический культ Горация, исповедуемый Надеждиным, постоянное обращение молодого критика к авторитету римского классика в борьбе с Пушкиным и заинтересованность в покровителях, роднившая «екстудента» с его латинским кумиром, побудили поэта к метонимическому переносу имени Горация на самого «болвана семинариста», каким был в пушкинском восприятии Никодим Надоумко. Заметим, что подобную прономинацию («Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций». — III, 155) Пушкин

¹³ Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. С. 64.

¹⁴ Заметим попутно, что слова Аеллеса в пушкинской эпиграмме пародируют надеждинский эпитаф из Горация в переводе А. Ф. Мерзлякова: «Берите труд всегда не выше сил своих!» — «Суди, дружок, не выше сапога!».

¹⁵ Пушкин А. С. Эпиграммы. С. 161.

¹⁶ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953—1959. Т. 5. С. 290.

использует в это же время в своем эпиграмматическом выпаде против поэта-сатирика и азартного игрока И. Е. Великопольского.

Образ «взрослого болвана», едва удерживающегося от самодовольного хохота и кусающего губы при чтении своего опуса, навеян, по-видимому, глумливым тоном, в котором были выдержаны статьи Надеждина: вполне отдавая себе отчет в том скандально-сенсационном резонансе, который они должны были вызвать, Никодим Надоумко открыто предвкушал их эффект, по мнению Пушкина, «в надежде славы хоть постыдной» (III, 745). Так, «Литературные опасения» — первый камень, пущенный в поэта Надеждиным, — кончались словами: «Жребий брошен — и я за Рубиконом!»¹⁷ Подобным пассажем завершается и очерк о «Полтаве»: «Что будет, то будет... Утешаюсь, по крайней мере, тою мыслию, что ежели певцу Полтавы вздумается швырнуть в меня эпиграммой — то это будет для меня *незаслуженное* удовольствие!»¹⁸

Доставляя Надеждину такое «удовольствие», — быть может, не совсем незаслуженное, — поэт обратил против своего врага его же оружие.

В. М. Файбисович

¹⁷ Надеждин Н. И. Литературные опасения за будущий год // Вестник Европы. 1828. № 22. С. 108; Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. С. 66.

¹⁸ Надеждин Н. И. Полтава, поэма Пушкина // Вестник Европы. 1829. № 9. С. 48.

К ЗАМЕТКАМ ПУШКИНА О ГРЕЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Среди бумаг Пушкина сохранились две заметки на французском языке: «Note sur la revolution d'Ipsylanti» и «Note sur Penda-Déka», которые обычно печатаются в разделе «Историческая проза». В последнее время было высказано вполне обоснованное, на наш взгляд, предположение, что на эти заметки нужно смотреть как на заготовки автобиографических записок Пушкина, к работе над которыми он приступил в 1821 г.¹ Вполне очевидно, что Пушкин набрасывает заметки, как только слухи о событиях доносятся до Кишинева. Следовательно, «Заметка о революции Ипсиланти» была написана в конце 1821 г., так как в ней упоминается о разгроме греческих повстанцев при монастыре Секу 23 октября (4 ноября по н. с.) 1821 г.

К этой заметке, как нам представляется, примыкает и пушкинская запись (также на французском языке) о греческих беженцах, которая помещается ныне в отделе пушкинских писем, а в исследовательской литературе прямо связывается с двумя его черновыми письмами о греческой революции.² Приведем эту запись полностью в переводе на русский язык (верхний край листа оборван): «...из Константинополя — толпа трусливой сволочи, воров и бродяг, которые не могли выдержать даже первого огня

¹ См.: Фомичев С. А. Проза Пушкина: (Начальный этап и перспективы эволюции) // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1987. Вып. 21. С. 7—8.

² См.: Левкович Я. Л. Три письма Пушкина о греческой революции // Там же. С. 16—23 (здесь же см. литературу по истории вопроса).

дрянных турецких стрелков, составила бы забавный отряд в армии Витгенштейна. Что касается офицеров, то они еще хуже солдат. Мы видели этих новых Леонидов на улицах Одессы и Кипшинова — со многими из них лично знакомы, мы можем удостоверить их полное ничтожество — они умудрились быть болванами даже в такую минуту, когда их рассказы должны были интересовать каждого европейца — ни малейшего понятия о военном деле, никакого представления о чести, никакого энтузиазма — французы и русские, которые здесь живут, выказывают им вполне заслуженное презрение; они все сносят, даже палочные удары, с хладнокровием, достойным Фемистокла. Я не варвар и не проповедник Корана, дело Греции вызывает во мне горячее сочувствие, именно поэтому-то я и негодую, видя, что на этих ничтожных людей возложена священная обязанность защищать свободу» (XIII, 106, 529).

В собраниях сочинений это «письмо» датируется одесским периодом жизни Пушкина — по упоминанию здесь Одессы. Но в Одессу Пушкин ездил в мае 1821 г.³ и уже тогда мог видеть там греческих беженцев. Как упоминание «армии Витгенштейна» (которая, предполагалось, могла выступить в поддержку гетеристов), так и весь контекст записи о грехах, бросившихся в Россию после резни в Константинополе в апреле 1821 г. и первых поражений гетеристов в Дунайских княжествах, были актуальны именно в 1821 г. Позже, 24—25 июня 1824 г., Пушкин писал Вяземскому из Одессы (в связи с известием о смерти Байрона в Миссолунгах): «Греция мне огадила. О судьбе греков позволено рассуждать, как о судьбе моей братья негров, [и] можно тем и другим желать освобождения от рабства нестерпимого. Но чтобы все просвещенные европейские народы рабства Грецией — это непростительное ребячество. Иезуиты натолковали [им] нам о Фемистокле и Перикле, а мы вообразили, что пакостный народ, состоящий из разбойников и лавошников, есть законнорожденный их потомок и наследник их школьной славы. Ты скажешь, что я переменял свое мнение, приехал бы ты к нам в Одессу посмотреть на соотечественников Мильтиада и ты бы со мною согласился» (XIII, 99).

Это почти парафраза заметки, процитированной выше, но в письме, как вполне очевидно, нет уже ни тени надежды на то, что на этих людей «возложена священная обязанность защищать свободу»: их, конечно, необходимо освободить, но сами они, по мнению Пушкина, уже не способны на такой шаг.

На неэпистолярный жанр пушкинского отрывка о греческих беженцах указывает, как нам кажется, и его обобщенно-личный стиль («Мы видели», «мы можем удостоверить»), переходящий к замечанию от первого лица («Я не варвар» и проч.). Тот же стиль — в так называемых «Заметках о русской истории XVIII века» («По смерти Петра...»), которые большинство исследователей считают вступлением к автобиографическим запискам Пушкина.

И еще одно замечание палеографического свойства. И «Заметка о революции Ипсиланти» (ПД, № 1066), и отрывок о греческих беженцах (ПД, № 47) написаны на бумаге одного сорта (голубой, верже) — по

³ См.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951. Т. 1. С. 297—298.

описанию Б. Л. Модзалевского, это бумага № 106; других автографов Пушкина на такой бумаге мы не знаем. Добавим к этому, что на обороте отрывка о греческих беженцах карандашом записан черновой набросок стихотворения «Генералу Пуцину» (1821), здесь же — портреты Инзова, выполненные карандашом и чернилами; карандашные рисунки (корабли), появляющиеся одновременно с автографом стихотворения «Генералу П. С. Пуцину», переходят на лицевую сторону листа, поверх текста отрывка о беженцах. Совокупность всех изложенных фактов позволяет твердо датировать отрывок 1821 г.

В заключение кратко коснемся спорной проблемы об адресате пушкинских писем о греческой революции (№ 19 и 94 по нумерации Большого академического издания. — См.: XIII, 22, 104). В последней работе на эту тему Я. Л. Левкович вновь обосновывает их адресовку В. Л. Давыдову. Но о переписке Пушкина с ним мы не располагаем сколько-нибудь достоверными сведениями. В любом случае В. Л. Давыдов неоднократно приезжал в Кишинев к М. Ф. Орлову и именно от него мог располагать всеми необходимыми сведениями о греческой революции. Если же исходить из круга известных нам корреспондентов Пушкина, то наиболее вероятным адресатом этих писем по справедливости следует считать П. А. Вяземского, с которым поэт особенно охотно вел эпистолярные «метафизические» разговоры. Из 78 дошедших до нас пушкинских писем южного периода наибольшее количество (18) вообще адресовано ему. Но ведь были и другие послания Вяземскому, до нас не дошедшие. Так, 5 апреля 1823 г. Пушкин спрашивал у него: «Охотников приехал? привез ли тебе нисыма и прочее» (XIII, 61); здесь же, выше, читаем: «Если летом ты поедешь в Одессу, не завернешь ли по дороге в Кишинев? я познакомлю тебя с героями Скулян и Секу, сподвижниками Иордаки...». Может быть, как раз с Охотниковым и было доставлено письмо (№ 94), известное нам лишь в черновике, в котором поэт протестует против слухов о его вражде к освобождающейся Греции. Датировка этого письма одесским периодом, принятая в пушкиноведении, основана на отнесении к той же поре заметки о греческих беженцах, что, как нами указано выше, нельзя считать корректным.⁴

Т. И. Левичева

⁴ Исходя из другой аргументации, И. Л. Фейнберг сближал отрывок о беженцах (а также письма № 19 и 94) с автобиографическими записками. См.: Фейнберг И. Л. Незавершенные работы Пушкина. 4-е изд. М., 1964. С. 288—292.

ИЗ РЕАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ К «СКУПОМУ РЫЦАРЮ»

В литературе уделялось немало внимания вопросу о социальном лице главного персонажа «Скупого рыцаря» — Барона Филиппа. «Скупой рыцарь» — трагедия могучих страстей и сильных характеров, но вместе с тем это трагедия о власти денег, о чудовищной патологии накопительства. Рассматривая власть денег как характерную черту буржуазного общества,

некоторые авторы склонны к чрезмерной модернизации сюжета и главного образа, превращая Барона в ростовщика, банкира и даже капиталиста. Мне кажется, такое толкование нарушает как художественную цельность трагедии, так и реальную социально-экономическую ретроспективу. Представленный Пушкиным с таким блеском мир средневековья превращается при этом в нечто вроде условной декорации.

Используя элементы вульгарного социологизма, подходил к этому вопросу И. М. Нусинов. Для него Барон — «переродившийся, обуржуазившийся рыцарь», который «рыцарский меч обменял на сундук банкира».¹ Между тем сам Барон говорит: «При мне мой меч: за золото отвечает / Честной булат» (VII, 112). И это надо понимать не только в буквальном, но в более широком — социальном — смысле: Барон — прежде всего рыцарь.

Глубже вопрос рассматривается у Г. А. Гуковского, но именно он своей оригинальной и талантливой работой способствовал утверждению критикуемого одностороннего взгляда. Он пишет, например, что Пушкин уяснил в «Скупом рыцаре» «моральную да и социальную суть капитализма».² Достаточно напомнить азбучную истину, что «социальной сутью» капитализма является наем рабочей силы капиталистом, на что мы не находим в трагедии, естественно, ни малейшего намека.

Сходным образом Б. П. Городецкий пишет, что в трагедии «Пушкин подметил стремительный процесс разложения феодально-крепостнического общества, рост товарно-денежных отношений, медленное, но неуклонное развитие капитализма...».³ Это сказано слишком прямолинейно. От феодала Барона Филиппа до буржуа дистанция огромного размера.

Д. Д. Благой относит действие пьесы к XVI в., не упоминая принятого в литературе предположения Г. А. Гуковского, что оно связано с эпохой герцога Бургундии Филиппа Доброго (середина XV в.).⁴ Рядом с Соломоном он предлагает видеть в Бароне «еще одного ростовщика», что означает совершенно игнорировать непреодолимые сословные перегородки феодального общества.⁵

В другой работе Д. Д. Благой пишет: «...именно наличие непосредственных жизненных впечатлений дало возможность гению Пушкина без нарушения исторической истины претворить зловещий образ своего средневекового рыцаря-ростовщика в грандиозное обобщение не только современного ему, но и грядущего буржуазно-капиталистического строя...».⁶ Неясно, прежде всего, какие жизненные впечатления могли подсказать Пушкину образ владельца шести сундуков с золотом, находящихся в подвале рыцарского замка. Но важнее то, что феномен власти денег, который был известен, скажем, уже Вергилию («auri sacra fames» — «проклятая

¹ Нусинов И. М. Пушкин и мировая литература. М., 1941. С. 71, 72.

² Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957. С. 319.

³ Городецкий Б. П. Драматургия Пушкина. М., 1953. С. 278.

⁴ См.: Мурьянов М. Ф. К реальному комментарию «Скупого рыцаря» // Временник Пушкинской комиссии. 1969. Л., 1971. С. 101—103.

⁵ См.: Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1975. Т. 4. С. 497.

⁶ Благой Д. Д. Душа в заветной лире: Очерки жизни и творчества Пушкина. М., 1977. С. 485.

жажда золота»), превращается у исследователя непосредственно в обобщение капитализма XIX в. Как известно, образ Скупого рыцаря проходит «фоновым мотивом» через ряд произведений Достоевского. Это называется у него «идеей Ротшильда». Нет сомнения, что у Достоевского речь идет о капиталистическом богатстве. Но это не может служить аргументом при истолковании социальной природы образа Барона. Ведь он исполнен властосальной художественной силы. При изображении мира, где деньги властвуют как капитал, Достоевский, конечно, предпочел гигантскую и загадочную фигуру Барона приземленному образу ростовщика Соломона, хотя последний, быть может, ближе к реальному Ротшильду.

Г. П. Макогоненко, анализируя трагедию, пишет, что «ничто, кроме капитала, не связывает его (Барона. — А. А.) с жизнью». Слово «капитал» можно понимать здесь скорее в обиходном, но не в научном смысле. Автор неоднократно называет страсть Барона «позорной».⁷ Но в реальном капитализме, где накопление капитала — в высшей степени почетное дело, понятия «капитал» и «позорная страсть» просто не совместимы.

Мне кажется, что ближе к истине в этом вопросе скромный популяризатор творчества Пушкина А. И. Гессен, который отнюдь не видит в Бароне «низкого ростовщика».⁸

В самом деле, самая природа и сущность капитала состоит в том, что он должен постоянно пребывать в движении. Только таким путем он может реализовать свою сущность, которая заключается в том, чтобы приносить доход в виде прибыли или процента. Любой капиталист (ростовщик, банкир) стремится к тому, чтобы его денежный капитал все время находился в обороте. Между тем Барон поступает прямо противоположным образом: он наполняет свои сундуки золотом для того, чтобы никогда его оттуда не выпускать. Всыпая горсть золотых монет в еще неполный сундук, он говорит, обращаясь к деньгам: «Ступайте, полно вам по свету рыскать, / Служа страстям и нуждам человека. / Усните здесь сном силы и покоя, / Как боги спят в глубоких небесах...» (VII, 112). Свой монолог Барон произносит наедине с самим собой, ему незачем лукавить: сундук действительно представляется ему конечным предназначением золота. Это вовсе не похоже на кассу ростовщика-капиталиста, которая по самому характеру его операций должна постоянно наполняться и опорожняться.⁹ Нет, Барон — принципиальный припрятыватель денег, выражаясь современным специальным языком, — тезавратор. Золото ему важно не в движении, а в покое, оно ценно лишь своей потенциальной властью, способностью купить любые товары и услуги. Но

⁷ Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830—1833). Л., 1974. С. 207 и след.

⁸ Гессен А. И. Жизнь поэта. М., 1972. С. 332.

⁹ Эту проблему почувствовал Б. В. Томашевский, когда, сравнивая мольеровского «Скупого» с пушкинским Бароном, отмечал принципиальное различие между ними. Персонаж Мольера органически буржуазен, и это проявляется в том, что он стремится не держать деньги, а пускать их в оборот. См.: Томашевский Б. «Маленькие трагедии» и Мольер // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Вып. 1. С. 125—126.

это лишь в мечтах, а в жизни Барон — аскет и скупец. Альбер говорит, что отец видит в деньгах не слуг и друзей, но господ, и добавляет: «А золото спокойно в сундуках / Лежит себе» (VII, 106). Лежит, по-коится... Ничего более невыгодного и бессмысленного не может сделать с деньгами банкир.

Скупой рыцарь — в большей мере тип докапиталистического собирателя сокровищ. Если подобный тип встречается при капитализме, то он воспринимается, по словам Маркса, как «помешанный капиталист». Сопоставляя его с новым типом накопителя капитала, он говорит: «Это стремление к абсолютному обогащению, эта страстная погоня за стоимостью являются общими и для капиталиста, и для собирателя сокровищ, но в то время как собиратель сокровищ есть лишь помешанный капиталист, капиталист есть рациональный собиратель сокровищ. Непрестанного возрастания стоимости, которого собиратель сокровищ старается достигнуть, спасая деньги от обращения, более пронзительный капиталист достигает тем, что он все снова и снова бросает их в обращение».¹⁰

Это место бросает свет на психологию и социологию накопительства, которым занимается Барон. Рациональный капиталист в трагедии — Соломон, которого Альбер встречает великодушным по богатству ассоциаций обращением: «Проклятый жид, почтенный Соломон...» (VII, 104). Ростовщик под надежный заклад и хорошие проценты охотно кредитует рыцарей. Это исторически достоверно: ведь именно на основе ссуд аристократам и дворянам в XV—XVI вв. возникают огромные по тем временам состояния магнатов капитала — и безымянных фламандских богачей, которых упоминает Соломон, и, скажем, хорошо известных в истории аутсбургских банкиров Футтеров.

Собирателю и хранителю мертвых сокровищ противопоставлен расточитель-сын — пока, впрочем, лишь потенциальный расточитель. Однако расточительство Альбера было бы полезнее для экономического развития, для роста производительных сил, чем накопительство Барона. Одним из важнейших условий раннего развития капитализма было так называемое первоначальное накопление — образование денежных капиталов в руках предприимчивых купцов и промышленников. Склонности и намерения Альбера предвещают, что его действия после смерти отца будут способствовать именно этому процессу, в сущности — превращению мертвого богатства в чей-то живой капитал.

Экономическое развитие Западной Европы в позднем средневековье вплоть до открытия Америки сдерживалось недостатком драгоценных металлов. Нехватка денег ограничивала рост товарного производства и обращения, накопление капитала, расширение наемного труда. Ведь деньгами в то время были только драгоценные металлы, бумажные деньги были «изобретены» не ранее конца XVII—начала XVIII в. По одной оценке, в позднем средневековье, когда происходит действие «Скупого рыцаря», во всей Западной Европе имелось всего лишь от 300 до 600 тонн золота. Автор специального исследования напоминает, что это не превышает количества золота, захваченного вавилонским владыкой Навуходоносором II при завоевании столицы Ассирии — Ниневии — в 607 г. до

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 164.

н. э.¹¹ Хорошо известно сравнение денежного обращения в экономике страны с кровообращением в человеческом теле. Накапливая мертвые сокровища в своих сундуках, Барон обескровливал «тело» народного хозяйства, в связи с чем возникает полушутливый вопрос: не является ли его смерть своего рода законным возмездием за экономический грех бесплодного накопительства?

В трагедии не уточняется, каковы источники доходов и накопления денег у Барона. Если ростовщичество, то мы не находим на это никаких указаний — ни прямых, ни даже косвенных. Показательно, что Белинский, которому принадлежит первый анализ трагедии, ни словом не упоминает о ростовщичестве Барона. Вдова с тремя детьми, стоявшая на коленях под дождем, и ленивец и плут Тибо могли быть должниками Барона по взятым ранее ссудам, но они могли быть также арендаторами земли или плательщиками феодальной подати. Последнее кажется более вероятным. Их отношения — это отношения феодального сеньора и зависимых от него крестьян, а не рыночные отношения независимых людей, работодателя и заемщиков. Это явно ощущается в лаконичных строках монолога Барона.¹² Конечно, не исключено, что Барон давал крестьянам деньги под проценты. Но представлять его неким подобием Иудушки Головлева было бы неуместно в любом смысле — и в социальном и в художественном. Барон мог иметь другие источники обогащения, но и они скорее всего вытекали из его положения средней руки феодала: поборы с горожан, с проезжих купцов. При этих крупных доходах сам Барон «в нетопленной конуре | Живет, пьет воду, ест сухие корки...» (VII, 106) и держит сына, «как мышь, | Рожденную в подполье» (VII, 109). Иначе говоря, расходы его сведены к минимуму. Таковы, можно думать, источники медленного, но неуклонного накопления его сокровищ.

Доказывая, что трагедия «Скупой рыцарь» не отразила в себе историю развития капитализма, я, разумеется, не собираюсь утверждать, что речь в ней сводится только к отношениям между феодалами и рыцарями. Это было бы так же нелепо, как, скажем, считать, что в «Моцарте и Сальери» изображен венский музыкальный мир конца XVIII в. — и только. Великое художественное произведение несет в себе гораздо более глубокую праяду истории.

А. В. Аникин

¹¹ Quiring H. Geschichte des Goldes. Stuttgart, 1948. S. 198, 203.

¹² Как замечает английский исследователь, Барон «не имеет наследственных угрызений совести по поводу выжимания последнего гроша из своих арендаторов и вассалов» (разрядка моя. — А. А.). Автор хочет сказать, что Барон — феодал, лишенный даже намека на патриархальное, «отеческое» отношение к своим подданным. См.: Bauley J. Pushkin. A. Comparative Commentary. Cambridge, 1971. P. 213. Характерно, что Бэйли пытается использовать неудачные формулировки Нусинова и Гуковского, чтобы в целом поставить под сомнение марксистское истолкование историко-социальных проблем, возникающих в связи с трагедией «Скупой рыцарь».

I

«Вот начало большого стихотворения, которое, вероятно, не будет окончено» (VI, 638).

Первая фраза предисловия к первому изданию первой главы «Евгения Онегина» в комментариях С. М. Бонди, Н. Л. Бродского, В. Набокова, А. Е. Тархова, Ю. М. Лотмана не являлась предметом специального толкования.¹ Между тем это — декларация Пушкина, и в ней заключен смысл, существенный для понимания как предисловия, так и первой главы, так и романа в целом.

В. С. Непомнящий, выделив рассматриваемую нами фразу особо, связал ее с изначальным представлением Пушкина о необычности жанра романа в стихах, о его принципиальной незавершенности.² Г. В. Краснов включил пушкинскую фразу в контекст европейской литературной традиции, сославшись на опыт Байрона и Гюго, — они представляли свои произведения читателю, давая понять, что от читательского успеха зависит продолжение сочинения, еще не законченного.³

На наш взгляд, в данном случае есть основания говорить о литературной цитате в тексте Пушкина.

Сравним:

«Вот начало большого стихотворения, которое, вероятно, не будет окончено». — «Вот начало безделки, которая занимала нынешним летом уединенные часы мои. Продолжение остается до другого времени; конца еще нет, — может быть, и не будет».⁴

Приведенный для сопоставления текст — из примечания Карамзина к его богатырской сказке «Илья Муромец». Впервые увидевшая свет в 1794 г., она пользовалась популярностью не только в первой, но и во второй половине XIX в. — об этом может свидетельствовать, в частности, стихотворение Добролюбова «Раз я темным зимним вечером» (1850), написанное, по его признанию, под воздействием карамзинского образца.⁵ Сюжетные ситуации, мотивы и образы «Ильи Муромца» прочно вошли в литературное сознание современников Пушкина. Один из возможных тому примеров — рецензия Дельвига 1830 г. на сочинения И. Козлова и Розена: Дельвиг сравнивает тех, кто наблюдает за русской литературой, со «стихотворным Ильей Муромцем», который «без помощи волшебного

¹ См.: Пушкин А. С. Евгений Онегин / Предисл.; примеч. и поясн. ст. С. М. Бонди. М.; Л., 1936; М., 1957; М., 1964; Бродский Н. Л. Евгений Онегин. Роман А. С. Пушкина: Пособие для учителя. М., 1964; Набоков V. Eugene Onegin: A Novel Verse by Aleksander Pushkin. New York, 1964. V. 1—4; Пушкин А. С. Евгений Онегин / Вступ. ст. и коммент. А. Тархова. М., 1978; Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. Л., 1980.

² См.: Непомнящий В. С. Начало большого стихотворения // Вопросы литературы. 1982. № 6.

³ См.: Краснов Г. В. Предисловие к первой главе «Евгения Онегина» // Болдинские чтения. Горький, 1982.

⁴ Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотв. М.; Л., 1966. С. 149.

⁵ См.: Добролюбов Н. А. Полн. собр. стихотв. Л., 1969. С. 260, 389.

шерстня просидел бы целый век над очарованной красавицей и не дождался ее пробуждения».⁶ Что же касается Пушкина, то сказка Карамзина отозвалась уже в его раннем творчестве: неоконченная лицейская поэма «Бова» (1814) создана с ориентацией на «Илью Муромца», написана тем же стихотворным размером — четырехстопным хореем дактилического окончания без рифм. «Илья Муромец» упоминается в эпиграмме на Карамзина «Послушайте: я сказку вам начну» (1816) — авторство эпиграммы по академической традиции приписывается Пушкину.⁷ С «Ильей Муромцем» переключаются некоторые сказочные мотивы поэмы Пушкина «Руслан и Людмила»: усыпление красавицы Черномором, ее пробуждение при помощи волшебного кольца, самое имя Черномор.⁸ Эти два произведения сближал «Московский телеграф», когда в 1833 г. писал о «щеголеватой народности» поэмы Пушкина.⁹ Кроме того сказка Карамзина должна быть учтена и как образец свободного шуточного повествования, усвоенного Пушкиным в «Руслане и Людмиле». Любопытно, что подражая пушкинской поэме, М. П. Загорский вновь обратился к карамзинскому сюжету, создав поэму «Илья Муромец»; отрывки из нее, напечатанные в 1825, 1827 и 1830 гг., были благожелательно встречены Пушкиным (см. письмо Пушкина к П. А. Плетневу от 4—6 декабря 1825 г. — XIII, 249). В 1832 г. Пушкин намеревался разработать сюжет «Ильи Муромца» — в рукописях его остался отрывок «В славной, в Муромской земле».

Но вернемся к предмету нашего рассмотрения. Как объяснить заключенную в интересующей нас фразе цитату из Карамзина? Зачем понадобилась она Пушкину? Какое значение приобретала в контексте предисловия, первой главы, всего произведения?

В предисловии Пушкин называет себя автором «Руслана и Людмилы», в первой главе романа представляет его героя своим читателям — «друзьям Людмилы и Руслана». Как известно, в жанровом отношении роман в стихах во многом учитывает опыт поэмы «Руслан и Людмила», которая в свою очередь была ориентирована на шуточную стихотворную сказку Карамзина. Цитируя примечание к «Илье Муромцу» в предисловии к первому изданию первой главы «Евгения Онегина», Пушкин ссылается на авторитет Карамзина — занимательного рассказчика неоконченной сказки, декларирует тем самым общую установку своего произведения на свободное, непринужденно-шуточное стихотворное повествование, а также установку на поэтику отрывка — жанра, освященного не только европейской, но и русской литературной традицией.

Цитата из Карамзина у Пушкина может быть истолкована и в ином плане. Карамзин не был в числе «друзей Людмилы и Руслана». Если Пушкин получил от Жуковского портрет со знаменательной надписью

⁶ Дельвиг А. А. Соч. Л., 1986. С. 266.

⁷ Переадресовка авторства данной эпиграммы А. С. Грибоедову, принятая Ю. П. Фесенко в статье «Эпиграмма на Карамзина. (Опыт атрибуции)» (Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1978. Т. 8), вызвала возражения. (См.: Бекетов П. В. Несостоявшаяся атрибуция // Русская литература. 1981. № 1).

⁸ См.: Владимиров П. В. Происхождение «Руслана и Людмилы» // Киевские университетские известия. 1895. № 6.

⁹ См.: Московский телеграф. 1833. Ч. 49, № 1.

«Победителю-ученику от побежденного учителя в тот высокаторжественный день, в который он окончил поэму „Руслан и Людмила“. 1820, марта 26, великая пятница», то другой учитель — Карамзин — не высоко оценил «поэмку молодого Пушкина»: «... в ней есть живость, легкость, остроумие, вкус, только нет искусного расположения частей, нет или мало интереса; все сметано на живую нитку».¹⁰ Цитируя в самом начале своего нового творения широко известную сказку Карамзина, Пушкин как бы вступал с учителем в творческое соревнование. «Безделке» патриарха русской литературы Карамзина дерзко и демонстративно противопоставлялась «безделка» молодого Пушкина, глубоко новаторское по своей сущности произведение, в котором автор следовал традиции и в то же время переосмыслил ее.

II

«Женись». — На ком? — «На Вере Чацкой».
 Стара. — «На Радиной». — Проста.
 «На Хальской». — Смех у ней дурацкой.
 «На Шиповой». — Бедна, толста.
 «На Минской». — Слишком томно дышет.
 «На Торбиной». — Романы пишет,
 [Палует] мать, отец дурак.
 «Ну так <на> Ленской <?>». — Как не так!
 Приму в родство себе лакейство.
 «На Маше Липской». — Что за тон!
 Гримас, ужимок миллион.
 «На Лидии». — Что за семейство!
 У них орехи подают,
 Они в театре пиво пьют.

Этот стихотворный текст Пушкина, черновой автограф которого найден на отдельном листке, был реконструирован Т. Г. Зенгер (Цявловской) в соответствии с формой онегинской строфы. Он предположительно отнесен к «Путешествию Онегина» в качестве строфы, тематически примыкающей к VIII строфе «Путешествия», и датирован концом 1829 г.¹¹

Нам представляется, что этот текст может быть рассмотрен как пушкинский вариант эпиграммы французского поэта Масона де Морвилье (1740—1789) «„Mariez-vous“ — „J'aime à vivre garçon...“».

Приведем перевод этой эпиграммы, выполненный Б. М. Федоровым:

«Женитесь вы». — «Люблю жизнь холостую».
 — «Я вам бы предложил...» — «Избави бог!»
 — «Вам полюбилось бы». — «И думать я не мог».
 — «В пятнадцать лет». — «Тем хуже взять такую».
 — «Скромна». — «Притворствует всегда».
 — «Мила». — «Гримасница». — «Прекрасна». — «Мне ж беда».
 — «Умна». — «Заговорит». — «Знатна». — «Так и спесива».
 — «Но сердце нежное». — «Ревнива».
 — «Таланты». — «И без них бешусь».
 — «И сверх того сто тысяч есть». — «Женюсь!»¹²

¹⁰ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 290.

¹¹ См.: Из черновых текстов Пушкина / Публ. и примеч. Т. Г. Зенгер // Пушкин — родоначальник новой русской литературы. М.; Л., 1941.

¹² Русская эпиграмма второй половины XVII—начала XX в. Л., 1975. С. 352.

При сопоставлении пушкинского текста с приведенной эпиграммой обращают на себя внимание общность темы, сходная диалогическая форма изложения, близкие по тону краткие характеристики. Однако взяв за образец эпиграмму Масона де Морвилле, Пушкин дает свой вариант: в быстром диалоге представлена не одна невеста, а ярмарка невест; не одной, а всем им даются острые негативные оценки; и все они, в отличие от французского источника, в конечном счете отвергаются разборчивым женихом. В краткую эпиграмматическую форму Пушкин мастерски вмещает картинку русского быта, сохраняя при этом эпиграмматическую основу избранного образца.

Текст эпиграммы Масона де Морвилле Пушкин мог знать во французском оригинале, но мог познакомиться с ним и с помощью перевода Б. М. Федорова, который был напечатан в «Невском альманахе на 1827 год». Как известно, Пушкин был и читателем, и автором «Невского альманаха». В «Невском альманахе на 1827 год», о котором идет речь, были помещены гравюры С. Галактионова (иллюстрации к «Бахчисарайскому фонтану»), «Нравоучительные четверостишия» Языкова, в создании которых принимал участие Пушкин, — это делает знакомство Пушкина с текстом Б. М. Федорова тем более вероятным. Но независимо от того, в оригинале или в переводе Б. М. Федорова прочел Пушкин эпиграмму французского поэта, нам представляется возможным на основании вышеизложенного включить Масона де Морвилле в число авторов, чьи сочинения так или иначе нашли отражение в творчестве Пушкина.

Н. И. Михайлова

О НЕКОТОРЫХ ИСТОЧНИКАХ «ИСТОРИИ ПУГАЧЕВА»

Созданию «Истории Пугачева», как известно, предшествовала большая исследовательская работа А. С. Пушкина над документальными и фольклорными источниками. Ее этапы, содержание и результаты изучались в отечественном литературоведении и историографии достаточно подробно.¹

После выхода в свет (1834 г.) «Истории Пугачевского бунта»² Пушкин продолжал архивные изыскания по «пугачевской» теме. Это было вызвано неполнотой того комплекса документов, хранившихся в государственных архивах, к которому поэт смог получить доступ в 1833—1834 гг.

В октябре 1835 г. Пушкин получил из Московского главного архива Министерства иностранных дел (МГАМИД) восемь пакетов документов

¹ См.: Грот Я. Приготовительные занятия Пушкина для исторических трудов // Русский вестник. 1862. Т. 42. № 12; Блок Г. Пушкин в работе над историческими источниками. М.; Л., 1949; Измайлов Н. В. Об архивных материалах Пушкина для «Истории Пугачева» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 438—454; Чхеидзе А. «История Пугачева» А. С. Пушкина. Тбилиси, 1963; Овчинников Р. В. Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»). Л., 1969.

² Название пушкинского труда было изменено августейшим цензором поэта Николаем I.

так называемого пугачевского портфеля Г.-Ф. Миллера, известного историографа и архивного деятеля XVIII в. В них находились любопытные документальные и мемуарные источники о восстании Пугачева. Остановим свое внимание на последних.

Специфика мемуаров как жанра очевидна. Они проникнуты индивидуальным взглядом автора на описываемые события, содержат эмоциональный пласт восприятия происходившего, выявляют такие подробности и нюансы, которые не могут быть переданы документами официального делопроизводства. Мемуарные сочинения позволяют исследователю помимо расширения фактической, содержательной стороны изучаемого процесса углубить психологический и бытовой фон событий прошлого. В этом плане мемуары несомненно представляли интерес для Пушкина не только как историка, но и как писателя.

Особенности происхождения и содержания мемуаров обуславливают и особый подход к их изучению. Существенно важным для анализа достоверности содержащихся в них сведений и понимания идейной направленности авторской позиции становится изучение мемуариста как личности (его социального положения, характера и образа жизни, биографических данных и т. д.). Это в свою очередь позволяет уяснить место, занимаемое автором мемуаров в кругу описываемых им событий, степень и полноту его осведомленности.

Между тем до настоящего времени мемуарные свидетельства о восстании Пугачева, которые были известны А. С. Пушкину, изучены с указанных выше позиций не в равной степени. Если наиболее обстоятельному сочинению П. И. Рычкова «Описание шестимесячной Оренбургской осады» («Летопись») посвящен ряд специальных работ, исследующих и содержание труда, и личность мемуариста,³ то в отношении двух других сочинений, повествующих об аналогичных событиях, картина совсем иная. Речь идет о «Дневной записке о самозванце и разбойнике Емельяне Пугачеве, веденной города Оренбурга церкви Благовещенской, что на Гостином дворе, священником Иваном Осиповым» и «Известии о самозванце Пугачеве», сочиненном священником Троицкой церкви г. Оренбурга Иваном Полянским. Оба мемуариста пережили шестимесячную осаду города от войск Е. И. Пугачева в октябре 1773—марте 1774 г.

Под такими пространными заглавиями эти воспоминания значились в описи дел, доставленных А. С. Пушкину, как уже было сказано, в октябре 1835 г. в числе документов «пугачевского» портфеля Миллера.⁴ Они

³ Пекарский П. П. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова: Сб. статей, читанных в Отделении русского языка и словесности имп. Академии наук. 1867. Т. 2. № 1; Кулябко Е. С., Чернышов А. М. Первый член-корреспондент Академии наук // Вестник АН СССР. 1962. № 10; Майорова А. С. «Описание шестимесячной Оренбургской осады» П. И. Рычкова — первый исторический труд о событиях Крестьянской войны 1773—1775 гг. // Историографический сборник. Саратов, 1983. Вып. 12; Светенко А. С. «Летопись» П. И. Рычкова как источник «Истории Пугачева» // XXVII Пушкинская конференция: Тез. докл. Оренбург, 1983.

⁴ Тетради № 1 и 3 указанной описи. В настоящее время они хранятся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) СССР (ф. 6, соответственно д. 435, ч. 2 и д. 525).

вызвали особый интерес исследователя. По просьбе А. С. Пушкина с указанных сочинений были сняты полные писарские копии, пополнившие его «архивные» тетради. Эти копии были для краткости озаглавлены «Записками», что вполне точно отражает их видовую принадлежность.⁵ По этим копиям воспоминания были опубликованы в девятом томе (ч. 2) Большого академического издания сочинений Пушкина в качестве приложений к тексту «Истории Пугачева» (составитель тома В. Л. Комарович). После этой публикации, которая позволяет рассматривать «Записки» И. Осипова и И. Полянского как самостоятельные источники, последние так и не стали предметом специального исследования.

На наш взгляд, это объясняется рядом причин. Во-первых, содержание воспоминаний И. Осипова и И. Полянского почти полностью поглощается информацией, сообщаемой П. И. Рычковым в своей «Летописи». Во-вторых, работа А. С. Пушкина над вторым изданием «Истории Пугачева», где он мог бы использовать в числе прочих новых материалов и «Записки» И. Осипова и И. Полянского, осталась незавершенной. И, наконец, сыграло свою роль отсутствие дополнительных сведений о самих Осипове и Полянском, которые ни в событиях большого общественного звучания, ни на литературном поприще более ничем себя не проявили.

Тем не менее введение в научный оборот новых биографических данных о мемуаристах представляется уместным не только в русле источниковедческого освоения истории пугачевского восстания, но и в контексте изучения творчества А. С. Пушкина, по праву считающегося первым историкографом Крестьянской войны 1773—1775 гг.

Неоднократные упоминания об И. Осипове и И. Полянском встречаются в официальной переписке и другой документации, связанной с деятельностью церковных учреждений Оренбурга. Все эти материалы хранятся в фонде «Канцелярии Оренбургского духовного правления» (№ 172) Государственного архива Оренбургской области (ГАОО).⁶

Сведений об Иване Осипове⁷ в материалах этого фонда содержится гораздо больше, чем о Полянском. Из них вырисовывается любопытный и несколько неожиданный облик мемуариста. Осипов предстает здесь человеком необузданного и неуживчивого нрава, участником многочисленных ссор, скандалов и судебных разбирательств, виной чему в немалой степени было его пристрастие к спиртному. Заметим сразу, что тип священника «хулигана» был не столь уж редок для представителей духовенства второй половины XVIII в. Н. Ф. Дубровин, автор трехтомной монографии о восстании Пугачева,⁸ рассматривая характерные черты морального облика и образа жизни различных категорий и слоев общества России того времени, приводит многочисленные свидетельства (например из «Записок» Семена Порошина

⁵ См.: ПД, ф. 244, оп. 3, № 152, л. 1—40 об., 41—72.

⁶ За указание этих сведений автор статьи приносит благодарность оренбургскому краеведу С. А. Попову.

⁷ К сожалению, установить отчество Ивана Осипова по указанным источникам не удалось.

⁸ Дубровин Н. Ф. Пугачев и его сообщники: Эпизод из царствования имп. Екатерины II. СПб., 1884. Т. 1—3.

(СПб., 1881)) о неблагоприятных поступках (грубости, самоудурстве и самоуправстве) священников самых различных духовных званий.⁹

Отчасти объяснение подобному положению дел можно найти в том, что пополнение кадров белого духовенства шло в основном не за счет людей, испытывавших особые чувства к вере, а из числа детей церковников, т. е. имело место сословное воспроизводство духовенства как социального института. Это вело, особенно на периферии, к обращению в духовный сан людей, не только не имевших к тому особого призвания, но и не получивших специального (духовного) да и светского образования.

Из числа таких «природных священнических детей» вступил в церковное звание в Татищевской крепости в 1747 г. и Иван Осипов.¹⁰ Сначала он служил в домовый церкви тогдашнего оренбургского губернатора Ивана Ивановича Неплюева, который в 1757 г. аттестовал Осипова в дьяконы к строящемуся в оренбургском форштадте Георгиевскому собору. После отъезда Неплюева в Иетербург Осипов был переведен дьяконом в Троицкую церковь. Но за «малоприходством» в 1763 г. был определен священником в Нижегородский пехотный полк, расквартированный в Оренбурге. После расформирования этого полка в 1764 г. Осипов просил Оренбургское духовное правление перевести его священником в Оренбургский драгунский полк, для чего представил ходатайства офицеров этого полка. Но правитель духовных дел протоиерей И. Дмитриев не дал на это согласия. Осипов был вынужден, минуя его, обратиться непосредственно к казанскому архиерею, за что был впервые оштрафован «двухнедельною эпитимиею, исполнением поклонов во Введенском соборе».¹¹ После этого просьба Осипова была удовлетворена, и он выехал в район Тобольской и Ишимской пограничных линий, на которых располагался Оренбургский драгунский полк. Судя по отзывам Осипова, служба армейским священником была ему особенно приятна: «В <полку> будучи, считался <я> от господ командующих почтенным и довольным».¹² С бригадным командиром генерал-майором Череповым И. Осипов участвовал в объездах и походах вдоль китайской границы, а в начале 1767 г. уже в должности священника Уфимского драгунского полка находился в корпусе того же Черепова «для усмирения бунтующих яицких казаков». В том же году корпус Черепова выступил в поход в Казанскую губернию «для предосторожности к прибытию е. и. в. Екатерины Алексеевны», где, по свидетельству Осипова, «графом З. Г. Чернышевым и бывшим тогда в Казане губернатором Волковым представлен <...> был с их о добром <его> поведении отрекомендованием персональности ея величества, и удостоен высочайшим ея благоволением пожалованного <...> шестисот рублевого награждения».¹³ Это была вершина службы И. Осипова. В том же 1767 г. по прошению оренбургского купечества и таможенного начальства он был причислен священником сразу двух церквей: Благовещен-

⁹ См.: Там же. Т. 1. С. 358—369.

¹⁰ ГАОО, ф. 172, оп. 1, д. 5472 (листы этого и многих других дел фонда не пронумерованы).

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

ской в Гостином дворе и церкви Захария и Елизаветы в Меновном дворе, где располагалась оренбургская торговая томожня. В этих должностях Осипов встретил события 1773—1774 гг., которые нашли отражение в его «Записках».

Ко времени восстания Пугачева И. Осипову было 47 лет.¹⁴ Как видно из приведенных выше свидетельств, Осипов не только хорошо знал оренбургский край, поскольку был его уроженцем, но и как священник различных воинских частей имел представление о состоянии и возможных способах ведения ими боевых действий, а также о мятежных настроениях яицкого казачества. Это во многом объясняет подробные и обстоятельные упоминания о составе и численности правительственных войск, вступающих в боевые действия с повстанцами, отражение чисто военных аспектов, которые имеются в его «Записках» (IX, 551—578). Точны данные Осипова о населенных пунктах и крепостях, ставших местами сражения, а также хронология основных событий оренбургской осады, которые подтверждаются другими источниками (IX, 206—368).¹⁵ Нашла свое выражение и «профессиональная» принадлежность мемуариста. Особенно ярко это выражено в стилизованных особенностях «Записок», избилующих обращениями к божественному промыслу, частыми ссылками на церковный календарь и оборотами речи, свойственными церковным проповедям. Эти особенности, кстати, столь же свойственны записям И. Полянского. Освещение событий под углом зрения религиозного деятеля проявляется в «Записках» и частыми упоминаниями о бедственном состоянии церкви и церковных святынь, захваченных пугачевцами, и тем, что одной из главных причин восстания И. Осипов считал раскольниковство яицких казаков, их отход от канонов официальной православной церкви. В свои «Записки» И. Осипов включил также полный текст двух увещаний архиепископа Казанского и Свияжского Вениамина (IX, 564—567, 575—577). Они играют роль идеологического противопоставления манифестам и указам Е. И. Пугачева. По мнению Осипова, эти увещания вселяли надежду и прибавляли силы осажденным оренбуржцам. Показательна сама концовка «Записок», в которой речь идет о плачевном состоянии церкви Захария и Елизаветы, разграбленной повстанцами. Упоминание об этой церкви становится понятным, так как Осипов был в ней священником.

Дальнейшая жизнь И. Осипова — это почти сорокалетняя цепь различных тяжб, судебных разбирательств и штрафов, в которых он фигурирует в качестве обвиняемой стороны. Во всех случаях аргументы против Осипова одни и те же: неисполнение приказов духовного начальства, несдержанность, буйство, нежелание идти на мировую. В 1775 г. с него был взыскан штраф в 5 р. за непредставление своего сына в духовную семинарию. В 1777 г. Осипов принес публичные извинения протоиерею И. Дмитриеву за поношение его чести и «написание ругательного ответа на посланный Дмитриевым приказ».¹⁶ Вспомним, что это был тот протоиерей, который препятствовал назначению Осипова на искомую им долж-

¹⁴ И. Осипов родился в 1726 г. (ГАОО, ф. 172, оп. 1, свиток 41, л. 41).

¹⁵ См. также: ЦГАДА, ф. 1100 (Канцелярия оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа), д. 1—10.

¹⁶ ГАОО, ф. 172, оп. 1, д. 4633, л. 143—152.

ность. В 1781 г. Осипову был учинен выговор за ослушность духовному правлению и неприятие посылаемых ему указов.¹⁷ В 1784 г. он отбывал двухнедельную эпитимию за «грубую подписку», отосланную им в Оренбургское духовное правление. В следующем году «за пьянство и бесчинство» на него была наложена уже месячная эпитимия с обязательством убирать снег около собора, а по средам и пятницам «употреблять одно сухоядение», от чего Осипов наотрез отказался.¹⁸ С другой стороны, — это подтверждает противоречивость личности Осипова, — 24 августа 1786 г. указом Казанской духовной консистории ему была объявлена «пастырская благодарность» за исправное построение на средства, данные прихожанамц, новой Вознесенской церкви, при которой он состоял священником с мая 1785 г.¹⁹

Но уже в 1787 г. разразилась новая тяжба. Знаменательно, что противной стороной в этом конфликте оказался не кто иной, как Иван Полянский. Оговоримся, что эта распря не имела никакого отношения к возможной неприязни, которая могла бы существовать между ними как сочинителями «Записок», посвященных одним и тем же событиям. Полянский до некоторой степени являлся антиподом Осипова. Он был на 18 лет моложе, окончил семинарию, отличался добропорядочностью. В 1787 г. Полянский стал «присутствующим» в Оренбургском духовном правлении и «благочинным», т. е. старшим священником, осуществлявшим надзор над несколькими приходами, — иными словами, непосредственным начальником И. Осипова.

В изложении И. Осипова причиной конфликта между ними было то, что «Полянский в приходы <...> входит со всякими домашними требами без всякой нужды для одной своей корысти самовольно, чем делает нам разорением обиду».²⁰ Свой протест Осипов выразил в присущей ему экстравагантной форме. Он публично пообещал Полянскому волосы «ободрать и лоб на затылке сделать».²¹ Церковные инстанции, в которых уже сложилось негативное мнение об Осипове, решили конфликт в пользу Полянского. Осипов был оштрафован на 10 р. и отрешен от служения в церкви и от прихода до публичного извинения перед Полянским.²²

В 1789 г. Осипов обратился в Казанскую духовную консисторию с проектом организации в Оренбурге воспитательного дома, «ибо весьма немало бывает несчастно рожденных младенцев, кои от матерей своих повергаемы бывают в разные места, отчего нередко лишаются жизни <...> а некоторые хотя и живы остаются и на вскормление берутся, но «должного» хранения и призрения не имеют».²³ Осипов предлагал «для опыта родильниц и младенцев построить дом на рынке <...> где собирается всегда немалое число народа, от коего может быть давание. Состоящие за Уралом рекою луга, остающиеся без отдачи, отдать в оброк (с выплатой воспитательному дому); ленивым бродягам собирать милостыню запре-

¹⁷ Там же, д. 5986.

¹⁸ Там же, д. 5198.

¹⁹ Там же, д. 5291.

²⁰ Там же, д. 5568.

²¹ Там же, д. 5450.

²² Там же, д. 5568.

²³ Там же, д. 5705.

тить же. Собираемые с неисповедников штрафы употреблять на воспитание оных младенцов...»²⁴ Эта инициатива Осипова наглядно показывает, что при всех своих слабостях и недостатках он был человеком, который не мог спокойно видеть вопиющие неурядицы своего времени. В ответе же казанского архiereя ему было недвусмысленно заявлено, чтобы «он лучше молился богу, а не лез в гражданские дела».²⁵ Кроме того, за обращение в вышестоящие инстанции, минуя непосредственное начальство, на Осипова был наложен еще один штраф в 10 р.

В последующие годы Осипов был неоднократно штрафован за публичные оскорбления офицеров, купцов и других жителей Оренбурга. Но несмотря на подобные рецидивы, духовного сана он лишен не был. Более того, когда в ноябре 1798 г. семидесятидвухлетний Осипов, будучи священником Крестовоздвиженской церкви, «просил о увольнении его за старостию и болезнью от должности», консистория определила его к медицинскому освидетельствованию и по заключению врачебной управы решило, что «он от той болезни освободиться может».²⁶ Последнее упоминание об Иване Осипове обнаружено в ревизской сказке от декабря 1815 г. по одноприходной церкви Вознесения Христа Спасителя г. Оренбурга: «К сей сказке <...> протопоп Иван Осипов руку приложил».²⁷ В тот год Осипову исполнилось 89 лет.

Совсем иного характера упоминания об Иване Степановиче Полянском (1744—1795). Четырнадцать лет от роду он был взят в Казанскую семинарию и «по выслушании богословия в 1770-м году из оной уволен». В Оренбург же (по собственному свидетельству Полянского) он прибыл 1 сентября 1773 г., т. е. в самый канун Пугачевского восстания. Едва устроившись на новом месте, он стал свидетелем событий, потрясших устои империи. Интерес, проявленный им к описанию событий восстания, выдает в Полянского человека думающего, склонного к анализу происходящих событий. Но недостаток личного опыта и знания о событиях, предшествовавших началу восстания, описанию которых, однако, уделено значительное место в его «Записках», заставляет сделать предположение, что эту информацию он мог почерпнуть из личных бесед с более осведомленными людьми, в числе которых, весьма вероятно, мог быть и Иван Осипов. Описание непосредственной осады пугачевцами Оренбурга у Полянского и свидетельства других упоминаемых нами источников взаимно дополняют друг друга, хотя в целом последние более отрывочны. Показательно и то, что «Записки» обрываются 1773 г. Последние записи, относящиеся к концу декабря, когда положение осажденного города было весьма критическим, наглядно свидетельствуют о тяжелейших испытаниях духа, выпавших на долю жителей Оренбурга (IX, 598). Трудно сказать, почему Полянский прекратил свои записки. Возможно, он узнал что подобную работу ведут П. И. Рычков, чей авторитет как ученого, так и высокопоставленного чиновника был очевиден, и И. Осипов. Но и имеющийся текст «Известия о самозванце Пугачеве» И. Полянского содержит

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, д. 7387, 7406.

²⁷ Там же, оп. 2, д. 2.

в себе индивидуальный авторский почерк. В идейном плане сочинение Полянского крайне тенденциозно: яицкие казаки для него — «воровской сброд, изменники и вероотступники»; уничижительными эпитетами и проклятиями сопровождается каждое упоминание о них. Вместе с тем у Полянского отсутствует оценочный подход (не говоря уже о критическом осмыслении, характерном для Рычкова) к мероприятиям оренбургской администрации. Тем не менее фактические данные из воспоминаний Полянского вполне соотносятся с другими источниками об осаде Оренбурга.

Дальнейшая биография И. Полянского вполне благополучна. В 1776—1780 гг. он состоял на выборной должности «закащика» церковной утвари, в течение десяти лет пазначался «благочинным» и «ученым» священником, проводившим процедуры принятия к присяге должностных лиц. В 1791 г. в ведомости о церковнослужителях о нем говорится: «Иван Степанов <Полянский>, вдов, 47 лет, был сын 1 года 8 месяцев, умер 1791 г.»²⁸ Очевидно, смерть близких повлияла на решение Полянского в 1793 г. постричься в монахи. Он был переведен в распоряжение Казанского духовного правления. Но вскоре, в 1795 г., умер, будучи духовником архиерейского дома в Казани, «в надежде к пострижению в монашество».²⁹

Затронем в заключение вопрос о появлении рассмотренных источников в «пугачевском» портфеле Миллера. Логично было бы предположить, что они могли попасть туда через посредничество П. И. Рычкова, состоявшего с Миллером в оживленной переписке. Но в ней мы не находим упоминания о «Записках» И. Осипова и И. Полянского.³⁰ Рукописи «Записок» с сопроводительным письмом И. Полянского были отосланы в 1776 г. в Казань архимандриту Платону Любарскому, который был информатором Н. Н. Багтыша-Каменского (известного архивного деятеля и историка) о событиях Крестьянской войны в Казани и прилегающих губерниях. Любарский передал эти рукописи в Москву, где они поступили в состав фондов МГАМИД, а спустя более чем полвека попали к А. С. Пушкину.³¹

А. С. Свеченко

²⁸ Там же, ф. 172, оп. 1, д. 5986.

²⁹ Там же, д. 6684.

³⁰ Ленингр. отд-ние Архива АН СССР (ЛЮА АН СССР), ф. 21 (Миллер), оп. 3, д. 237, 238 (письма П. И. Рычкова за 1770—1777 гг.).

³¹ Известен еще один список этих сочинений, исходивший от Любарского в адрес его церковного начальства: ЛЮА АН СССР, Рукописи, разряд II, оп. 1, д. 122, л. 194—219, 220—254 об.

ЕЩЕ РАЗ О РЕМАРКЕ «НАРОД БЕЗМОЛВСТВУЕТ»

Изучая заключительную ремарку «Бориса Годунова», исследователи указывали разные ее источники: изречение Мирабо,¹ «Историю государ-

¹ Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984. С. 221—252.

ства Российского» Н. М. Карамзина,² «Сравнительные жизнеописания» Плутарха.³ Как справедливо пишет Н. И. Михайлова, «думается, однако, что этот ряд может быть продолжен».⁴

Конечно, может, поскольку все эти источники сами восходят к крылатому латинскому выражению «Vox populi, vox dei» («Глас народа — глас божий»). Это представление сформировалось еще в античности: у Гомера («Народная молва» — «вестница Зевса» («Илиада». — II, 94 и др.)), у Гесиода («Никакая молва, звучащая из уст многих людей, не пропадает: она сама есть некое божество». — «Труды и дни»), у Сенеки Старшего («Верьте мне, священна речь народа», — слова Романа Гиспона («Контроверсии». — I, 1, 10)). В «Словаре латинских крылатых слов» читаем: «В форме vox populi, vox dei это крылатое выражение получает распространение в средние века». У Алкуина (VIII в.): «...solent dicere vox populi, vox Dei, cum tumultuositas vulgi semper insaniae proxima sit» («...постоянно повторяют „глас народа — глас божий“, тогда как беспорядочная возбудимость толпы всегда близка к безумию».)⁵

Как голос, так и молчание народа есть знак божьего мнения. Прислушиваться к нему (голосу или молчанию) — значит прислушиваться к высшей справедливости мира. Подобные высказывания мы можем найти у многих и многих авторов. Однако этот факт не объяснит всего смысла пушкинской ремарки, имеющей долгую традицию, так что прямой задачей является анализ ее в творчестве поэта.⁶

Впервые безмолвие народа упомянуто в оде «Вольность».

Восходит к смерти Людовик
В виду безмолвного потомства,
Главой развенчанной приник
К кровавой плахе Вероломства.
Молчит Закон — народ молчит,
Падет преступная секира...
И се — злодейская порфира
На галлах скованных лежит.

II, 46

Согласно историко-философской концепции «Вольности» Закон выше требований народа и претензий царя. Подчинение Закону обязательно для обеих сторон, нарушение же его — величайшее преступление.

И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно!

II, 46

² Гархова Н. А., Листов В. К. К истории ремарки «Народ безмолвствует» в «Борисе Годунове» // Временник Пушкинской комиссии. 1979. Л., 1982. С. 96—102.

³ Михайлова Н. И. К источникам ремарки «Народ безмолвствует» в «Борисе Годунове» // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1986. Вып. 20. С. 150—153.

⁴ Там же. С. 150.

⁵ Бабичев Н. Т., Боровский Я. М. Словарь латинских крылатых слов: 2500 единиц / Под ред. Я. М. Боровского. 2-е изд. М., 1986. С. 878.

⁶ Единственную попытку такого рода — указание на сравнение ремарки и цитаты из «Вольности» — см.: Нольман М. Система пушкинских образов // Вопросы литературы. 1971. № 9. С. 106.

Вместе с тем в цитированной строфе оды молчание народа приравнено молчанию Закона. С одной стороны, это может быть объяснено влиянием крылатых слов Мирабо⁷ «Молчание народа — урок королям», но с другой стороны, молчание народа — это молчание Закона, «гласа божьего».

В дальнейшем Пушкин обращается к той же теме в стихотворении «Кинжал» (1821):

Где Зевса гром молчит, где дремлет меч Закона,
Свершитель ты проклятый и надежд.
Ты кроешься под сенью трона,
Под блеском праздничных одежд.

II, 173

Опять молчание бога замещает собою молчание народа и приравнивается дремлющему «мечу Закона». Народ по-прежнему молчит, на исторической арене мы видим историческую личность:

Шумит под Кесарем заветный Рубикон,
Державный Рим упал, главой поник Закон;
Но Брут восстал вольнолюбивый:
Ты Кесаря сразил — и мертв объемлет он
Помпея мрамор горделивый.

II, 173

Историко-философская концепция «Кинжала» в сравнении с «Вольностью» меняется. Даже Закон «Вольности» превращается в Закон «Кинжала»: нарушение Закона героем-одиночкой — уже не преступление, но справедливое возмездие тирану. Молчание народа (Закона) может, конечно, рассматриваться как реминисценция из Плутарха,⁸ но переданное метафорой «Зевса гром молчит», оно восходит, как мы видели, непосредственно к Гомеру и в конечном счете к тому же крылатому выражению.

Однако в обоих случаях оценка народного молчания одинакова. И в «Вольности» и в «Кинжале» молчание народа означает его пассивность, неспособность к принятию правильного решения. Эта историческая пассивность народа отражается практически во всех политических стихотворениях 1821—1823 гг.

Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет.

«(В. Л. Давыдову)». — II, 179

Кто, волны, вас остановил,
Кто оковал [ваш] бег могучий,
Кто в пруд безмолвный и дремучий
Поток мятежный обратил?

II, 238

⁷ Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. С. 246 и след.

⁸ Михайлова Н. И. К источникам ремарки «Народ безмолвствует» в «Борисе Годунове». С. 151.

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.⁹
«Свободы сеятель пустынный». —
II, 302

В последнем стихотворении, впрочем, уже формировалось новое представление о молчании народа. Оно, это молчание, не только лишало героя поддержки в борьбе с тиранией, но и вообще обесмысливало его деятельность: «Но потерял я только время, | Благие мысли и труды. . .» (II, 302). Зависимость «судьбы человеческой» от «судьбы народной» уже прямо подготавливается этим стихотворением.

Но первоначально «Борис Годунов» заканчивался иначе. На слова Мосальского «Кричите: да здравствует Димитрий» — народ отвечал: «Да здравствует царь Димитрий Иванович!» (VII, 302). И только при издании трагедии в 1831 г. появилась эта заключительная ремарка «Народ безмолвствует». Появление ее, конечно, можно объяснить влиянием двенадцатого тома «Истории государства Российского»,¹⁰ но с другой стороны, безмолвие народа имеет здесь отличный от Карамзина смысл. Для Пушкина 1825 г. безропотная поддержка народом преступления, совершаемого партией Самозванца, означает народную пассивность, безразличие к историческим судьбам Отечества, так что крики «Да здравствует царь Димитрий Иванович!» по существу означали молчание. В 1830 г. Пушкин начинает видеть в народе решающую силу истории. Безмолвие народа — ответ активный и резкий, это здравая, трезвая реакция на преступление. Конечно, снятие прежнего финала могло быть обусловлено использованием его у Булгарина,¹¹ но, кроме того, это было вызвано и переосмыслением роли народа в историческом процессе.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что не количество возможных источников, а включение в контекст всего творчества поэта может объяснить смысл пушкинской ремарки.

М. В. Строганов

⁹ Все эти произведения, видимо, оказали влияние на Н. М. Языкова как автора двух элегий 1824 г. — «Свободы гордой вдохновенья! Тебя не слушает народ» и «Еще молчит гроза народа, | Еще окован русский ум».

¹⁰ Листов В. С., Тархова Н. А. К истории ремарки «Народ безмолвствует» в «Борисе Годунове». С. 98.

¹¹ Там же. С. 97. — Любопытно, что в статье «Горжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» оба этих момента — полемика с Булгариным и использование пословицы — смыкаются. Пушкин пишет, что в защиту булгаринского романа «Иван Выжигин» Н. И. Греч напечатал статью, где «доказал неоспоримо», «что пословица: *vox populi, vox dei* есть пословица латинская, и что она есть истинная причина французской революции» (XI, 204). Здесь же Феофилакт Косичкин, защищая своего друга А. А. Орлова, писал: «...грозно требуют ответа от моего друга: как дерзнул он присвоить своим лицам имя, освященное самим Фаддеем Венедиктовичем? — Но разве А. С. Пушкин не дерзнул вывести в своем *Борисе Годунове* все лица романа г. Булгарина, и даже воспользоваться многими местами в своей трагедии (писанной, говорят, пять лет прежде и известной публике еще в рукописи)?» (XI, 209—210).

К ПРОБЛЕМЕ «ПУШКИН И МИЛЬТОН»

В кругу вопросов, объединяемых емкой рубрикой «Пушкин и западные литературы», проблема рецепции творчества Мильтона величайшим русским поэтом принадлежит к числу, казалось бы, вполне очевидных. Между тем в ее освещении есть еще немало белых пятен, а разработка отдельных частных вопросов до сих пор еще не сложилась в общую картину.

Своеобразие этой проблемы в значительной мере определяется тем обстоятельством, что Милтон питал специальный интерес к России. Еще в 1650-х гг. он написал «Краткую историю Московии и других малоизвестных стран, лежащих на Восток от России до самого Китая»,¹ опубликованную уже после смерти поэта — в 1682 г. Отзвуки его интереса к России слышны и в поэме «Потерянный рай».

Знакомство с творчеством Мильтона в России возникает в середине XVIII в. Первый перевод поэмы «Потерянный рай» был выполнен бароном А. Г. Строгановым. Это был любительский перевод, который так и остался рукописным.² В 1780 г. в типографии Н. И. Новикова был напечатан прозаический перевод «Потерянного рая», выполненный с французского посредника архиепископом Амвросием (Серебренниковым). За три года до того переводчик «Энеиды» В. П. Петров — «второй Ломоносов», по выражению Екатерины II, — переложил прозой (но непосредственно с английского!) три первые книги «Потерянного рая». Наконец, на пороге нового века, в 1805 г., появился перевод фрагмента из третьей книги поэмы, выполненный Н. И. Гнедичем с французского перевода Делиля. К началу века относится и зарождение интереса к Мильтону в русской критике и академическом литературоведении.

Итак, в русской литературе рубежа XVIII—XIX вв. и начала XIX в. у Пушкина было довольно много предшественников среди писателей, критиков, переводчиков и историков литературы, всерьез интересовавшихся Мильтоном. Назовем только некоторые имена: А. А. Писарев, А. Ф. Мерзляков, акад. И. И. Давыдов, Н. М. Карамзин, А. Н. Радищев, В. А. Жуковский, Н. И. Гнедич, В. К. Кюхельбекер. Даже этот неполный ряд достаточно представителей.

В единственной работе, посвященной интересующему нас вопросу, — статье «Творчество Джона Мильтона в оценке Пушкина» — Р. М. Самарин своеобразно «вписывает» пушкинские оценки в историю восприятия Мильтона в России. Не очень лестно отзывавшись о толковании Мильтона русским академическим литературоведением (в лице А. Ф. Мерзлякова и И. И. Давыдова), исследователь пишет: «Но была другая русская традиция восприятия Мильтона, умевшая в авторе „Потерянного рая“ найти те черты „политического писателя“, которые так понравились в Мильтоне Пушкину.

¹ Подробнее об этом см.: Сенци М. Милтон о России // Русско-европейские литературные связи. М.; Л., 1966. С. 284—292; Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII в.—первая половина XIX в.) // Литературное наследство. М., 1982. Т. 91. С. 40—44, 97—98.

² См.: Одаховская И. Примечания // Милтон Дж. Потерянный рай; Самсон-борец; Стихотворения. М., 1976. С. 510.

Эта традиция от Радищева шла к декабристам, среди которых Кюхельбекер был глубоким знатоком и ценителем Мильтона...».³

Несомненно, русская дворянская культура конца XVIII—начала XIX в. отнюдь не была монолитна, и в толковании явлений литературы прошлого русская критика обнаруживала разные, подчас полярные тенденции. Тем не менее попытка резко разграничить «две традиции» в восприятии творчества Мильтона русской литературной мыслью выглядит, на наш взгляд, некоторым упрощением.

В несостоятельности и априорности такого разграничения убеждаешься при внимательном изучении «допушкинских» суждений о Мильтоне. Радищев, к примеру, восхищался его изобразительной мощью,⁴ а Карамзин отдавал предпочтение «глубокомысленным сочинениям» Мильтона перед «бессмысленными» писаниями «коварного фанатика» Кромвеля.⁵ Действительно, не всех критиков и литераторов в равной степени привлекал политический радикализм английского поэта и памфлетиста, однако же непроницаемой стены между разными тенденциями в его творчестве нет. Так, у А. Ф. Мерзлякова встречаем мы восхищение богоборческим пафосом «Потерянного рая» и энтузиазмом Мильтона-художника и, напротив, у Кюхельбекера находим «нейтральные», казалось бы, суждения о «гармонии стиха» Мильтона, о точности его описаний и т. п.⁶

Попытки оторвать Пушкина от традиции академического литературоведения — это по сути и попытки вывести его за рамки карамзинской традиции в восприятии творчества и личности Мильтона. Разумеется, ни Кюхельбекер, ни Пушкин не повторяли карамзинских оценок, но значение Карамзина для восприятия истории и исторических личностей каждым из них трудно переоценить.

По-видимому, сколь бы ни отличались друг от друга высказывания разных русских литераторов о Мильтоне, будет правомернее заключить, что со второй половины XVIII в. в России существовала одна, довольно широкая традиция восприятия личности и творчества великого английского поэта; притом каждой последующей стадии в освоении его наследия были свойственны больший охват материала и большая точность в сравнении со стадией предыдущей. Пушкин — критик Мильтона несомненно наследовал и академическому литературоведению рубежа веков, и Карамзину, и литературной критике начала XIX в.

Впервые Пушкин упомянул имя Мильтона еще в лицейские годы в отрывке из оставшейся неоконченной поэмы «Бова» (1814). Начиная с 1825 г. поэт в своих статьях, заметках и письмах все чаще обращается к личности и наследию создателя «Потерянного рая» и «Самсона-борца». Венчает его рассуждения о Мильтоне статья «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“» (1836), опубликованная посмертно в пятом томе «Современника» за 1837 г. В библиотеке Пушкина сочине-

³ Самарин Р. М. Творчество Джона Мильтона в оценке Пушкина // Доклады и сообщения филол. фак-та Моск. ун-та. 1948. Вып. 6. С. 69.

⁴ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 115.

⁵ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 348.

⁶ См.: Литературная критика 1800—1820-х годов. М., 1980. С. 158—161; Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 306, 480.

ния английского поэта (в оригинале и во французских переводах) были представлены разными изданиями.⁷ Разрезанные страницы и пометы говорят о том, что русский поэт читал в оригинале не только «Потерянный рай», но и поэму «Возвращенный рай», оды, сонеты, псалмы и другие поэтические сочинения Мильтона, включая его переводы с греческого, латинского и итальянского языков.

Мильтон упоминается Пушкиным в разном контексте, но чаще всего в одном ряду с именами Гомера, Вергилия, Данте, Ариосто, Шекспира, Гете, Байрона. Не будет преувеличением сказать, что Мильтон находится в числе кумиров Пушкина, его наивысших литературных авторитетов. Факт этот в какой-то степени объясняется и тем обстоятельством, что Мильтон привлекает русского поэта смолоду и как творец и как личность.

В восприятии уникальной личности великого английского поэта Пушкин идет, в основном, в русле традиций, проложенном Карамзиным и Радичевым. Вот некоторые из его суждений, укладываемые в значащий и выразительный ряд.

В статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (1825) есть такие слова: «Но Мильтон и Данте писали не для *блаосклонной улыбки прекрасного пола...*» (XI, 33). Здесь звучит не только преклоение перед духовной независимостью гениальных людей, но и презрение к современникам, заискивающим перед светской публикой.⁸

В «Заметках и афоризмах разных годов» Пушкин восхищается «гордым желанием» Мильтона, который «говаривал»: «С меня довольно и малого числа читателей, лишь бы они достойны были понимать меня» (XII, 178). А во второй черновой редакции статьи «О ничтожестве литературы русской» читаем: «Ни один из французских поэтов не дерзнул быть самобытным, ни один, подобно Мильтону, не отрекся от современной славы...» (XI, 503).

Более развернуто рассуждает русский поэт о личности великого англичанина в статье «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“». В этом сочинении помимо разбора перевода, выполненного Шатобрианом,⁹ содержится резкая полемика по поводу изображения личности Мильтона в драме В. Гюго «Кромвель» и в романе А. де Виньи «Сен-Мар». Первый из них (в отличие от Мильтона «второстепенный» поэт, по мысли Пушкина) изобразил создателя «Потерянного рая» в кругу придворных Кромвеля «жалким безумцем», «ничтожным пустомелей» (выражения Пушкина), человеком, которого легко унижить и осмеять. Еще резче осуждает автор статьи другого французского романтика — «чопорного, манерного графа Виньи», выведшего в одной из глав романа «Сен-Мар» фигуру Мильтона, ставшего посмешищем французского салона, в коем лишь Декарт, Корнель и Мольер могли по достоинству оценить стихи английского гостя.

⁷ См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина // Пушкин и его современники. СПб., 1910. Вып. 9—10. С. 290.

⁸ Точный комментарий к этому высказыванию см.: Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 64—67.

⁹ О проблеме «Пушкин и Шатобриан» в связи с рассматриваемой статьей см.: Гиллельсон М. И. Статья Пушкина «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного Рая“» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979. Т. 9. С. 231—240.

Решительно отвергая «удивительные вымыслы» Гюго и Виньи, Пушкин предлагает читателю — как положительную антитезу — ознакомиться с картиной «встречи одного из действующих лиц с Мильтоном в кабинете Кромвеля» в романе Вальтера Скотта «Вудсток». Как заметил в свое время Д. П. Якубович, «Пушкин ошибочно указал Мильтона как лицо, встречающееся в „Вудстоке“ с Кромвелем (в действительности Мильтон там только упоминается)»,¹⁰ но ошибка эта не вносит переакцентировки в ведущий спор. Пушкин отдает предпочтение иной, скоттовской, поэтике: у Гюго и Виньи ему явно недостает и с т о р и з м а.

Очень точно Пушкин указывает на слабость в повествовании Виньи: Мильтон зачем-то декламирует стихи из «Потерянного рая», хотя гостям в салоне Марион Делорм уже розданы листочки с французским переводом этих мест. К пушкинскому упреку можно добавить другой, не менее серьезный. Мильтон у Виньи читает в парижском салоне отрывки из «Потерянного рая» по крайней мере за полтора десятилетия до того, как он в действительности приступил к работе над этим произведением. Таким образом, в «Сен-Маре», автор которого шел по пути, проложенному Вальтером Скоттом, Пушкину явно не хватало скоттовской точности в соотношенности судьбы вымышленной с исторической реальностью.

Основным источником представлений о Мильтоне-человеке оказываются для Пушкина произведения английского поэта. Споря с трактовкой выдающейся личности в драме Гюго, автор статьи восклицает: «...не таков был Джон Мильтон, друг и сподвижник Кромвеля, суровый фанатик, строгий творец Иконокласта и книги: *Defensio populi!* Не таким языком изъяснялся бы с Кромвелем тот, который написал ему свой славный пророческий сонет: *Cromwell, our chief of men!* Не мог быть посмешищем развратного Рочестера и других придворных шутов тот, кто в *злые дни* (имеется в виду период Реставрации. — *М. С.*), *жертва злых языков*, в бедности, в гонении и в слепоте сохранил непреклонность души и продиктовал Потерянный Рай» (XII, 140—141).

Мильтон для Пушкина — редкая по целостности, бескомпромиссная натура (недаром его имя часто вспоминается в одном ряду с именем Данте), а потому личность борца и личность творца воспринимаются Пушкиным в неразрывном единстве. Приведенная выше цитата интересна еще и тем, что дает представление о довольно широком знакомстве русского поэта с творчеством Мильтона. Помимо «Потерянного рая» здесь упомянуты два памфлета («Богоборец» и *Ioannis Miltoni pro populo Anglicano defensio*), а также сонет «К Оливеру Кромвелю», первые слова которого Пушкин приводит в оригинале. Кстати, определение «пророческий», данное им этому сонету, написанному по конкретному поводу (один из парламентских комитетов обсуждал проект реорганизации церкви, чреватый определенным ограничением свободы совести всех верующих) и содержащему немаловажные предостережения, указывает на то, что русский поэт имел довольно точное представление об историческом контексте, в котором это стихотворение появилось.

Пушкин не был одинок в кругу своих современников, расслышав громкое звучание имени Мильтона в общеевропейской литературной ис-

¹⁰ Якубович Д. П. «Капитанская дочка» и романы В. Скотта // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. 4—5. М.; Л., 1939. С. 192.

тории. Но он был одним из немногих русских литераторов, чье преклонение перед Мильтоном базировалось на основательном знании разных сторон его творчества.

Не случайно и то, что пушкинские оценки соотносятся с разными аспектами творчества английского поэта. «Мильтон говорит, — пишет Пушкин в 1827 г., — что адское пламя давало токмо различать вечную тьму преисподней. Мы находим эти выражения смелыми, ибо они сильно и необыкновенно передают нам ясную мысль и картины поэтические» (XI, 61). Так высоко оценивает русский поэт необычайную изобразительную мощь автора «Потерянного рая». Но то же слово «смелость» возникает и при оценке уже не частных фрагментов, а целостного замысла мильтоновского шедевра: «Есть высшая смелость: смелость изобретения, создания, где план обширный объемлется творческою мыслию, — такова смелость Шекспира, Dante, Milton'a, Гете в Фаусте, Мольера в Тартюфе» (XI, 61). Замечание это, вызывающее ассоциацию со знаменитым пушкинским суждением о гениальном плане дантовского «Ада», еще раз подтверждает закономерность расположения имени Мильтона (в разных статьях и заметках Пушкина) среди высочайших его авторитетов.

Многие весьма лестные упоминания о Мильтоне-поэте рождены не только значительным интересом Пушкина к поэту английской революции, но также и контекстом литературной полемики в России. Это может быть выпад против чрезмерного, с точки зрения автора «Евгения Онегина», влияния современной французской поэзии, «робкой и жеманной» (XIII, 40). Это может быть — особенно часто! — рассуждение о проблемах русской литературы, которая, к счастью, по мнению поэта, начинает испытывать воздействие и английской словесности (XIII, 40).¹¹ Наконец, это может быть разговор о волнующих проблемах художественного перевода, когда, критикуя Шатобрианов перевод «Потерянного рая», Пушкин в принципе осуждает перевод буквалистский, воспроизводящий или стремящийся воспроизводить языковой строй подлинника.

Внимание к Мильтону прямо или опосредствованно проявилось и в двух поэтических произведениях Пушкина. Первое из них — «Бова (Отрывок из поэмы)» — написано пятнадцатилетним поэтом-лицеистом. Прежде чем перечислить авторов, чьи произведения он почитал за образцы (это Вольтер и в какой-то мере Радищев), автор «Бовы» отталкивается от различных поэтов, в ряд которых вместе с Гомером, Клопштоком, Шапленом, Ширинским-Шихматовым (Пушкин называет его Рифматовым) попадают и Мильтон с Камознсом:

Я хочу, чтоб меня поняли
Все от мала до великого,

— декларирует юный стихотворец свое намерение, а далее идут такие строки:

За Мильтоном и Камознсом
Опасался я без крил парить;

¹¹ См. также письмо А. С. Пушкина П. А. Вяземскому от 19 августа 1823 г.

Не дерзал в стихах бессмысленных
Херувимов жарить пушками,
С сатаной обитать в раю...

Г. 63 ¹²

Вряд ли стоит преувеличивать серьезность и обоснованность критического запала юного лицеиста,¹³ для которого, как явствует из «Бовы», идеалом в ту пору являлась «Орлеанская девственница» Вольтера — «катехизис остроумия».¹⁴ Представляется справедливой сопоставительная оценка, данная Ю. Н. Тыняновым: «Тогда как „Руслан и Людмила“ произвела жанровый переворот в русской поэзии, „Бова“ остался незначительным и не доведенным до конца опытом».¹⁵

Упоминание о «стихах бессмысленных» требует, очевидно, комментария. Является ли оно свидетельством непонимания юным Пушкиным «Потерянного рая» или есть выражение определенного устойчивого отношения?

Р. М. Самарин в уже цитированной статье стремится объяснить «добродушно-ироническое отношение» автора «Бовы» к поэме Мильтона «и всем комплексом эстетических воззрений Пушкина-лицеиста», и общим «ироико-комическим» характером замысла «Бовы».¹⁶ После этих в некотором роде телеологических объяснений исследователь констатирует, что слово «бессмысленный» применительно к Мильтону не случайно сохранилось с 1815 г. до статьи «О Шатобриановом переводе...» (1836). В самом деле, слово «бессмыслие» встречается в названной статье, но — в каком контексте? Пушкин характеризует здесь Мильтона как «поэта, все вместе и изысканного и простодушного, темного, запутанного, выразительного, своенравного и смелого даже до бессмыслия» (XII, 144). Хотя вначале речь заходит о Мильтоне-поэте, но последняя характеристика («своенравный и смелый <...> до бессмыслия») уж никак не соотносится лишь с поэтическим творчеством. Это сказано о Мильтоне-человеке, и слово «бессмыслие» употреблено в том высоком значении, в каком слово «безумие» употребляется, например, применительно к сервантесовскому Дон Кихоту.

В этой связи трудно принять концепцию Р. М. Самарина, находящего уже в «Бове» приметы серьезного и устойчивого отношения Пушкина к Мильтону. Впрочем, комментарии такого рода к юношескому фрагменту

¹² При первой публикации «Бовы» в «посмертном» собрании сочинений Пушкина (1841), предпринятом В. А. Жуковским, по цензурным соображениям было выпущено 29 стихов, в том числе и два последних стиха, посвященных Мильтону.

¹³ Акад. М. М. Покровский безусловно преувеличивал, говоря, что в «Бове» анализируются Камоэнс и Мильтон. См.: Покровский М. М. Пушкин и античность // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. 4—5. С. 33.

¹⁴ Заметим, что позднее Пушкин в чем-то пересмотрел свое отношение к вольтеровской поэме. См.: Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. Л., 1978. С. 186—188.

¹⁵ Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. С. 135.

¹⁶ Самарин Р. М. Творчество Джона Мильтона в оценке Пушкина. С. 62.

представляют значительно меньший интерес, чем вопрос об источниках и степени знания Мильтона Пушкиным в лицейские годы.

Еще с конца прошлого века утвердилось мнение, что первым знакомством с Мильтоном Пушкин был обязан посредничеству французской литературы. Акад. Л. Н. Майков относил упоминание о Мильтоне в «Бове» на счет «туманной фразы» вольтеровского Кандида; имелся в виду диалог Кандида и Протокуранте о Мильтоне из двадцать пятой главы повести Вольтера.¹⁷ Б. В. Томашевский полагал, что до 1820-х гг. Мильтон был знаком Пушкину лишь по французскому переводу Делиля.¹⁸ Стихотворный перевод «Потерянного рая», вышедший из-под пера аббата Делиля, был достаточно известен в России. Его хорошо знали Гнедич и Жуковский; безусловно, знал его и Пушкин. В 1830-х гг., когда он уже читал произведения Мильтона в оригинале, редактор «Современника» сурово отзывался о качестве перевода Делиля, «который ужасно поправил его (Мильтона. — М. С.) грубые недостатки и украсил его без милосердия» (XII, 138). Заметим, что за несколько лет до пушкинской статьи невысоко оценил тот же перевод Н. А. Полевой, отметив, однако, при этом и объективно-положительное значение работы Делиля: «Вольтер, обкрадывающий Шекспира, Дюсис и Делиль, общипывающие Шекспира и Мильтона, Летурнер, восхищавший французов переделкою Оссиана <...> все это были литературные анархисты, ломавшие треножник классицизма».¹⁹ Итак, с делилевским переводом Пушкин познакомился, но когда — в лицейские годы или позднее?

Самый авторитетный знаток русско-английских литературных связей акад. М. П. Алексеев высказал сомнение по поводу того, что Пушкин в Лицее знал стихи Мильтона. Полемизируя с Л. Н. Майковым, считавшим, что источником сведений о Мильтоне для пятнадцатилетнего лицеиста могла быть фраза из «Кандида», М. П. Алексеев пишет: «Не удобнее ли предположить, что Мильтона Пушкин мог знать по частым ссылкам в „Le Paradis Perdu“ Парни?»²⁰ Это предположение кажется более обоснованным, ибо знакомство Пушкина-лицеиста со скабрёзно-сатирическими поэмами Э. Парни — факт известный и доказанный.

Ассоциация с Парни возникает и в связи с еще одним произведением русского поэта — с созданной в 1821 г. поэмой «Гавриилиада». Собственно, речь идет о тех поэмах Парни, одна из которых своеобразно соотносится со знаменитой поэмой Мильтона. Еще в 1804 г. Парни выпустил в свет примыкавшую к «Воине богов» книгу «Украденный портфель», в которую, в частности, вошли две кощунственно-игривые поэмы, пародирующие Библию, — «Утраченный Рай» («Le Paradis Perdu») и «Галантная Библия» («Les Galanteries de la Bible»). Мари-Жозеф Шенье в своей «Исторической картине состояния и развития французской литературы после 1789 г.» (1815) писал об «Утраченном рае» Парни, что автор стремился «весело разработать деликатный и своеобразный сюжет, о котором Мильтон, более

¹⁷ См. примечания Л. Н. Майкова: Пушкин А. С. Соч. СПб., 1899. Т. 1. С. 157.

¹⁸ Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. М., 1960. С. 91.

¹⁹ Московский телеграф. 1832. Ч. 43, № 2. С. 213.

²⁰ Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972. С. 309.

смелый в ином отношении, написал серьезно; но мы не можем иметь об этом суждение».²¹

Еще П. И. Бартенев высказал мнение, что Пушкин использовал готовый сюжет, заимствуя его из вышеназванных поэм Парни.²² Эта точка зрения просуществовала до 1922 г., когда появилось первое научное издание «Гавриилиады» под редакцией и с комментарием Б. В. Томашевского. Томашевский доказательно представил круг сюжетных источников «Гавриилиады», среди которых основных считал Протоевангелие Иакова и Псевдоевангелие Матфея.²³ Он предполагал, что «Пушкин не читал подлинных тексты апокрифов, а какие-то изложения их»;²⁴ тем не менее источник пародируемой версии благовещения был указан однозначно. Роль же поэм Парни как источника, по мысли Томашевского, была его предшественниками сильно преувеличена.

«Общего у Парни и Пушкина только эротическое истолкование грехопадения. Но такое же истолкование имеем у Мильтона, и как раз описание эротических последствий вкушения запретного плода ближе у Пушкина к Мильтоновской версии, чем к пародии Парни».²⁵ Это мнение Б. В. Томашевского базируется на его глубоком убеждении, что пародирование у Пушкина и функционально, и по своей поэтике в корне отлично от «пропагандистских приемов» Парни.

Поэма Мильтона, по мнению комментатора «Гавриилиады», также попадает в круг сюжетных источников. «Что касается вводного пародируемого эпизода — о грехопадении, то здесь также вряд ли Пушкин восходил к Рарну и его „Paradis Perdu“. Рарну пародировал Делилевский перевод Milton'a и Делилевское дополнение к нему „Départ d'Eden“. Он повторял, в пародической окраске, все эпические украшения и усложнения сюжета вплоть до деталей Мильтоновского боя дьяволов с ангелами».²⁶

Через три года после выхода этого издания пушкинской поэмы появилась заметка М. П. Алексеева «Мелкие заметки к „Гавриилиаде“». Автор оспаривал точку зрения Б. В. Томашевского, возводившего сюжет «Гавриилиады» в основном к апокрифическим евангелиям, и доказывал, что Пушкин мог узнать о двукратном благовещении «и из памятников живописи, и, конечно, скорее всего из устных преданий, особенно распространенных на юге и, между прочим, в той Бессарабии, где писалась поэма».²⁷

Следует заметить, что и при позднейшей перепечатке этой статьи (под названием «К источникам „Гавриилиады“»²⁸) М. П. Алексеев не развернул аргументации по этому поводу, не указал какого-то конкретного предания, которое с большой вероятностью могло послужить источником

²¹ Цит. по: Парни Э. Война богов. Л., 1970. С. 214.

²² Бартенев П. И. Пушкин в Южной России. М., 1914. С. 125.

²³ См. примечания Б. В. Томашевского: Пушкин А. С. Гавриилиада. Пг., 1922. С. 56—57.

²⁴ Там же. С. 58—59.

²⁵ Там же. С. 59.

²⁶ Там же.

²⁷ Алексеев М. П. Мелкие заметки к «Гавриилиаде» // Пушкин: Статьи и материалы. Одесса, 1925. Вып. 1. С. 28.

²⁸ Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. С. 314—325.

для «кощунственной поэмы» Пушкина. Г. Ф. Богач, тщательно исследовавший связи между творчеством поэта и молдавским фольклором, в своей книге не называет каких-либо бессарабских источников «Гавриилиады».²⁹ Множество же возможных, с точки зрения М. П. Алексева, сюжетных источников поэмы начиная с новеллы об инсценированном благовещении из «Декамерона» Боккаччо доказывает лишь многотрудность однозначного решения интересующего исследователей вопроса.

С другой стороны позиция Б. В. Томашевского была подвергнута критике видным антиковедом и знатоком раннехристианской литературы С. Я. Лурье, предположившим, что Пушкин шел от какой-то очень древней версии благовещения, и придавшим серьезное значение известной строке из поэмы: «Но говорит армянское преданье...».³⁰ Эта линия суждений получила свое развитие лишь в 1970-х гг.³¹

Завязавшаяся в 1920-х гг. полемика по этому вопросу пока не получила логического завершения, и обсуждаемая проблема осталась в какой-то мере открытой.³² Причиной тому, думается, явилась недостаточность источников. К примеру, когда М. П. Алексеев, оспаривая взгляд Б. В. Томашевского на генетическую связь эпизода о грехопадении с поэмой Мильтона, пишет, что эпизод этот «также мог иметь корни в народном сказании»,³³ он даже приводит богомильскую по духу малороссийскую легенду, но ... обходит стороной вопрос о том, знал ли Пушкин эту легенду. Как принято писать, «мог знать», но весной 1821 г. превосходно мог и не знать этой легенды.

Впрочем, суждения оппонентов Б. В. Томашевского не перечеркивают его выводов о связи «Гавриилиады» с «Потерянным раем» Мильтона. Добавим к наблюдениям Томашевского еще один пример. Столкновение Гавриила с Сатанею трагически соотносится с четвертой и шестой книгами «Потерянного рая» больше, чем с поэмами Парни. На соотнесенность с мильтоновской поэмой (в большей степени, чем с апокрифами) указывают и эпическая интонация изложения, и размер (пятистопный ямба) — русекий силлабо-тонический аналог того размера, который Парни, предпочтя его александрийскому стиху, позаимствовал у Мильтона, а Пушкин в свою очередь — из делиевского перевода Мильтона либо у того же Парни.

Конечно же, вряд ли целесообразно преувеличивать роль прямого или опосредствованного воздействия поэзии Мильтона на становление и развитие русского поэта. Более интересно и важно то, что обращения

²⁹ Богач Г. Ф. Пушкин и молдавский фольклор. 2-е изд. Кишинев, 1967.

³⁰ Лурье С. Я. «Гавриилиада» Пушкина и апокрифическое евангелие: (К вопросу об источниках «Гавриилиады») // Пушкин в мировой литературе: Сб. ст. Л., 1926. С. 1—10.

³¹ См.: Мурьянов М. Ф. «Армянское преданье» в «Гавриилиаде» // Временник Пушкинской комиссии. 1971. Л., 1973. С. 73—80; Гуллакян С. «... говорит армянское преданье» // Литературная Армения. 1974. № 6. С. 85—96.

³² В сравнительно недавней статье Л. И. Вольперт «О литературных истоках „Гавриилиады“», например, об этой полемике не сказано ни слова. См.: Русская литература. 1966. № 3. С. 95—103.

³³ Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. С. 322.

Пушкина-поэта к автору «Потерянного рая» расширяют и углубляют наше представление о Пушкине как критике Мильтона.

«Пушкин был первым русским критиком, сумевшим подойти к Мильтону как к большой и по-своему актуальной теме», — справедливо пишет Р. М. Самарин, а затем замечает, что статья Пушкина «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного Рая“» «выгодно выделяется на всем фоне европейской мильтонистики 20—30-х годов XIX века».³⁴

Противопоставление Пушкина-критика не только «лицемерам Шатобриану и Маколею», но и всей европейской мильтонистике 1820—1830-х гг., на наш взгляд, неправомерно и в научном отношении малопродуктивно. Разумеется, среди западноевропейских современников Пушкина — критиков Мильтона — были и антиподы создателя «Гавриилиады», но были и единомышленники. К таковым (в разных аспектах восприятия Мильтона) можно отнести и Шелли, и Кольриджа, и Вальтера Скотта; впрочем, этот перечень имен можно продолжить. Думается, что не своим весьма проблематичным противостоянием западной литературной мысли значителен Пушкин — критик Мильтона.

Суждения Пушкина о Мильтоне интересны и важны главным образом в контексте русской литературы и литературно-критической мысли. Великий поэт не просто проявил интерес к крупнейшей фигуре в английской литературе XVII в. Он усвоил и обобщил все лучшее, что было добыто русской мильтонистикой допушкинского периода. Он значительно расширил интерес и к личности, и к наследию английского поэта. Решительно опережая свое время, он узаконил внимание к текстам Мильтона в оригинале, минуя французские посредники.

И, пожалуй, самое главное. В допушкинской русской мильтониане личность и творчество английского поэта существуют лишь как факты истории литературы, литературного прошлого. Не случайно многие предшественники и современники Пушкина, включая Карамзина и Жуковского, вспоминали имя Мильтона всякий раз, когда начинался спор о «древних» и «новых» — спор, в российском его варианте довольно вялый и безжизненный.³⁵ Пушкин «оживил» Мильтона для России, т. е. сделал его творчество причастным живой русской литературной действительности.

Споры и раздумья о Мильтоне были вписаны Пушкиным в круг злободневных проблем — таких как проблема художественного перевода, осмысление литературных традиций и их жизненности, вопрос независимости поэтической личности и поэтического творчества и т. д. Проблемы эти были необычайно актуальны для времени Пушкина, они отличались не меньшей актуальностью и в последовавшие литературные эпохи.

М. Г. Соколянский

³⁴ Самарин Р. М. Творчество Джона Мильтона в оценке Пушкина. С. 69.

³⁵ См.: Ионин Г. Н. Спор «древних» и «новых» и проблемы историзма в русской критике 1800—1810-х годов // Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII—начало XIX в. Л., 1981. С. 201.

ГЕРБ ГАННИБАЛОВ

История герба как источника опознания рыцаря, закованного в броню и вынесшего свое символическое обозначение на щит (иногда с девизом, а иногда без него), восходит в Европе к крестовым походам, к XII в. Многие элементы были тогда заимствованы у сарацин, пришли с Востока.

Само слово «герб» восходит к немецкому Erb — наследство, т. е. то, что передается от отца к сыну и внуку. И знаки и девиз говорят о том, чему служит род. Мастер распознавания закованного в броню рыцаря — по этим знакам и девизам — именовался «герольд», от немецкого Heeralt — старший в войске, т. е. опытный, мудрый.

В России герб как знак княжества, города, отдельного представителя какого-то знатного рода стал употребляться очень давно, а более или менее систематично — с XIV в.

В случае, когда знак представлял одно лицо, он был весьма лаконичен и лишь начинал приближаться по своему смыслу к гербу. Это еще не обозначение рода, а только условное выражение заказчика печати. Сама печать — символ властительного человека — вырезалась в камне, ее форма чаще была обтекаемой: овал, круг. Письмо, документ запечатывались или припечатывались, т. е. капали горячим воском — обычно яркого алого или палевого цвета — и тотчас прикладывали печать, которая в России была невелика, и правильнее называть ее «печатка».

Характерно, что разные члены одного рода имели совершенно несхожие печатки. Они были опознавательными знаками лица и не несли ни нравственных, ни сюжетных смыслов, которые будут типичны для гербов. Это хорошо прослеживается на печатках XVI и XVII вв. Пушкиных, Ржевских и других предков поэта. Близкое родство членов одной семьи еще никак не отражается на рисунке их личных обозначений.¹

Придание гербов знатым родам началось в России в двадцатых годах XVIII в. после утверждения Табели о рангах (1722 г.) и попытки упорядочить положение с дворянством. Однако это упорядочение шло за счет забвения исторических заслуг многих обедневших и захиревших родов. Теперь эти роды вовсе исчезали из русской памяти.

Табель о рангах сразу вызвала к жизни учреждение, которое должно было заниматься гербами. Так возникла в Москве герольдмейстерская контора, переведенная в следующем году в Петербург. Во главе ее Петр I поставил родовитого и немолодого «герольда» С. А. Кольчева (1660—1735). Но императора более интересовали учет и представление к службе недорослей, чем генеалогия и разработка гербов для русского дворянства.² С. А. Кольчев и его помощник Ф. Санги, а позже герольдмейстеры П. А. Квашнин-Самарин (в 1731—1741 гг.) и И. Н. Плещеев занимаются созданием гербов как разных губерний и городов, так и отдельных фамилий, однако безо всякой системы и плана. На протяжении всего XVIII в. частное гербоведение и гербоведение находились в хаотическом состоянии.

¹ См.: Иванов П. Сборник снимков с древних печатей. М., 1858. Таблица печатей.

² Об этом см.: Соболева Н. А. Российская областная и городская геральдика XVIII—XIX веков. М., 1931. С. 32 и далее.

Павел I пытался приостановить процесс выветривания памяти древних родов. 23 марта 1797 г. узаконена была обязательность закрепленного за родом герба, отражавшего связь с тем или иным русским княжеством, историческим событием и историческим родом.

Необходимость не только упорядочения, но и прежде всего нравственного удержания дворянства от падения заставляет Павла укрепить чувство рода дополнительным фактором — гербом. Он пишет: «Щиты рыцарей украшаемы были гербами их родов, составленными из разных изображений, внесенных в герб в память или в знак каких-либо рыцарских подвигов. Таковые знаки вливали в сердца потомков почтенье к геройским подвигам предков своих и стремление к подражанию оным».³ Заметим этот нравственно-патриотический акцент.

Чем сомнительнее было происхождение и чем моложе служение рода России, тем тщательнее обдумывался теперь и вычерчивался герб, и наоборот. Так, «шестисотлетний дворянин» Василий Львович Пушкин и брат его Сергей передали «Московской губернии в собрание господ губернского предводителя со депутаты» как рисунок своего родословия, так и герб, не слишком задумываясь над ним. Герб был утвержден за родом 19 января 1800 г. Чуть раньше наследник великих князей киевских, а затем смоленских Алексей Андреевич Ржевский, сенатор и вице-президент Академии наук, утвердил за собою и передал для издания в 1-м томе Гербовника наспех составленный герб своего рода, против правила совпадавший с гербом другой ветви смоленских князей — Вяземских. Зная европейское обыкновение дворян иметь герб своего рода, за полвека до павловского закона заботится о своем гербе и пришелец из Эфиопии практически неизвестного происхождения Абрам Петрович Ганнибал (1696—1781), один из прадедов Пушкина. Для него это — явление престижного порядка.

Будучи возведен в генерал-майоры императрицей Елизаветой в январе 1742 г. и получив пожалованные ею псковские земли, Ганнибал пишет в том же январе прошение о выдаче ему диплома на дворянство и закреплении за ним герба.

Как известно, волокита в департаменте герольдии привела к тому, что ответа он так и не получил. К ходатайству своему он должен был приложить рисунок герба, но последний затерялся и остался неизвестен. Само прошение было рассмотрено через 39 лет (!) и тут же сдано в архив департамента, ибо «проситель хождения по делу не имеет». Происходило это перед самой смертью 84-летнего Ганнибала.

Сразу после прошения Ганнибал заказал себе и печать с гербом, хотя узаконить ее так и не удалось. Оттиск этой гербовой печати был обнаружен в Таллинском городском архиве. На алом восковом кружке, которым запечатан конверт с письмом от 22 июня 1742 г., хорошо виден рисунок адаптированного герба. В центре — щит со словом, весело задравшим хвост и несколько напоминающим поросенка. Слон полон бодрости, хобот его поднят словно бы для издания воинственно-радостных звуков. Бок слона покрыт попоной, а над хребтом почти в размер туловища находится изображение огромной великокняжеской шапки — той, которую в гербо-

³ Гербовник. Б. м., 1797. Т. 1. Вступление от 1 января 1798 г.

ведении было принято связывать с именем и временем Александра Невского и которая с петровского времени имела вариант в виде золотой короны с драгоценностями.

Рисунок печати И. А. Ганнибала конца XVIII в.

В нагруднике своего герба Ганнибал поместил одноглавого орла, а вокруг щита — перевитые ветви аканта. Вся иная арматура на малой печатке или была снята, или и вовсе еще не придана гербу. Под щитом стоял девиз, состоящий из пяти латинских букв: FVMMO.

Будучи достаточно тщеславным, А. П. Ганнибал, видимо, сразу после получения своего второго (и последнего) ордена Александра Невского (30 августа 1760 г.), «наложенного» на него лично Елизаветой, заказывает новый вариант печатки, рисунок которой сохранился в виде оттиска на

письме от 8 января 1761 г. в том же Таллинском архиве.⁴ Примечательно, что, гордясь двумя своими орденами, Абрам Петрович вовсе снял теперь арматуру вокруг щита, заменив ее подложенной под щит восьмиконечной звездой Аннинского ордена и обведя это «сооружение» обеими орденскими лентами, которые сходятся сверху у шлема, а снизу — над девизом. Девиз же теперь был разорван четырехконечным крестиком Александровского ордена. Он сохранил две первые буквы слева и три последние — справа от креста.

Не анализируя пока герб Ганнибала, проследим далее его изображение.

С 1797 по 1804 гг. Петр и Осип Ганнибалы, сыновья Абрама, хлопочут о внесении их в одну из шести книг родов дворянских по Псковской губернии, поскольку владеют здесь жалованными императрицей Елизаветой землями. В резолюции Псковского дворянского депутатского собрания писалось: «...чтоб предки сего рода принадлежали к какому-либо особому классу <...> это покрыто неизвестностью». И далее: «Собрание 1804 году постановило и внесло генерал-майора Петра и родного брата его Иосифа Ганнибаловых⁵ в первую часть дворянской родословной книги с выдачею грамоты. О употреблении ж и утверждении герба Ганнибаловых представлено было просить им в Герольдмейстерской конторе».⁶ Ссылка на герб связана была с тем, что в деле среди интереснейших документов есть грубо, но в цвете нарисованный неумелым художником (вероятно, самим Петром Абрамовичем) герб Ганнибалов, сопровождаемый прошением о закреплении за родом этого герба, «издавна употребляемого родителем и фамилиею».⁷

В серебряном поле (Петр подменил его голубым) круглого щита изображен слон, шествующий вправо. (Заметим, что знаки герба по законам геральдики рассматриваются от рыцаря, закрытого щитом, а не от противника (или герольда), так что видимый нами слон «читается» в обратную сторону.) Слон покрыт красным ковром, над которым желтая шапка-корона, совершенно соответствующая по форме великокняжеской, но у Ганнибала она оказалась золотой, тогда как великокняжеская — алого бархата, с золотой малой державой, увенчанной крестом. Здесь не только держава и крест, но и вся шапка из золота и более напоминает корону. Той же формы шапка во многих гербах княжеских русских фамилий, но там она помещается над горностаевой палаткой, в нашлемнике. Так изображается шапка и у Ржевских, предков Пушкина. В гербе Пушкиных эта же шапка лежит на подушке в верхнем поле щита, только в русских гербах она алая и с горностаевым подбоем.

Намёт Ганнибалова герба и теперь (на рисунке) лаконичен: это две ветки аканта, как и на печатке отца 1742 г. Девиз тот же, из пяти букв:

⁴ Оба оттиска воспроизведены в двух изданиях монографии Г. А. Лееца «Абрам Петрович Ганнибал» (Таллин, 1980 и 1984. После с. 128. — В первом издании второй оттиск снят в перевернутом виде).

⁵ Вспомним, что старший их брат Иван умер в 1801 г., а младший Исаак — в 1804 г.

⁶ ЦГИА, ф. 1343, оп. 19, ед. хр. 617. О дворянстве Ганнибалов Псковской губернии, 1842—1843. — Заметим, что в 1843 г. род, наконец, был внесен в шестую книгу — «древних благородных дворянских родов».

⁷ Там же.

ГВММО. И отец, и сыновья без сомнения знали значение этих букв. По видимости, герб этот, невзирая на совет дворянского депутатского собрания, в герольдмейстерскую контору не посылался и продолжал употреб-

Рисунок печати Ганнибалов XIX в.

ляться как действительный, но не утвержденный, ибо род по молодости его в готовившиеся первые тома Гербовника включен не был. Не попал он в выпешшие десять томов этого издания и впоследствии.

Еще до неумелого рисунка Петра Ганнибала, выполненного около 1800 г., мы встретим изображение герба у Ивана Абрамовича (1735—1801), старшего брата Петра, но встретим не как настенное изображение или рисунок на листе, а снова в виде печати. На этот раз сохранилась сама печать, а не только оттиск. Выполнена она артистически тонко, со всеми регалиями как герба, так и привнесенных добавочно четырех орденов:

старшего сына «арапа Петра Великого». Эта печатка воспроизводится нами в графическом варианте. (Заметим, что рисунок передает не самую печать, а оттиск, поскольку выражать герб должен именно он, а не перевернутый, резанный в камне «негатив» изображения.)

История этой печатки такова. Вырезанная в темном, непрозрачном камне неизвестным нам мастером в последние годы XVIII в. (между датой пожалования Ивану последнего ордена в 1783 г. и датой его смерти в 1801 г.) печатка эта оправлена в серебро и имеет ручку из слоновой кости. Она находилась после смерти Ивана, как и все имущество из проданных Суйды и петербургского дома Ганнибалов,⁸ у его брата Петра или в Петровском, или в Сафонтьеве, где летом 1826 г. он и скончался. Затем перешла к потомкам Петра — сыну Венямиину, внучке Марии и правнуку Якову Федоровичу Коротову. В годы революции печать хранилась среди других вещей и бумаг предков в доме Коротова, в селе Бардове Псковской губернии. Затем перешла к его внукам и хранилась у них в Москве.

Как сообщила Ксения Яковлевна Коротова (ныне покойная праправнучка Петра Ганнибала), ее московские родственники передали эту печатку в мае 1969 г. в Пушкинский Дом. В 1976 г. она попала в свою очередь в Пушкинский заповедник, где и экспонируется в музее села Петровского. Небрежно хранимая потомками, она подверглась в середине 60-х гг. нашего века невосстановимому повреждению: сын владелицы печатки, подросток, при попытке выломать ее из оправы отколол и затерял нижнюю левую ее долю.

Печатка ценна тем, что на ней видны как девиз — то же **FVMMO**, что и на гербе Ганнибала-старшего и рисунке Петра, — так и впервые доступная обозрению и, весьма вероятно, только в конце XVIII в. вошедшая в обрамление щита богатая арматура.

Иван Абрамович подобно своему отцу ввел в изображение все четыре своих ордена, не убирая, однако, и гербовой арматуры, но дополняя ее. Впрочем, одна подмена была произведена: вместо креста, венчавшего желтую шапку на спине слона, находится крест ордена Георгия III степени, полученного за Наварин 27 ноября 1770 г. Это самый значительный боевой орден Ивана. Три других расположены под девизом. В центре — Александр Невский (получен 21 апреля 1781 г.), слева (читая от нас) — Анны (10 июля 1775 г.) и справа на испорченном и ныне замазанном месте — Владимир I степени (16 мая 1783 г.). В прилагаемом изображении этот орден восстановлен на должном месте.

Не рассматривая пока столь примечательную арматуру герба, остановимся на последнем, пятом из дошедших до нас изображений.

Оно было опубликовано историком и специалистом по сфрагистике В. К. Лукомским в 1911 г. Он сообщает, что купил печать в Новгороде у старьевщика, что она «имеет вид овального молочного агата, оправленного в серебряный обод, к обратной стороне которого прикреплены че-

⁸ Ныне ул. Чайковского, 29. Дом перестроен. Продан Петром между 1802 и 1817 гг. сенатору Неллюеву, который пишет: «... дом мой, состоящий в С.-Петербурге, в Литейной части, в 4 квартале под № 537, купленный у генерал-майора Ганнибала» (Полный свод законов. Б. м., 1830. Т. 29. С. 73).

тыре ножки, соединенные кольцом, и служила, вероятно, подвеском часовой цепочки».⁹

Лукомский опубликовал оттиск с этой печати, но он столь мелок, что прибегаем снова к воспроизведению его в наглядном графическом виде.¹⁰ Что нового появилось в этой печатке? Прежде всего это лирообразная форма щита, не употреблявшаяся ни Абрамом, ни его сыновьями для гербов. Затем несколько упрощенная и более ясная арматура. И, наконец, самое интересное — девиз с одним М: FVMO.

Хотя В. К. Лукомский и полагал, что ему досталась печатка XVIII в., но, без сомнения, и измененный девиз, и изощренная форма щита, неизвестная предыдущему столетию, говорят в пользу XIX в.

Установить принадлежность этой печатки определенному лицу невозможно, но интересно то, что внук или более дальний потомок Ганнибала уже не знал расшифровки пяти букв девиза и, сняв одно М, получил слово FVMO, переводимое с латинского как глагол первого лица единственного числа от неопределенной формы глагола «кадить», «воскурять», в широком смысле — «поклоняться кому-либо». Искать соотношения значения этого глагола с биографиями Ганнибалов двух старших поколений бессмысленно, так как XVIII век не знал этого измененного девиза.

Печатка хранилась в собрании других печатей в квартире В. К. Лукомского на Кировском проспекте, в Ленинграде. Во время блокады, зимой 1941/42 гг., квартира со всем собранием погибла от прямого попадания бомбы.¹¹

Представив последовательно все доступные ныне пять вариантов герба, остановимся на его расшифровке, а затем возможной истории.

Единственный толкователь герба — владелец печатки XIX в. В. К. Лукомский. Он пишет: «Не указывают ли изображения: слона на африканскую родину Ганнибала, короны, несомой им, на близость арапа Петра Великого к особе царя, всей арматуры, украшающей гербовый щит, на военную службу его и орла — на польского орла крестной матери его — королевы?»¹²

До недавнего времени эта дешифровка представлялась логичной и удовлетворяла, хотя В. К. Лукомский ни словом не обмолвился о смысле девиза своей печатки FVMO, поставив лишь в скобках вариант с двумя М и полагая, видимо, что две буквы есть не ранний, а поздний вариант, дань небрежности или невежеству.

Нам неизвестен смысл этих пяти букв. Но нет латинского слова, которое соответствовало бы им, даже если считать вторую букву гласной «U», а не согласной «V» (начертание этих латинских букв в печатном варианте почти одинаково). Стало быть, либо это неведомое слово неведомого

⁹ Лукомский В. К. Печать с гербом Ганнибала, арапа Петра Великого // Русский библиофил. 1911. № 8. С. 97. Переиздание изображения см.: Гербовед. 1914. С. 45.

¹⁰ Оба графических рисунка — печати И. А. Ганнибала конца XVIII в. и печати Ганнибалов XIX в. — отлично выполнены художником П. Шакуринным, за что выражаю ему глубокую благодарность.

¹¹ Настоящие сведения были сообщены автору этих строк в 1975 г. проф. Н. В. Измайловым, знавшим об этом от самого В. К. Лукомского.

¹² Лукомский В. К. Печать с гербом Ганнибала, арапа Петра Великого. С. 99.

языка — «ФУММО»,¹³ либо — и к этому приходится склоняться — аббревиатура, т. е. сокращение по первым буквам пяти слов.

Просматривая латинские девизы петровской поры, удалось встретить резной по дереву портрет Петра I 1709 г. (хранится в Третьяковской галерее) работы Ч. Кинга, где царь прославляется как победитель под Полтавой. Под овалом портрета — изображение миниатюрных триумфальных ворот в кольце с латинской надписью, где два первых слова — *Vicit Fortuna* (Победил фортуной). По сторонам кольца — пушки, ядра, горы, рыцарские доспехи и т. п.¹⁴ Приведенные слова можно считать началом расшифровки герба Ганнибала. Но на этом и приходится остановиться.

Г. А. Леец в качестве гипотезы предложил весьма подходящую латинскую фразу: *Fortuna vitam meam mutavit optime (oppido)*.¹⁵ Вариант этот допустим и, если не обнаружится какой-либо документ XVIII в., может считаться правдоподобным.

Отложив пока разбор главной части герба — его щита, остановимся на трактовке нашлемника.

Во всех пяти вариантах изображен парящий орел. Голова его повернута в сторону движения слона на щите, т. е. вправо. В. К. Лукомский связывает этого орла с гербовым польским орлом якобы через крещение Абрама польской королевой. Как ныне известно, польская королева не только не крестила арапчонка, но и не была в Вильне (как и ее супруг Август II). Украшением биографии покойного тестя Ганнибала занимался А. К. Роткирх, и на его совести лежит этот яркий, но придуманный факт.¹⁶

Царь птиц орел в гербе, — несомненно, напоминание о близости Абрама к крестному отцу Петру I, близости к царствующему дому. Вообще геральдический орел символизирует благородство и воинственность. Его изображение — одна из самых частых деталей русских гербов-печатей на протяжении нескольких веков.¹⁷ Назовем некоторые из них: печать 1615 г. воеводы Ивана Васильевича Урусова, печать 1630 г. межевщика (писца) Андрея Ивановича Загряжского, печать 1671 г. думного дворянина Ивана Ивановича Ржевского, печать 1685 г. стольника Бориса Андреевича Пушкина. Заметим, что две последние принадлежат предкам А. С. Пушкина.

Просматривая гербы XVIII в., можно встретить множество орлов. Их головы всегда повернуты в ту же сторону, что и на гербе Ганнибала, одинаков и размах крыльев. В описаниях изображений указывается: «орел с распростертыми до половины крыльями» или «орел с распростертыми крыльями».

¹³ Тройродная сестра А. С. Пушкина Анна Семеновна Ганнибал даже высказала предположение, что слово это связано с родиной полководца Ганнибала, название которой отразилось в именовании Пунических войн, однако такое толкование со всех точек зрения несостоятельно.

¹⁴ Воспроизведение этого изображения см.: Портрет петровского времени. Л., 1973. С. 245.

¹⁵ Фортуна жизнь мою изменила чрезвычайно (Леец Г. А. Абрам Петрович Ганнибал. С. 117).

¹⁶ См.: Гелетова Н. К. Забытые родственные связи А. С. Пушкина. Л., 1981. С. 119.

¹⁷ См.: Иванов П. Сборник снимков с древних печатей: Таблицы печатей.

Искать более близкие к биографии А. П. Ганнибала смыслы при расшифровке значения орла в нащлемнике, видимо, нет оснований.

Отбросив рассмотренные нами девиз и изображение орла в нащлемнике, обратимся к щиту и арматуре.

В. К. Лукомский весьма правдоподобно полагает, что слон напоминает африканскую родину, а арматура — военную службу Ганнибала, избравшего в зрелые годы и великое имя карфагенского полководца, африканца, в качестве своей фамилии. Казалось, что смелая фантазия Абрама Петровича ввела этого слона в русский геральдический оборот дерзко и обоснованно — с учетом его родины Эфиопии. Совершенно неожиданное открытие поколебало, однако, эту логику и опровергло мнение В. К. Лукомского.

В отделе графики Русского музея хранится лист с гравированным портретом Франца Яковлевича Лефорта (1656—1699). Портрет был выполнен в 1698 г. в Голландии мастером Питером Шенком. Под портретом — круг печати. А на печати — щит со знакомым слоном, шествующим в ту же сторону, что и на гербе Ганнибала, с той же попоной-ковром и неким громоздящимся сооружением над этой попоной на спине. Изображение слона незнакомо русскому гербоведению до конца XVII в., т. е. до появления герба Лефорта.

Считалось, что Ганнибал сам придумал свой герб, где фигура слона должна была напоминать о его родине. Однако обнаружение того же изображения в гербе Лефорта заставляет предположить, что подходивший Ганнибалу чужой герб, выморочный к 40-м гг. XVIII в., был им попросту приспособлен для собственного употребления.

Рассмотрим внимательно герб Лефорта, воспроизведенный в трех исторических последовательных вариантах.¹⁸

Первый герб рода, вышедшего из Пьемонта, зафиксирован в XVI в.: на щите изображен слон, шествующий вправо, с хоботом, подвернутым внутрь, и пальмой над фигурой. Слон и пальма, как предполагает исследователь,¹⁹ указывают на итальянское происхождение рода. Не очень понятно, почему слон связывается с Италией; скорее можно подумать, что он явился обозначением силы — таков смысловой перевод фамилии Fort (при опущении артикля, часто сохранявшегося в стародворянских французских фамилиях).

Этот первый герб Лефортов утверждается за родом в XVI в. в Швейцарии.²⁰ Он же служил и Францу Яковлевичу Лефорту по прибытии его в Россию, однако волею Петра I в 1694 г. был сильно изменен. Из Архангельска Лефорт писал об этом своему брату, заметив, что его адмиральское судно названо «Элефант» ('слон').²¹

В гербе была убрана пальма, на спину слона положен покров, над которым вместо пальмы стала возвышаться зубчатая башня — Fort.

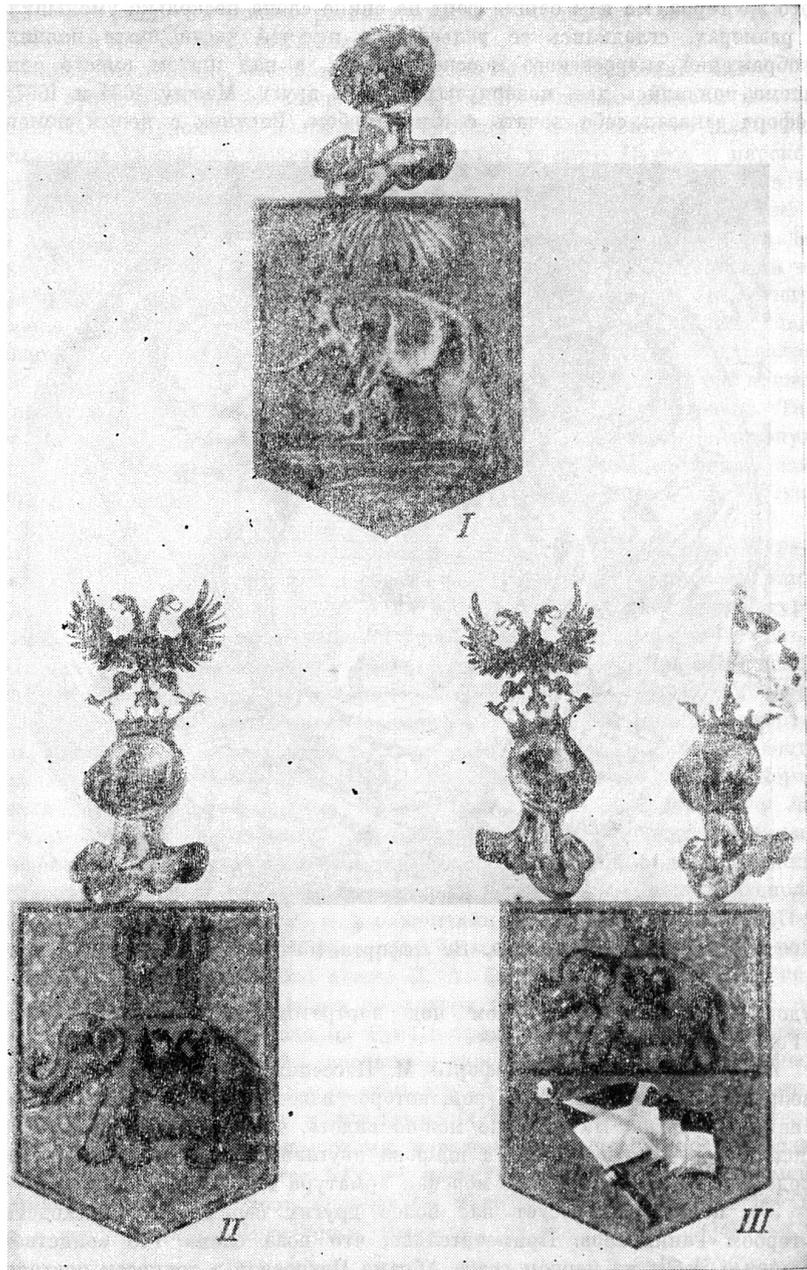
Хобот слона воинственно поднялся вверх. Черный двуглавый орел из императорского русского герба перешел на покров на боку слона, а второе его изображение расположилось в нащлемнике.

¹⁸ См.: Posselt M. Der General und Admiral Franz Lefort. Frankfurt am Main, 1866. Bd 2. — Приложение.

¹⁹ Ibid. S. 315—317.

²⁰ См.: Dumon E.-L. Armorial genevois. Geneve, 1961. P. 254.

²¹ Posselt M. Der General... Bd 2. S. 315.

Три вида герба Лефортов.

Еще через два года, в 1696 г., возник последний, третий вариант того же герба. На нем башня-форт на спине слона несколько уменьшилась в размерах, сгладились ее рельефы, в нижней части щита появилось изображение андреевского морского флага, а над щитом вместо одного шлема появились два, повернутых друг к другу. Междy 1694 и 1697 гг. Лефортов заказал себе печать с этим гербом. Рисунок с нее и помещен

Печатка Ф. Я. Лефортова 1694—1697 гг.

художником Питером Шенком под портретом Лефортова, выполненным в Голландии в начале 1698 г.²²

Автор монографии о Лефорте М. Поселыт располагал этим полным изображением герба с арматурой, которое известно нам лишь по рисунку Шенка с оттиска. На рисунке можно видеть, что башня на спине слона уподобилась палатке, исчез с покрова двуглавый орел и (только здесь) представлена богатая военно-морская арматура герба.

Эта печать интересует нас более других своим особым сходством с гербом Ганнибалов. Примечательно, что поза слона, его воинственно поднятый хобот на первом гербе Абрама Петровича в точности повторяют позу слона на гербе Лефортова. Впрочем, есть и различие: слон лефортов-

²² См.: Портрет петровского времени. С. 234.

ского герба ступает вперед левой ногой, слон ганнибаловского — правой. Однако это различие можно рассматривать как попытку Абрама Петровича хоть в чем-то быть самостоятельным.

Второе отклонение, вызванное стремлением к осмыслению аллегорий герба, — это появление на спине слона русской великокняжеской шапki-короны. В. К. Лукомский называет ее царской и объясняет ее появление стремлением Ганнибала показать свою близость к царю Петру, к царской власти. Однако если корона княжеская, а не царская, то говорит она не о близости к царю (для этого служит орел), но о княжеском происхождении Абрама. Вспомним, как пишет он о своем происхождении от «владельческого» абиссинского князя в прошении 1742 г.: «Родом я низжайший из Африки, тамошнего знатного дворянства, родился во владении отца моего, в городе Лагоне, который и кроме того имел под собою еще два города».²³ Проверке факт «благородного» происхождения практически не поддавался, а иного пути показать свою историческую знатность Ганнибал не нашел. Но золоченая (под корону) шапка в гербе Лефорта отсутствовала. Там была сходного контура башня. Ее Ганнибал подменил на золоченую шапку, понятную в контексте его биографии. Башня же западного замкового образца представлялась Ганнибалу (совершенно справедливо) чуждой как его происхождению, так и русской геральдике.

И, наконец, последнее — сравнение арматуры гербов Лефорта и Ганнибалов. Заметим, что из пяти изображений герба рода Ганнибалов лишь на двух — Ивана и неизвестного лица XIX в. — есть сложная арматура. Весьма сомнительно, чтобы эта арматура была на первом гербе середины XVIII в. Однако арматура гербов Ивана Ганнибала и Лефорта совершенно тождественна. Описывая ее, М. Поссельт перечисляет: «Внизу находятся две положенные накрест пушки с ядрами, справа знамена, штандарты, тики, топоры и т. д., слева якорь, канаты и другие знаки, указывающие на связь с морским флотом».²⁴ Весьма вероятно, что морской артиллерии генерал Иван Ганнибал, зная происхождение герба отца, «добрал» у Лефорта и арматуру — «знаки, указывающие на связь с морским флотом». Во всяком случае герб его почти совершенно одинаков с лефортовским.

Завершая анализ того скудного материала, которым может располагать исследователь конца XX в. в отношении гербов Ганнибалов XVIII и XIX вв., следует сказать, что на основе четырех гербов-печатей этого рода и одного рисунка, сделанного рукою П. А. Ганнибала, складывается впечатление о неизменном в целом характере гербов, где основой был, однако, герб другого пришельца на Русь петровской поры — Ф. Я. Лефорта.

Возможно, А. С. Пушкин, сравнивая гербы своих столь разных предков, обратил внимание на общий компонент гербов древнего рода бывших удельных князей Ржевских и экзотических выходцев из Африки Ганнибалов — изображение пушки, орудия, неведомого в пору славы Ржевских (их участия в Донской битве XIV в.) и столь естественного для времени Ганнибалов. В 1834 г. поэт записывает: «Гербы наши весьма новы. Оттого в гербе князей» Вяземских, Ржевских пушка...» (XII, 334).

Н. К. Телетова

²³ Цит. по: Телетова Н. К. Забытые родственные связи А. С. Пушкина. С. 170.

²⁴ Posselt M. Der General und Admiral Franz Lefort. Bd 2. S. 315.

КАТЕРИНА ТИМАШЕВА — ПОЭТЕССА ПУШКИНСКОЙ ПЛЕЯДЫ

Екатерина Александровна Тимашева заслуживает внимания историков литературы по многим причинам. Ей посвящали стихи Пушкин, Баратынский, Языков, Вяземский, Великопольский, Ростопчина. Стихотворения Тимашевой появлялись в печати редко, но все — в изданиях Дельвига—Пушкина: в «Литературной газете» (1831, № 12 — «К портрету***»), в альманахе «Северные цветы» (1831 — «Ответ») и, наконец, в последнем пушкинском выпуске того же альманаха (1832 — «К застенчивому», «К забвенному»). Кроме того, в единственной статье о жизни и творчестве Е. А. Тимашевой Ф. Я. Прийма опубликовал еще два стихотворения поэтессы, сохранившихся в архиве С. Д. Полторацкого и явившихся непосредственными откликами на посвященное ей стихотворение Пушкина. Это «Послание к Учителю» и «К портрету Пушкина».¹

Казалось бы, как известная поэтесса своего времени, как светская женщина, обладавшая обширным кругом знакомств, наконец, как мать будущего министра внутренних дел Екатерина Александровна Тимашева должна была оставить след в мемуарах и переписке своих современников, что позволило бы достаточно полно восстановить и ее биографию, и ее литературное наследие. Однако этого не случилось. Сведения о ней очень ограничены, некоторые ее стихотворения (за исключением уже опубликованных) обнаруживаются в архивах, но полный их свод, с которым знакомился в свое время Пушкин, был впоследствии затерян. Нам неизвестны портреты Екатерины Александровны. Не знаем мы и ее московского адреса.

Между тем прояснение биографии и творчества Е. А. Тимашевой значительно не только само по себе (речь идет о довольно известной поэтессе пушкинского времени), но и помогло бы понять посвященное ей стихотворение Пушкина, смысл которого в современном восприятии несколько затемнен.

Екатерина Александровна Тимашева родилась 25 июля 1798 г., — по свидетельству С. Д. Полторацкого, в г. Дорогобуже Смоленской губернии.² В биографических сведениях о ней указывается девичья фамилия — Загряжская, однако более определенные сведения о ее родословии неизвестны: в родословной росписи дворянских родов Руммеля и Голубцова она упоминается в дополнительном списке Загряжских без указания родителей. Тот же Полторацкий указывал, правда, что ее двоюродный брат — некто Щупинский, жительствовавший в Смоленске, муж Александры Щупинской (урожд. Мелиной), русской писательницы.³ Известно также, что Е. А. Тимашева была теткой Елизаветы Петровны Киндяковой, именовавшейся в московском обществе Запретной Розой (под таким названием в 1826 г. были опубликованы посвященные ей стихи Вяземского) по причине неудачного ее брака с кн. И. А. Лобановым-Ростовским (брак, заключенный в феврале 1824 г., расторгнут по решению синода в 1826 г., во втором замужестве Елизавета Петровна — Пашкова).

¹ Прийма Ф. Я. А. С. Пушкин. Стихотворение «Я видел вас, я их читал» // Литературный архив. М.; Л., 1953. Т. 4. С. 11—22.

² ГБЛ, ф. 60, № 12, л. 16.

³ Там же, л. 17.

Очевидно, в Дорогобуже прошли детство и юность Екатерины Александровны, там же она вышла замуж за ротмистра Сумского гусарского полка, кавалера русских и иностранных орденов Егора Николаевича Тимашева; 9 июля 1815 г. С. Г. Волконский сообщал своей матери из Оренбурга: «Николая» Ивановича» Тимашева ожидают <...> Он спешит на свадьбу в Дорогобуж. Егор Николаевич берет девицу из фамилии Загряжских, достойную и наилучше воспитанную».⁴ После этого молодая чета живет в Оренбурге. Между прочим, здесь в 1816 г. Е. А. Тимашева породнилась с будущим декабристом С. Г. Волконским (21 марта 1816 г. он сообщал: «Я, матушка <...> был приемником у Вильгельмины Васильевны Рычковой; кума со мною — добродетельная и прекрасная Тимашева»,⁵ 16 июня он же писал матери: «Г-жа Тимашева — в поместьях добродетельного Николая Ивановича»⁶).

Позже Е. А. Тимашева перебирается в Москву, очевидно с целью дать достойное воспитание своим сыновьям — Николаю (род. в 1816 г.) и Александру (род. в 1818 г., с 1868 по 1878 министр внутренних дел). Муж ее проживает в Оренбурге (в 1823—1830 гг. он наказной атаман Оренбургского казачьего войска, в 1833—1844 гг. предводитель дворянства Оренбургской губ.); для московских знакомых Екатерины Александровны он посторонний человек (А. И. Тургенев пишет 11 февраля 1832 г. Вяземскому: «К Тимашевой приехал какой-то муж, или улан, или казак»),⁷ сама же она в центре внимания московского света. А. И. Тургенев называет ее царицей Тимашевой (письмо от 11 января 1832 г.),⁸ а Вяземский пишет ему из Петербурга: «...здесь много говорят о красоте <...> Тимашевой» (письмо от 1 января 1832 г.).⁹ К началу 1830-х гг. относится переписка Тимашевой с Вяземским.¹⁰ Здесь, в частности, мы находим обращение к нему стихотворение поэтессы.

Вот открытый лист от Друга,
Пусть он вас предохранит
От хандры и от недуга
И жестоких покорит.
Но в минуту наслажденья
Миг один пусть будет мой,
Пред кумиром упоенья
Друга вспомните душой.

1831 года
18 июля
Москва¹¹

Кроме того, удалось обнаружить еще несколько стихотворений Тимашевой, до сих пор не публиковавшихся. Одно из них посвящено упоминавшейся выше Е. П. Лобановой-Ростовской (Запретной Розе).

⁴ Архив декабриста С. Г. Волконского. Пг., 1918. Т. 1. С. 412.

⁵ Там же. С. 427.

⁶ Там же. С. 429.

⁷ Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921. Вып. 6. С. 93.

⁸ Там же. С. 80.

⁹ Там же. С. 84.

¹⁰ См.: ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2843; частично опубликовано: Литературное наследство. 1952. Т. 58. С. 100—101.

¹¹ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2843.

К Лизе

Как минута наслажденья,
Как счастливых дней мечты,
Как блаженства упоенье,
Очаровываешь ты.

Как певца «Весны» * искусство,
Как младенец красотой,
Как святой свободы чувство,
Всех пленяешь ты собой.

19го апреля
1826

* «Весна», стихотворение князя Вяземского (примеч. Тимашевой).¹²

Строка о «святой свободе» в данном стихотворении отнюдь не случайна. Оппозиционность общественных настроений Тимашевой отмечена была в статье Ф. Я. Приймы, напечатавшего ее стихотворения, обращенные к Пушкину, в одном из которых читаем:

Иль может быть, воспоминанья
Тебя далеко увлекли...
Друзей погибших, их страданья
Невольно душу потрясли.
Ах! прах невинный кто слезою
Горячей в день не оросил
И кто об них в душе с тоскою
Не вспоминал и не тужил...¹³

Очевидно, тем же настроением одухотворено и другое стихотворение Тимашевой:

Он пал — и храброго могила,
Как одинокий цвет степей,
Мрачна, печальна и уныла
Одна, далеко от друзей.
Ах, не придет к тебе с слезами
Оплакать прах любезный твой,
Не будет жадными устами
Лобзать могилы роковой.
Напрасно мать, сестра с тоскою
В степи пойдут тебя искать!
Не мрамор пышный над тобою
Там будет взоры удивлять,
Но черный крест, в песке глубоком,
Праха осеняет милый твой,
И путник скажет с тяжким вздохом:
«Да будет мир с твоей душой».

3 декабря.¹⁴

Приведем текст еще одного до сих пор не публиковавшегося стихотворения поэтессы.

Скажи

Скажи, что выражал вчера твой нежный взор?
Кому был обращен? Или воспоминанья
Давно минувших дней, судьбе наперекор,
Опять в душе твоей зажгли очарованья?

¹² ГБЛ, архив Полторацкого, 3, 52.

¹³ Литературный архив. Т. 4. С. 19.

¹⁴ ГБЛ, архив Полторацкого, 3, 5.

О, верь! Любви твоей она цены не знала,
 Не знала счастья тобой любимой быть.
 Холодною душой она не постигала,
 Как может пламенно тебя душа любить.
 Нет, милый образ твой, в минутах сновиденья,
 Не озарял ее: с отсутствием твоим
 В ней исчезали все восторги, упоенья,
 Пока пробудишь их присутствием своим.
 Один лишь ты любил, один пылал напрасно,
 Забудь ее и жизнь не отравляй тоской.
 Подругу ты найдешь, она полюбит страстно
 И оживит мечты, *забытые тобой*.¹⁵

Преувеличивать поэтическое дарование Тимашевой не следует. И если Пушкин назвал ее стихи «прелестными созданиями», то только потому, что они звучали из уст прекрасной женщины, и в общем-то для Пушкина по-настоящему поэтичными были ее облик, ее живое очарование. Встретившись с Тимашевой в Москве после возвращения из Михайловской ссылки, поэт записывает ей в альбом 20 октября 1826 г.:

Я видел вас, я их читал,
 Сии прелестные созданья,
 Где ваши томные желанья
 Боготворят свой идеал.
 Я пил отраву в вашем взоре,
 В душой исполненных чертах,
 И в вашем милом разговоре,
 И в ваших пламенных стихах.
 Соперницы *запретной розы*
 Блажен бессмертный идеал...
 Стократ блажен, кто вам внушал
 Не много рифм и много прозы.

III, 32

Исследователи давно обратили внимание на шутивную двусмысленность последнего четверостишия. Как его понять? «Стократ блажен», — несомненно, муж Екатерины Александровны Егор Николаевич Тимашев, мало соответствующий ее поэтическому идеалу, но по праву супруга вкушающий блаженство. Две же предыдущие строки («Соперницы *запретной розы* | Блажен бессмертный идеал...») Ф. Я. Прийма, помня о Запретной Розе — Елизавете Петровне Лобановой-Ростовской, попытался истолковать в том смысле, что как она, так и Екатерина Александровна боготворили гений Байрона¹⁶ (о Байроне имеется упоминание в стихотворении Тимашевой «К портрету Пушкина»). Мне кажется, что в данном случае более правдоподобна иная трактовка. Да, Елизавету Петровну называли Запретной Розой. Это имя намекало на супружескую судьбу Лобановой-Ростовской, соотносимую с судьбой богородицы, девы Марии. Собственно выражение *sancta rosa* в более позднем пушкинском стихотворении «Жил на свете рыцарь бедный» можно перевести как 'святая', 'неприкосновенная', 'целомудренная' роза. И именно в соотношении с девою Марией наполня-

¹⁵ Рукописный сборник с записями различных стихотворений 20—30-х гг. XIX в. и прозаических отрывков (ИРЛИ, 9678, л. 43 об.).

¹⁶ Литературный архив. Т. 4. С. 21.

ется смыслом лукавый мадригальный *pointe* стихотворения, воспевающего земную, греховную красоту женщины в противовес ее поэтически идеальным устремлениям.

Хотя до нас и не дошли стихотворения Тимашевой, в которых ее «томные желанья | Боготворят свой идеал» (большинство ее стихотворений утеряно), наличие таковых подтверждают некоторые косвенные свидетельства. Так, в письмах к Вяземскому Е. А. Тимашева пишет: «Кто теперь она? Оставьте меня, по крайней мере, в сладкой надежде, что место духовника никто не заменил» (26 января 1832 г.);¹⁷ «Нет, мое духовенство не сердится на вас» (24 июня 1832 г.).¹⁸ Ср. также в письме Вяземского к А. И. Тургеневу от 7 марта 1832 г.: «Скажи Тимашевой, что когда мы встречаемся с Елисаветою Петровною «Пашковой», мы на развалинах воспоминаний плачем о святом граде Иерусалиме».¹⁹ Здесь, по сути дела, мы сталкиваемся с той же куртуазно-религиозной двусмысленностью, что и в стихотворении Пушкина.

О милом кокетстве Е. А. Тимашевой вспоминал и Пушкин в письме к Вяземскому из Михайловского от 9 сентября 1826 г.: «Что наши? Что Запретная Роза? что Тимашева? как жаль, что я не успел с нею завести благородную интригу! но и это не ушло» (XIII, 305).

Заканчивая заметку, я позволю себе также высказать предположение, что именно Е. А. Тимашеву имеет в виду Баратынский в обращенном к Пушкину стихотворении «Новинское», вошедшем в книгу «Сумерки».

Она улыбкою своей
Поэта в жертвы пригласила,
Но не любовь ответом ей
Взор ясной думой осенила.
Нет, это был сей легкий сон,
Сей тонкий сон воображенья,
Что посылает Аполлон
Не для любви — для вдохновенья.²⁰

В комментариях к этому стихотворению справедливо отмечается, что, по-видимому, оно «связано с первым появлением в Новинском осенью 1826 года вернувшегося из ссылки Пушкина».²¹ Баратынский упоминает о некой женщине, в ответ на кокетство которой Пушкин написал стихотворение, поэтически преобразующее житейскую сиюминутность. Ни одного другого произведения Пушкина, написанного осенью 1826 г. и обращенного к женщине, кроме «Я видел вас, я их читал», мы не знаем. Показательно, что в ранней редакции стихотворения Баратынского первое четверостишие звучало несколько иначе:

Как взоры томные свои
Ты на певце остановила,
Не думай, что мечта любви
В его душе заговорила...²²

¹⁷ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2843.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Архив братьев Тургеневых. Вып. 6. С. 97.

²⁰ Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. М., 1982. С. 277.

²¹ Там же. С. 642.

²² Там же. С. 482.

«Томность» — это примета Тимашевой, согласно отмеченная во всех стихотворениях, посвященных ей. Ср. в другом стихотворении Баратынского: «Что ж грусть поет блестящая певица? Что томны взоры красоты...»²³ «Томны сны и сладки муки | Умилительной разлуки | И избыточной мечты» упоминаются в стихотворении Языкова.²⁴ О том же пишут в стихах, обращенных к Тимашевой, и Великопольский, и Ростопчина. Ту же черту отмечает в «созданиях» Тимашевой Пушкин: «Где ваши томные желанья | Боготворят свой идеал».

С. А. Фомичев

²³ Там же. С. 141.

²⁴ Языков Н. М. Соч. Л., 1982. С. 159.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О П. С. ПУЩИНЕ

Имя Павла Сергеевича Пущина (1789—1865)¹ широко известно пушкинистам. Герой антинаполеоновских войн, член Союза благоденствия, генерал-майор, бригадный командир вольнолюбивой 16-й дивизии М. Ф. Орлова, он основал в июле 1821 г. в Кишиневе масонскую ложу «Овидий», для которой была характерна оппозиционная, декабристская ориентация.² Участие в ложе «Овидий» явилось важным этапом кишиневского периода биографии Александра Сергеевича Пушкина, а отношения с П. С. Пущиным — одним из звеньев декабристских связей поэта.³ Их встречи в Кишиневе (1820—1822 гг.), Одессе (1823—1824 гг.), а позднее в Псковской губернии, где опальный поэт и опальный генерал проживали в соседних имениях, отражены в дневнике и письмах Пушкина, В. П. Горчакова, П. И. Долгорукова, И. П. Липранди, Ф. Ф. Вителя, К. Я. Соколовой (Кирьяковой) и др.⁴

«В Кишиневе я был дружен с майором Раевским, с генералом Пущиным и Орловым. Я был масон в Кишиневской ложе, — пишет Пушкин после восстания декабристов В. А. Жуковскому (XIII, 257). Именно П. С. Пущину, грессмейстеру ложи «Овидий», Пушкин посвятил одно из своих кишиневских стихотворений, в котором сравнивал его с героем

¹ В работах историков и литературоведов годом рождения П. С. Пущина называется 1785 г. См.: Иезуитова Р. В. Письмо Пушкина к П. А. Осиповой // Временник Пушкинской комиссии. 1965. Л., 1968. С. 38; Павлова Л. Я. Декабристы — участники войн 1805—1814 гг. М., 1979. С. 113; Попов А. А. Декабристы-псковичи. Л., 1980. С. 169 и др. Лишь Н. Артамонов указывал на 1789 г. (Русский биографический словарь. СПб., 1910. Т. Притвиц—Рейс. С. 340). Последняя точка зрения подтверждается материалами медицинского освидетельствования П. С. Пущина (ЦГВИА, ф. 395, оп. 73, д. 1150, л. 3—3 об.), а также его воспоминаниями (см.: Пущин П. С. Разные воспоминания // За царя и Родину. 1908, 11 июня; Дневник Павла Пущина. 1812—1814 / Изд. подгот. В. Г. Боргневский. Л., 1987).

² См.: Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 220.

³ См.: Иезуитова Р. В. Письмо Пушкина к П. А. Осиповой. С. 38.

⁴ См.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975. С. 336.

буржуазной революции в Испании генералом Антонио Квиругой (II, кн. 1, с. 204).⁵

28 марта 1822 г. П. С. Пущин вместо отпуска для лечения, который он просил у царя, получил полную отставку.⁶ Это было наказанием и за ложу «Овидий», открытую и действовавшую без уведомления властей, и за возмущившие Александра I события в пушкинской бригаде, во время которых П. С. Пущин и начальник дивизии М. Ф. Орлов заступились за солдат, отдав под суд нескольких злоупотреблявших властью офицеров,⁷ и, возможно, за то, что П. С. Пущин большую часть своей сознательной жизни прослужил в Семеновском полку, расформированном после известных волнений 1820 г. П. С. Пущин не участвовал более в тайных обществах. К следствию по делу декабристов он привлечен не был. Однако имя его упоминалось на заседаниях Следственного комитета, его называли в своих показаниях С. П. Трубецкой и Н. И. Комаров, попало оно и в составленный по повелению Николая I «Алфавит декабристов».⁸

Какова же была дальнейшая судьба П. С. Пущина? Изучение архивных материалов позволяет утверждать, что последекабристский этап его биографии принципиально искажен в работах историков и литературоведов. Так, без ссылок на источники в справочно-биографическом издании О. Р. Фреймана утверждалось, что П. С. Пущин в 1834 г. был генерал-лейтенантом.⁹ Н. Артамонов в статье для «Русского биографического словаря» добавил, что он участвовал в подавлении польского мятежа, командуя в 1831 г. 2-й бригадой 4-й пехотной дивизии, за что был награжден майоратом (наследственным родовым имением) в Царстве Польском.¹⁰ Затем этими сведениями воспользовались пушкинисты, дополнив их собственными соображениями.¹¹ Р. В. Иезутова объясняла прекращение контактов Пушкина с П. С. Пущиным возвращением последнего на службу. «Видимо, его заслуги (в подавлении польского восстания. — В. Б., Е. А.)

⁵ К сожалению, непосредственных данных о деятельности кишиневской ложи, о возможных спорах между ее членами практически не сохранилось. Тем более выглядит странной позиция литературоведа Б. А. Трубецкого, считающего, что нельзя принимать всерьез характеристику, данную П. С. Пущину в пушкинском стихотворении. Без ссылок на источники он утверждает: «...некоторая часть членов ложи „Овидий“ во главе с ее руководителем П. С. Пущиным склонна была направлять работу ложи по мирному руслу, проповедуя идеи просветительства, нравственного совершенствования, морального прогресса. Пушкин не разделял этого направления, чем и было вызвано ироническое по своему тону стихотворение поэта, обращенное к П. С. Пущину» (Трубецкой Б. А. Пушкин в Молдавии. Кишинев, 1983. С. 130). Если уж и видеть иронию в послании Пушкина, то она, на наш взгляд, скорее относится к таинственным обрядам масонства, чем к политической позиции генерала П. С. Пущина.

⁶ См.: Кульман Н. К. К истории масонства в России: Кишиневская ложа // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. № 10. С. 355.

⁷ См.: Йовва И. Ф. Декабристы в Молдавии. Кишинев, 1975. С. 146—151.

⁸ Восстание декабристов. Л., 1925. Т. 8. С. 158; М., 1986. Т. 16. С. 40, 230.

⁹ Фрейман О. Р. Пажи за 183 года (1711—1894). Фридрихсгамп, 1894—1897. С. 863.

¹⁰ Русский биографический словарь. Т. Притвиц—Рейс. С. 341.

¹¹ См.: Пушкин: Статьи и материалы. Одесса, 1927. Т. 3: Материалы для биографического словаря одесских знакомых Пушкина. С. 74—75.

были настолько велики, — писала она, — что в октябре 1835 г. ему был пожалован майорат в Царстве Польском». ¹² При этом Р. В. Иезуитова ссылалась и на работу Д. Г. Анучина, в которой в числе 138 лиц, пожалованных майоратами 4 октября 1835 г., назывался и генерал-майор Пущин. ¹³

Подобный зигзаг в карьере «грядущего Квириги» не зачеркивал, разумеется, его предшествующей деятельности: немало участников ранних декабристских организаций находились на службе и при Николае I, а отношение передовых людей русского общества к польскому вопросу вообще было крайне сложным и противоречивым. Однако возвращение П. С. Пущина на службу и его продвижение, казалось бы, подтверждало шаткость идейной позиции этого человека, объясняло его отход от тайных обществ после 1822 г., наводило на мысль, что и в Кишиневской управе Союза благоденствия, и в ложе «Овидий» он был противником революционных действий, проповедовал лишь идеи просветительства, нравственного совершенствования и т. д.

Архивные источники показывают ошибочность подобного освещения биографии П. С. Пущина. Корень ошибок — в недостаточно внимательном отношении исследователей к используемым документам.

В делопроизводственных материалах военного ведомства имена и отчества офицеров и генералов, как правило, не назывались. Род Пущиных дал очень много военных, в том числе и генералов. П. С. Пущин, когда состоял на службе, именовался генерал-майором Пущиным 2-м, так как Пущиным 1-м был его дальний родственник генерал-лейтенант Павел Петрович Пущин (1769—1828). Во время польского восстания, когда П. С. Пущин был в отставке, а П. П. Пущин умер, Пущиным 1-м именовался двоюродный брат Павла Сергеевича Николай Николаевич Пущин (1792—1848). Пущиным 2-м был тогда другой его двоюродный брат — Иван Николаевич Пущин (1793—1844), который в декабре 1830 г. получил генеральский чин и был назначен командиром 3-й бригады 5-й пехотной дивизии. ¹⁴ Именно в составе этой бригады он участвовал в подавлении событий в Польше, за что и был пожалован майоратом. ¹⁵ Что касается 2-й бригады 4-й пехотной дивизии, то она вообще не участвовала в польских событиях, командиром же ее И. Н. Пущин стал лишь 2 октября 1837 г., что следует из собственноручной записки Николая I. ¹⁶ В 1834 г. не могло быть генерал-лейтенанта Пущина, так как П. П. Пущин умер шестью годами ранее, а И. Н. Пущин был произведен в этот чин лишь через тринадцать лет. ¹⁷

¹² Иезуитова Р. В. Письмо Пушкина к П. А. Осиповой. С. 44.

¹³ Анучин Д. Г. Граф Федор Федорович Берг, наместник в Царстве Польском (1863—1874) // Русская старина. 1893. № 4. С. 155.

¹⁴ Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 395, оп. 85, д. 1162, л. 1.

¹⁵ Там же, оп. 31, д. 861, л. 12—12 об. — После смерти бездетного И. Н. Пущина майорат перешел к его брату Н. Н. Пущину, от него — к сыну М. Н. Пущину (1842—1870), а после смерти последнего — к внуку Н. М. Пущину (ЦГВИА, ф. 1343, оп. 27, д. 7698, л. 111—113; ф. 1151, оп. 11, д. 21, л. 2, 13—14).

¹⁶ ЦГВИА, ф. 395, оп. 39, д. 779, л. 1.

¹⁷ ЦГИА, ф. 383, оп. 1, д. 338, л. 126.

Таким образом, вся история с возвращением на службу в период царствования Николая I, подавлением польского восстания, генерал-лейтенантством, пожалованием майората к личности декабриста Павла Сергеевича Пущина не имеет ни малейшего отношения.

П. С. Пущину довелось почти на 40 лет пережить восстание декабристов. Большая часть времени, отпущенного ему судьбой, протекла уже после 14 декабря 1825 г. Чем же были заполнены эти годы?

Жизнь в деревне, приведение в порядок хозяйственных дел в своих поместьях, периодические наезды на длительное время в Одессу к родственникам жены. Постоянные материальные трудности, связанные прежде всего с выплатой долгов отца, продолжали преследовать П. С. Пущина. В 1832 г. он занимает в сохранной казне 11 700 р. под залог имения в Псковском уезде. В течение года, как было обусловлено, П. С. Пущин долга не выплатил, поэтому на имение в 661 десятину земли было наложено запрещение. В конце жизни Павел Сергеевич пытается прежде всего освободиться от тяготивших его долгов. В 1853—1855 гг. он переводит всех своих крестьян Псковского уезда в количестве 88 мужчин и 113 женщин в разряд государственных крестьян с водворением их на собственных землях,¹⁸ а в 1861 г. имение в Новоржевском уезде со 133 душами мужского пола продает своему племяннику — прапорщику М. Н. Пущину, сыну генерал-лейтенанта Н. Н. Пущина.¹⁹

В годы Крымской войны резко возрос интерес общественности к эпохе 1812 г. Герои антинаполеоновских войн, оставшиеся в живых, старались успеть передать современникам и потомкам мысли и чувства того времени. П. С. Пущин, проживавший тогда в Одессе, занимается обработкой своего дневника, который он вел в 1812—1814 гг., пишет воспоминания о службе в Семеновском полку. Это был его главный долг перед горячо любимой Родиной.

Дневник П. С. Пущина за 1812 г. был опубликован в фундаментальном сборнике материалов Семеновского полка, изданных к столетию Отечественной войны 1812 г.²⁰ Однако эта публикация, известная специалистам, представляет собой лишь меньшую часть обширного мемуарного наследия П. С. Пущина, о наличии которого до совсем недавнего времени не было никаких данных. Анализ дневника П. С. Пущина 1812—1814 гг. позволяет говорить о широком круге интересов, глубине личности автора, передового человека своего времени, будущего декабриста; позволяет глубже понять процесс зарождения декабристской идеологии, роль незабываемых событий Отечественной войны и заграничных походов в формировании дворянской революционности.²¹

П. С. Пущин прожил долгую и довольно трудную жизнь. Как и его единомышленник, сослуживец и друг М. Ф. Орлов, он быстро продвигался

¹⁸ Там же, оп. 18, д. 23605, л. 1—2.

¹⁹ Велколуцкий филиал Государственного архива Псковской области (ВФ ГАПО), ф. 139, оп. 1, 1861 г., д. 5, л. 1—1 об.

²⁰ Из дневника капитана лейб-гвардии Семеновского полка Павла Сергеевича Пущина за 1812 год // Отечественная война 1812 года: Исторические материалы лейб-гвардии Семеновского полка. Полтава, 1912. С. 3—85.

²¹ Впервые эта проблема была затронута в статье одного из авторов статьи. См.: Бортневский В. Г. Дневник декабриста П. С. Пущина 1813—1814 гг. // Вестник ЛГУ. 1986. Вып. 4. С. 27—33.

по служебной лестнице (в 24 года — гвардейский полковник, в 29 лет — генерал-майор), стоял у истоков декабризма, затем по политическим мотивам был отстранен от службы, отошел от революционной деятельности. П. С. Пущин никогда не возвращался на царскую службу, не участвовал в карательных мероприятиях николаевского правительства, не поступался своей совестью декабриста. Вполне очевидно предположить, что именно значительность незаурядной личности П. С. Пущина, истинного патриота Отечества, и была основой тесных связей с ним Пушкина на протяжении длительного времени.

В. Г. Боргневский, Е. В. Анисимов

ДРУГ ПУШКИНА Ф. Ф. МАТЮШКИН — ДЕКАБРИСТ

Длительная дружба связывала Пушкина с Ф. Ф. Матюшкиным. Она началась в Лицее, но не прервалась и после того, как лицеисты первого выпуска разъехались из Царского Села. Перед отправлением в 1817 г. в первое кругосветное плавание Матюшкин «получил от Пушкина <...> длинные наставления, как вести журнал путешествия».¹ А в 1825 г., когда Матюшкин на транспорте «Кроткий» отправился во второе кругосветное плавание, Пушкин, обращаясь к нему, писал в стихотворении «19 октября»:

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полуночных морей?
Счастливым путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О, волн и бурь любимое дитя!

II, 425

Узнав о гибели поэта, Матюшкин восклицал в письме к бывшему лицеисту М. Л. Яковлеву (от 14 февраля 1837 г.): «Пушкин убит! Яковлев, как ты это допустил? У какого подлеца поднялась на него рука? Яковлев! Яковлев! Как мог ты это допустить?..»²

Лицейские друзья Пушкина И. И. Пущин и В. К. Кюхельбекер 14 декабря 1825 г. вышли на Сенатскую площадь. Состоял в Союзе благоденствия и участвовал в совещаниях «северян» в 1823 г. лицеист первого выпуска В. Д. Вольховский. Уже давно литературоведы и историки поставили перед собой вопрос: был ли декабристом друг Пушкина Матюшкин?

«Жизнеописатель обязан задаться вопросом: принадлежал ли его герой к стану декабристов, был ли он в числе деятелей тайного общества? Документов, которые без обиняков ответили бы на эти вопросы, которые

¹ Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984. С. 163; ср. с. 405.

² Грот Я. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. 2-е изд. СПб., 1899. С. 74.

прямо сказали бы: „да, принадлежал“, „да, был“, — таких документов нам обнаружить не удалось», — писал Ю. Давыдов в книге о Матюшкине, вышедшей в 1949 г. Эти же слова исследователь повторил и во втором издании своей книги.³

Л. А. Шур, издавший записки Матюшкина о кругосветном плавании на шлюпе «Камчатка», обратил внимание на его письмо к Энгельгардту от 19 октября 1826 г. «Егор Антонович! Верится ли мне? — писал Матюшкин, узнавший о восстании 14 декабря и участии в нем своих друзей. — Пущин! Кюхельбекер! Кюхельбекер может быть; несмотря на его доброе сердце, он был несчастен. Он много терпел, все ему наскучило в жизни, он думал, везде видит злодеев, везде зло. Он — энтузиаст-фанатик, он мог на все решиться, и все в одно мгновение. Но Пущин. Нет, Пущин не может быть виноват, не может быть преступником. Я за него отвечаю. Он взят по подозрению, и по пустому подозрению...». «Боль за лицейских друзей, стремление спасти их — вот основная мысль этого письма. Но оно свидетельствует также, что Матюшкин не был декабристом и ничего не знал о тайных обществах», — таков был вывод Л. А. Шура.⁴

Однако письмо Матюшкина к Энгельгардту нельзя считать исчерпывающим доказательством непричастности его автора к тайным обществам декабристов. Неясно, было ли оно отправлено (это признает и Л. А. Шур).⁵ Неясно, выражало оно истинные взгляды Матюшкина или было задумано как ловкий тактический ход, имевший целью и отвести угрозу ареста от его автора (который, по видимости, так искренне осуждал восставших), и, может быть, смягчить участь друзей, поведению которых он находил столь благоприятные для них объяснения.

А главное, кроме письма, приведенного Л. А. Шуром, имеются материалы, свидетельствующие о другом отношении Матюшкина к восстанию 14 декабря и к его друзьям-декабристам. Первые известия о восстании Матюшкин получил в Петропавловске-на-Камчатке в августе 1826 г. Историк русских полярных путешествий В. М. Пасецкий в одном из писем командира транспорта «Кроткий» Ф. П. Врангеля к Ф. П. Литке обнаружил сообщение о том, что Матюшкин, вообразив, будто «его сообщники в Петербурге овладели всем правлением, затеял было в Камчатке дурные дела» и старался вызвать недовольство команды транспорта. Позднее, в 1830-х гг., Матюшкин в письме к Ф. С. Лутковскому советовал другу сжечь свои послания: видимо, в них было что-то «предосудительное». В письмах к И. И. Пущину 1840—1850-х гг. Матюшкин признавался, что он завидует судьбе декабриста, с негодованием рассказывал об упадке русского военного флота, враждебно отзывался о Николае I. На основании поздних писем Матюшкина к Пущину В. М. Пасецкий пришел к выводу: Матюшкин «сожалел, что он не оказался в числе тех, кто вышел на Сенатскую площадь».⁶

³ Давыдов Ю. В морях и странствиях. М., 1949. С. 121; 2-е изд. М., 1956. С. 153.

⁴ Шур Л. А. К берегам Нового Света. М., 1971. С. 24.

⁵ Там же. С. 24.

⁶ Пасецкий В. М. Вперед — неизвестность пути. М., 1969. С. 134—137. См. также: Давыдов Ю. В морях и странствиях. 1956. С. 155, 190.

Книги Ю. Давыдова и В. М. Пасецкого, с одной стороны, и Л. А. Шура — с другой, определили как бы два направления в отношении последующих авторов к «декабризму» Матюшкина. Одни отрицали принадлежность Матюшкина к декабристам, другие предполагали, что он был близок к участникам первого русского революционного движения. Таким же остается положение и в настоящее время. Автор-составитель двухтомника «Друзья Пушкина» В. В. Кунин, перепечатав письмо Матюшкина к Энгельгардту от 19 октября 1826 г., весьма категорично заявил, что Матюшкин «к числу декабристов не принадлежал».⁷ С другой стороны, М. П. и С. Д. Руденские, авторы книг «Они учились с Пушкиным» и «С лицейского порога», не упоминая об этом письме, подчеркнули близость Матюшкина к декабристам.⁸

К сожалению, сторонники близости Матюшкина к декабристам, не находя прямых свидетельств, не ограничились косвенными данными, а обратились к домыслам. Уже в первом издании книги Ю. Давыдова появились необоснованные сведения об участии Матюшкина в совещаниях офицеров Гвардейского экипажа (они были повторены и во втором издании).⁹ Единственным «доказательством» послужило личное знакомство Матюшкина с В. К. Кюхельбекером, брат которого Михаил служил в Гвардейском экипаже (но не участвовал в собраниях офицеров экипажа, основавших небольшое тайное общество),¹⁰ и Ф. С. Лутковским (лейтенант Ф. С. Лутковский, плававший вместе с Матюшкиным на шлюпе «Камчатка», действительно бывал на собраниях моряков-гвардейцев, но никаких сведений об участии в них Матюшкина не имеется).

В книге Ю. Давыдова были приведены и необоснованные сведения о встрече Матюшкина с К. Ф. Рылевым в Кронштадте в июне 1825 г. 2—3 июня Рылеев действительно приезжал в Кронштадт вместе с В. К. Кюхельбекером, А. И. Одоевским, А. А. Бестужевым, Д. И. Завалишным и Н. Н. Оржицким, но никаких данных об их встрече с Матюшкиным не имеется. Для доказательства своего предположения Ю. Давыдов обратился к дневнику В. К. Кюхельбекера, который декабрист вел в сибирской ссылке. 17 августа 1842 г., после встречи с проезжавшим по Сибири братом лицеиста и декабриста И. И. Пущина, В. К. Кюхельбекер записал: «Вчера у меня был такой гость, какого я с своего свидания с Матюшкиным еще не имел во все 17 лет моего заточения, — Николай Пущин».¹¹ Совершенно ясно, что в приведенной записи речь идет о свидании с Матюшкиным, которое произошло уже во время «заточения» В. К. Кюхельбекера; декабрист отмечает, что за «17 лет заточения» его особенно порадовали две встречи — с Матюшкиным и Николаем Пущиным. Так поняли

⁷ Друзья Пушкина / Сост., биогр. очерки и примеч. В. В. Кунина. М., 1984. Т. 1. С. 284.

⁸ Руденские М. П. и С. Д. 1) Они учились с Пушкиным. Л., 1976. С. 105—106; 2) С лицейского порога. Л., 1984. С. 104—105.

⁹ Давыдов Ю. В морях и странствиях. 1949. С. 116—117; 1956. С. 147—148. — При этом автор ошибочно отнес к офицерам Гвардейского экипажа лейтенанта Д. И. Завалишина.

¹⁰ См.: Шешин А. Б. Декабристское общество в Гвардейском морском экипаже // Исторические записки. М., 1975. Т. 96. С. 124.

¹¹ Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи / Изд. подгот. Н. В. Королева, В. Д. Фак. Л., 1979. С. 411.

эту запись и издатели дневника В. К. Кюхельбекера.¹² Но Ю. Давыдов без всяких оснований решил, будто в дневниковой записи 1842 г. речь идет о встрече В. К. Кюхельбекера с Матюшкиным 3 июня 1825 г. в Кронштадте. А отсюда последовал вывод, будто Матюшкин встречался в Кронштадте и с Рылеевым: «Можно с уверенностью сказать, что 3 июня 1825 года Рылеев виделся в Кронштадте и с Федором Матюшкиным. Вильгельм Кюхельбекер, да и другой составитель московской „Мнемозины“ Одоевский не могли в тот день не повстречаться со старым другом. И не это ли было последнее свидание Матюшкина с Кюхельбекером, о котором Вильгельм вспоминал в своем сибирском дневнике?»¹³ Во втором издании книги Ю. Давыдова предположение, касавшееся дневниковой записи В. К. Кюхельбекера, превратилось в утверждение: «3 июня 1825 года — это можно утверждать — Рылеев виделся в Кронштадте и с Федором Матюшкиным. Вильгельм Кюхельбекер в тот же день повстречался со старым другом. Это и было последнее их свидание, о котором Вильгельм вспоминал в сибирском дневнике семнадцать лет спустя».¹⁴

Утверждения Ю. Давыдова подхватили другие авторы. То, что у Ю. Давыдова было необоснованным предположением (пусть и высказанным с излишней уверенностью), М. П. и С. Д. Руденские и В. В. Кунин преподнесли читателям уже как твердо установленный факт. В книги М. П. и С. Д. Руденских перешли от Ю. Давыдова и встречи Матюшкина с офицерами Гвардейского экипажа А. П. Арбузовым и братьями Беляевыми, и его свидание с Рылеевым и В. К. Кюхельбекером в Кронштадте.¹⁵ А В. В. Кунин сообщил о приезде в Кронштадт к Матюшкину Рылеева, В. К. Кюхельбекера и А. И. Одоевского, сославшись при этом не только на книгу Ю. Давыдова, но и на книгу М. П. и С. Д. Руденских «Они учились с Пушкиным».¹⁶

Но вернемся к вопросу о том, принадлежал ли Матюшкин к декабристам. И письмо Матюшкина к Е. А. Энгельгардту, и его письма к И. И. Пущину 1840—1850-х гг., и свидетельство Ф. П. Врангеля о странном поведении Матюшкина на корабле при получении первых известий о восстании, и даже предположения Ю. Давыдова о беседах Матюшкина с офицерами Гвардейского экипажа и его встрече с К. Ф. Рылеевым 2—3 июня 1825 г. — все это лишь косвенные данные, на основании которых можно что-то предполагать, но нельзя окончательно решить вопрос. Прямых свидетельств о принадлежности Матюшкина к декабристам до сих пор не было обнаружено. И после публикаций Л. А. Шура и книг Ю. Давыдова, В. М. Пасецкого, М. П. и С. Д. Руденских и В. В. Кунина вопрос о принадлежности Матюшкина к декабристам по-прежнему остается открытым.

¹² В одном из примечаний они высказали предположение, что Матюшкин побывал у В. К. Кюхельбекера в Динабурге (Кюхельбекер находился в Динабурге в 1827—1831 гг.) в период «ослабления тюремного режима». (См.: Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи, С. 662).

¹³ Давыдов Ю. В морях и странствиях. 1949. С. 118. — В приведенной цитате Ю. Давыдов спутал приезжавшего 2—3 июня 1825 г. в Кронштадт декабриста А. И. Одоевского с известным издателем «Мнемозины» и писателем В. Ф. Одоевским.

¹⁴ Давыдов Ю. В морях и странствиях. 1956. С. 118.

¹⁵ Руденские М. П. и С. Д. 1) Они учились с Пушкиным. С. 106; 2) С лицейского порога. С. 104.

¹⁶ Дружбы Пушкина. Т. 1. С. 285, 289.

Ю. Давыдов, который склонялся к тому, чтобы отнести Матюшкина к декабристам, не имея прямых свидетельств о вступлении своего героя в тайное общество, пояснял: «Давно замечено: представление о том, что вся жизнь документирована, ни на чем не основано».¹⁷

Однако прямое свидетельство о принадлежности Ф. Ф. Матюшкина к тайному декабристскому обществу есть. Почему же его до сих пор не обнаружили исследователи? Они искали косвенные свидетельства в самых разнообразных источниках, обращались к неопубликованным архивным документам, но почему-то обошли тот главный комплекс документов, который один только мог дать четкий ответ на уже давно поставленный вопрос. Этот комплекс документов — «следственные дела» декабристов.

В апреле 1826 г., отвечая на заданный Следственным комитетом вопрос об отношениях Южного общества с Северным, М. П. Бестужев-Рюмин писал: «... Матвей Муравьев жаловался на бездейственность Северного общества, говоря, что Трубецкой, Никита Муравьев, Тургенев проводят время в непрерывных политических прениях и тем связывают руки Оболенскому и Рылееву <...> Что Рылеев намеревался сформировать Морскую управу и уже начал принимать флотских членов. По имени помню только Матюшкина».¹⁸

Почему же историки до сих пор не обратили внимания на это прямое свидетельство о приеме Ф. Ф. Матюшкина в декабристское общество? Вероятно, в какой-то мере здесь повинен составитель именного указателя к девятому тому издания «Восстание декабристов». К фамилии Матюшкина в именном указателе был приписан инициал «М», которого не было в показаниях М. П. Бестужева-Рюмина, а в скобках «пояснено»: «Матюшко». Так Федор Матюшкин превратился в М. Матюшко.¹⁹

В какую же «Морскую управу» был принят лейтенант Матюшкин, и как об этом узнал «южанин» Матвей Муравьев-Апостол? С июня 1823 г. по август 1824 г. М. И. Муравьев-Апостол жил в Петербурге. Здесь в 1824 г. он встретился и познакомился с Матюшкиным, возвратившимся из полярной экспедиции. Матвей Муравьев-Апостол помнил о Матюшкине и в сибирской ссылке почти через 30 лет после встреч с ним. «Со мной здесь один твой знакомец Муравьев-Апостол <...> он видел тебя у Корниловича, когда ты возвратился из полярных стран; шлет тебе поклон...», — писал И. И. Пущин Матюшкину из Ялуторовска 25 января 1852 г.²⁰ «Приветствует тебя Матвей Муравьев, он помнит твои рассказы по возвращении из сибирской экспедиции», — сообщал И. И. Пущин 9 сентября 1852 г.²¹

М. И. Муравьев-Апостол был представителем «южан» при Северном обществе. Он участвовал в совещаниях «северян» и знал об их планах. Знал он и о стремлении К. Ф. Рылеева создать «Морскую управу» Северного общества.

¹⁷ Давыдов Ю. В морях и странствиях. 1956. С. 153.

¹⁸ Восстание декабристов: Материалы. М., 1950. Т. 9. С. 113.

¹⁹ Там же. С. 300. — К тому же вряд ли кто искал сведения о Матюшкине в девятом томе «Восстания декабристов», который содержит следственные дела только членов Южного общества.

²⁰ Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956. С. 251.

²¹ Там же. С. 255.

В конце 1823—1824 гг. на совещаниях Северного общества был принят разработанный Рылеевым план, включавший не только восстание в Петербурге, но и одновременно с ним восстание в Кронштадте и вывоз императорской семьи за границу на военном корабле. Для его исполнения Северное общество должно было создать в своем составе «Морскую управу» и иметь влияние на офицеров Балтийского флота.²²

В конце 1824—начале 1825 г. в Северное общество были приняты капитан-лейтенанты Н. А. Бестужев и К. П. Торсон и лейтенант М. А. Бестужев, в 1825 г. — мичман П. А. Бестужев и лейтенант Н. А. Чижев. Рылеев привлек в общество лейтенанта В. П. Романова и вел переговоры с лейтенантом Д. И. Завалишиным.²³ А из высказываний М. И. Муравьева-Апостола о Северном обществе, переданных М. П. Бестужевым-Рюминым, мы узнаем, что одним из первых принятых в «Морскую управу» Северного общества морских офицеров был Матюшкин.

Рылеев поручал Торсону и Н. А. Бестужеву при восстании в Петербурге «ехать в Кронштадт, где при помощи членов возмутить матрос, смелить начальство и принять город и крепость под свою команду».²⁴ Подготовку корабля, на котором предполагалось вывезти за границу императорскую семью, на котором предполагалось вывезти за границу императорскую семью, и командование им Рылеев также поручал Торсону. Вероятно, лейтенант Матюшкин должен был и участвовать в «возмущении матрос» в Кронштадте, и быть одним из офицеров на корабле, увозящем императорскую фамилию в изгнание...

Но участвовать в этих событиях Матюшкину не пришлось. 14 декабря 1825 г. он находился на транспорте «Кроткий» у берегов Бразилии. А когда у берегов Камчатки Матюшкин получил первые неясные сведения о восстании в Петербурге, он, видимо, попытался поднять бунт на корабле, т. е. действовал так, как полагалось действовать члену «Морской управы» Северного общества.

Восстание окончилось неудачей. Друзей Матюшкина арестовали, сам он был далеко и оказался непричастным к декабрьским событиям в Петербурге. А командир «Кроткого» Ф. П. Врангель не донес на подчиненного: свое возмущение «дурными делами» Матюшкина он выразил только в частном письме.

А. Б. Шешин

²² См.: Шешин А. Б. Морская управа Северного общества // Вопросы истории. 1979. № 2. С. 117—119.

²³ См.: Там же. С. 119—125.

²⁴ Восстание декабристов. М., 1976. Т. 14. С. 203.

КНИГА О ПУШКИНЕ — НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ АННЫ АХМАТОВОЙ

Напряженный, постоянный интерес к Пушкину, раздумья о его жизни и творчестве проходят сквозь всю биографию Ахматовой. Может быть, стоит сказать и о большем — об особом ахматовском пушкинизме. Сама Ахматова датирует свое обращение к Пушкину 1924 г. С этого времени

начинается первый период ее деятельности как пушкиниста, длящийся, по обоснованному мнению Э. Г. Герштейн, до 1936 г. Тогда были написаны статьи «Сказка о золотом петушке», «„Адольф“ Бенжамена Констанана в творчестве Пушкина», тогда же появились новые замыслы. Первый период своей работы Ахматова-пушкинист планировала завершить книгой.¹ Время с 1936 по 1946 г. — десятилетний перерыв в пушкиноведении Ахматовой.

Второй период открывает написанная в 1947 г. статья о «Каменном госте». Он отличается от первого качественно. О работах 1926—1936 гг. Ахматова писала: «Они очень пестры по содержанию. Среди них и заметки о пушкинском самоповторении, и наблюдения за эпистолярным стилем Пушкина, и о красочном эпитете у Пушкина» (279). Все последующие (после 1947 г.) статьи о Пушкине носят иной характер. В них Ахматова широко использует биографический метод, выявляет внутренние личные темы и те жанровые особенности, которые объединяют пушкинские произведения в циклы. Работая одновременно как биограф и как исследователь творчества Пушкина Ахматова и в этой научной деятельности остается большим поэтом. Ее знания (не о Пушкине, а Пушкина) — то, что знают только поэты. Может быть, в этом причина совершенной неповторимости, уникальности ее исследований.

Второй период своих занятий Пушкиным (1946—1959) Ахматова тоже планировала завершить книгой. Но если о первой несостоявшейся книге нам почти ничего неизвестно, то мы располагаем планом-оглавлением второй. Сохранился следующий ахматовский автограф 1959 г.

Оглавление

- I. *Две новые повести* Пушкина, 1959 г.
- II. О пушкинской хандре, 1959 г. и «Не посвящал друзей в шпионы»...
- III. *Marginalia* и мелкие заметки, 1930-е—1950-е гг.
- IV. «Каменный гость», дополненный, 1947—58 гг.
- V. Глава из «болдинской осени» — 1958 г. (связь «Каменного гостя» с «Онегиным» через «Адольфа», о «Модарте и Сальери» и т. д.). Или *Пушкин и Достоевский*, 1946, 47... («Дядюшкин сон» и «Игрок». Речь о Пушкине).
- VI. *Адольф*, 1936.
- VII. Главы из книги «Гибель Пушкина». 1946—59 гг. (93).

Как свидетельствует последняя часть «Оглавления», Ахматова писала также книгу «Гибель Пушкина», работа над которой, видимо, не была доведена до конца. Случилось так, что ни одна из трех задуманных книг не увидела свет. И лишь после смерти поэтессы появился сборник статей «О Пушкине», подготовленный Э. Г. Герштейн и позволивший читателю получить полноценное представление об Ахматовой как исследователнице Пушкина.

¹ «24 ноября 1945 г. она сообщала в „Литературной газете“: „В настоящее время я собираю и привожу в порядок мои заметки о Пушкине (1926—1936) ... В целом они составят книгу...“ (Герштейн Э. Послесловие // Анна Ахматова о Пушкине. Л., 1977. С. 279. — Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц).

В книге, составленной Э. Герштейн, два раздела: «Статьи» и «Заметки». В разделе «Статьи», где собраны только завершённые работы, помещены исследования, относящиеся к первому и второму периодам пушкиноведения Ахматовой. Этот раздел состоит из двух отделов: в первом собраны работы о творчестве, во втором — о жизни Пушкина. В «Заметках» — незавершённые работы о жизни и творчестве вместе.

Преимущества подобного повторения очевидны. Но имеет право на существование и другой путь — попытка воссоздать книгу Ахматовой о Пушкине такой, какой она сама хотела ее видеть и план которой зафиксирован автографом 1959 г. Автограф этот не черновой, рабочий набросок. Ахматова размышляла над ним, возвращалась к нему, делала приписки, вносила пояснения, уточняла даты написания отдельных глав и дополнений к ним. Очевидно, что задуман был не сборник статей, не «собрание пестрых глав»; отбор материала и последовательность, в которой он располагался, определяются не хронологией, а каким-то другим принципом. Уяснить этот принцип нелегко: сведения, которыми мы располагаем, скудны и фрагментарны, и выводы, которые могут быть сделаны, не будут свободны от известной гипотетичности. И все же стоит попытаться установить ту внутреннюю тему, раскрытию которой должна была быть посвящена неосуществлённая книга Ахматовой.

Над первой главой книги — «Две новые повести Пушкина» — Ахматова работала в том же 1959 г., когда и было составлено «Оглавление». Возможно, она написана к замыслу, нацелена в книгу. Это статья о поздней прозе Пушкина, объединённой конкретными жанровыми признаками. В центре ее — тема Клеопатры и мотивы, связанные с ней.

Ахматова находит в поэте из «Египетских ночей» (Чарском) черты Пушкина,² но не того Пушкина, который пишет «Египетские ночи». «Если это Пушкин, — пишет исследовательница, — то до 27—30 года, холостой, еще не знающий литературных неудач и литературных тягот, „такой превосходный поэт“» (192). Импровизатор тоже поэт, доказывает Ахматова, его портрет «во всех подробностях соответствует описанию внешности Мицкевича» (194). Исследовательница замечает, что Пушкин писал портреты только существовавших людей. «Импровизатор вообще редкость, — продолжает она, — и у нас нет сведений, что Пушкин слышал кого-нибудь из них, кроме Мицкевича» (194). Далее Ахматова пишет о сложности отношений Пушкина и Мицкевича («трудно говорить о дружбе двух поэтов»), позднее (в незавершённой статье «Пушкин в 1828 году») упоминает их соперничество у Каролины Собаньской. В PS первой части этой работы Ахматова приписывает: «Пушкин всякий раз занимался Мицкевичем, когда это было связано с Каролиной». Она называет Собаньскую одесской Клеопатрой. И еще: «Каролина—Клеопатра — это одна из женщин, которых Пушкин не только не возносит, как Татьяну или дочь мельника, это та, кого он боится и к которой тянется против силы.

Милый Демон» (197).

Ахматова связывает возникновение темы Клеопатры у Пушкина с годами общения с Собаньской (1824 и 1828). Ее же влиянием объясняет

² «То, что Чарский „Египетских ночей“ — сам Пушкин, никто в этом не сомневается» (195).

Ахматова особое отношение Пушкина к этой теме: «Во всей истории Клеопатры его (*Пушкина. — Э. О., Л. Ф.*) интересовала только запись Аврелия Виктора. Ни любовная связь с Цезарем, ни бурный предсмертный роман с Антонием, ни героическое самоубийство... — все это не привлекало внимания Пушкина. Он заметил и запомнил „одну черту“, как говорили в его время. И, смотря почти на каждую женщину, 10 лет подряд думал — а может ли она, как Клеопатра...» (196—197).

Исследуя вторую «новую повесть» — отрывок «Мы проводили вечер на даче», — Ахматова также выявляет того героя, которого она полностью отождествляет с Пушкиным. В доказательство она приводит «ключевую фразу» произведения, которую произносит «молодой человек по имени Алексей (то есть, вероятно, сам Пушкин): Есть черта в ее жизни, которая так врзалась в мое воображение, что не могу взглянуть почти ни на одну женщину, чтоб тотчас не подумать о Клеопатре» (196). В «светской злодейке, вдове по разводу с огненными глазами, с ледяным самообладанием авантюристки высшего полета» (198) видит Ахматова Клеопатру — Каролину Собаньскую.

Если рассматривать первый пункт «Оглавления» в том направлении, которое необходимо для определения общей темы и цели книги, то результат таков: тема задана, метод обозначен. Кроме работы в этом направлении (тема — Клеопатра, герой — Пушкин) Ахматова исследует жанровые особенности произведений и приходит к выводу, что они — «вечто вроде маленьких трагедий Пушкина, но только в прозе» (198). «Головокружительный лаконизм, — пишет она далее, — здесь доведен до того, что совершенно завершенную трагедию более ста лет считали не то рамочкой, не то черновичком, не то обрывком чего-то» (200). Жанр пушкинских «Маленьких трагедий» Ахматова, по-видимому, тоже связывает как-то с темой Клеопатры—Каролины. Обнаружив эту тему в «Повести из римской жизни» и выявив жанровую близость ее отрывку «Мы проводили вечер на даче», Ахматова пишет: «Она тоже могла бы стать прозаической маленькой трагедией». Возможно, исследовательница стремилась наметить цикл в поздних произведениях Пушкина, отмечая в них основное: полное тождество автора с героем, тему Клеопатры, приметы уже написанных «Маленьких трагедий», «головокружительный лаконизм», совмещение стихов и прозы и финал — «все происходит, когда занавес уже упал».³

Важным представляется и вопрос о названии первой главы в «Оглавлении». Название это — «Две новые повести Пушкина» — может показаться странным: для кого «новые»? Оказывается, для всех. Ахматова объясняет так: «Все это мало похоже на Пушкина, — скажут мне. Да, мало — на того Пушкина, которого мы знаем, на автора „Евгения Онегина“, но уже автора „Дневника“ мы не особенно хорошо знаем» (206). Понятно, что Ахматова писала о позднем, неразгаданном, малоизвестном Пушкине, новом для читателя, поэтому и повести его «новые».

Вторая глава в автографе называется «О пушкинской хандре». Ниже Ахматова вписала строку Пушкина: «Не посвящал друзей в шпионы».

³ «Во всяком случае эти две вещи тесно примыкают друг к другу, выско тракуют одни и те же предметы, могли бы стать частями какого-то цикла и представляют собою яркое свидетельство того, что в это время глубоко волновало Пушкина» (203).

К сожалению, этой главы, как и предыдущей, не существует в законченном виде. Об имеющихся материалах Э. Герштейн сообщает: «В соответствии с „Оглавлением“ Ахматовой были подобраны материалы и заведены обложки для большинства глав, надписанные ее рукой. Мы воспроизводим полное заглавие обложки второй главы (ед. хр. 5).⁴ Но рукописи со связным текстом этой главы в бумагах Ахматовой, поступивших в ГПБ и ЦГАЛИ, обнаружить не удалось. Из различных набросков (ед. хр. 5 и 7), подчас извлеченных нами из незачеркнутых оборотных страниц другой рукописи, отчетливо вырисовывается замысел и структура этой главы».⁵

Как ни мал тот объем материалов, который был предназначен для второй главы, все же ясно: в ней заданная тема развивается и углубляется. Если в первой главе имя Собаньской слилось для Пушкина с образом Клеопатры, то во второй она, Каролина, приобретает новые черты. Уже намеченный контекст дружбы, готовой стать враждой, теперь конкретизируется. Только в роли соперника не Мицкевич (как в 1828 г.), а Ал. Раевский (1823 г.). И это не соперничанье, это вражда и предательство.

Раевский — тема сопутствующая, Каролина — стержневая. Ахматова выявляет в стихах Пушкина скрытый портрет, обратный от написанного. Стих «Не посвящал друзей в шпионы» — это об Онегине, «а кто-то посвящал и даже очень, и этот кто-то — Раевский».⁶ Комментируя письмо к Раевскому, в котором Пушкин обещает как-то ему мстить и унижать его в глазах Каролины Собаньской, Ахматова пишет: «По тону письма видно, что он (Пушкин. — Э. О., Л. Ф.) находится в путях каких-то интриг, как-то связанных с Ал. Раевским и одесской Клеопатрой». Исследовательница находит отражение переживаний Пушкина в Одессе в его стихах:

[Я зрел врага в бесстрашном (?) судии,
Изменника — в товарище, пожавшем
Мне руку на пиру, — всяк предо мной
Казался мне изменник или враг. —]

III, 996

и заключает, что это было выражением болезненного состояния души поэта, его самопризнание; открывает нам Пушкина, которого мы не знаем, «но ведь он же лучше знал самого себя».⁷ Ахматова, биограф во всех главах будущей книги, была не только внимательным исследователем творчества Пушкина, но и тонким психологом, особенно чутко (как только это может трагический поэт) осознавшим страшные периоды жизни другого поэта. «Но к его, а тем более к нашему счастью, — пишет она далее, — эти страшные периоды не были отмечены молчанием его Музы.

⁴ Заглавие обложки второй главы: «О XV строфе второй главы „Евгения Онегина“, о мании преследования (хандре), посвящении в шпионы (о «мнимой дружбе») и первом слое стихотворения „... Вновь я посетил“ («милые южные дамы»)». Вероятно, его можно рассматривать как план этой главы.

⁵ Незданые заметки Анны Ахматовой о Пушкине // Вопросы литературы. 1970. № 1. С. 193—194.

⁶ Там же. С. 188.

⁷ Там же. С. 192.

Наоборот! То, что он своими золотыми стихами описывал эти состояния, и было своеобразным лечением. Пушкин сам писал об этом:

Поэзия, как ангел-[утешитель],
Спасла меня; и я воскрес душой.

(«... Вновь я посетил», черн.)»⁸

В следующей главе «Marginalia» — снова тема Клеопатры. Ахматова находит ее в раннем стихотворении Пушкина «Элегии К***» («Зачем безвременную скуку...»). В комментарии к публикации Э. Г. Герштейн и В. Э. Вацуро указывают: «В экземпляре сочинений Пушкина, принадлежавшем Ахматовой, отчеркнуты строки:

Тогда изгнаньем и могилой,
Несчастный! будешь ты готов
Купить хоть слово девы милой,
Хоть легкий шум ее шагов»⁹

Очевидно, что Ахматова упорно искала тему Клеопатры у Пушкина и до появления в его жизни Собаньской.

Центральное место в «Оглавлении» занимает глава о «Каменном госте». В ней наконец Ахматова вводит важное для понимания ее книги определение — «основной пушкинский герой». Она выявляет его при анализе философской прозы и ранних стихов, «Маленьких трагедий» и романа в стихах. Он, этот герой, переплетаясь с темой Клеопатры, входя в нее и от нее отталкиваясь, должен был связать, цементировать всю книгу. Чем отличается, по Ахматовой, «пушкинский Гуан» от Дон Жуанов других поэтов? Он «не дапонтовский богач <...> и не мольтеровский унылый резонер, обманывающий кредиторов. Пушкинский Гуан — испанский гранд, которого при встрече на улице не мог не узнать король <...> Дон Гуан — поэт. Его стихи, положенные на музыку, поет Лаура» (93—94). Этим, наблюдает Ахматова, он близок Чарскому, повторявшему излюбленную мысль Пушкина: «Наши поэты не пользуются покровительством господ; наши поэты сами господа». И тайное возвращение Гуана из ссылки как мучительную мечту Пушкина отмечает Ахматова, и то, что поэт заменил Севилью Мадридом: ему нужна была столица. Так исследовательница доказывает — это Пушкин. В своих суждениях Ахматова исходит из того, каково значение каждого момента произведения для самого автора.

Личность Пушкина в центре внимания. «Основной пушкинский герой» — «герой до конца». Что это значит? Дон Гуан не бывает смешон или низок в любовных историях, он даже не переодевается слугой, чтобы соблазнить горничную, но он «гораздо страшнее своих предшественников» (95). Это «страшнее» звучит неожиданно, ведь «пушкинский Гуан» лучший из Дон Жуанов, по мнению Ахматовой. Почему же «страшнее»?

⁸ Там же. С. 193.

⁹ Герштейн Э. Г., Вацуро В. Э. Заметки А. А. Ахматовой о Пушкине // Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л., 1972. С. 42. — В этих стихах Пушкина отражена именно та «одна черта», которую, по мнению Ахматовой, видел поэт в Каролине—Клеопатре и искал в других жемчужинах.

По-видимому, это очень высокая оценка. «В отличие от других Дон Жуанов, которые совершенно одинаково относятся ко всем женщинам, у пушкинского Гуана находятся для каждой из трех, таких разных женщин, разные слова», — отмечает исследовательница. Он талантлив и смел, изящен и красив. И тут же: «...эта смесь холодной жестокости с детской беспечностью производит потрясающее впечатление» (95). Дон Гуан страшен, перед ним страшно от восхищения, как перед любовью. В статье ощущается живое восприятие Ахматовой Пушкина: она так вошла в трагедию, что ощутила себя пушкинской героиней. Отсюда особое ощущение лиризма трагедии, ощущение идентичности автора с тем, кто является «героем до конца».

От проникновения в Пушкина Ахматова идет к разгадке характеров героев трагедии. «Каменный гость» для Пушкина трагедия возмездия. «... все действующие лица, — пишет Ахматова, — Лаура, Лепорелло, Дон Карлос и Дона Анна только и делают, что готовят и торопят гибель Дон Гуана. О том же неустанно хлопочет и сам герой» (92). Та же мысль, что все, даже близкие друзья Пушкина, «только и делали, что готовили и торопили его» гибель», проходит через большинство статей Ахматовой.

Но Ахматова ощущает Пушкина не только в образе Дон Гуана. Для нее и Командор — Пушкин. С ним связана тема загробной ревности, так волновавшая поэта. В его письме к матери Натальи Николаевны, которое цитирует Ахматова, автор «Каменного гостя» сознается, что мысль оставить свою жену «блестящей вдовой, вольной на другой день выбрать себе нового мужа, — эта мысль для него — ад» (XIV, № 461).

Вот два вывода, к которым Ахматова приходит в разное время. 1) «... в трагедии „Каменный гость“ Пушкин карает самого себя — молодого, беспечного и грешного, а тема загробной ревности (т. е. боязни ее) звучит так же громко, как и тема возмездия» (1947 г.). 2) «... в „Каменном госте“ Пушкин как бы делит себя между Командором и Гуаном...» (1957 г.) (168).¹⁰

Вся трагедия, по Ахматовой, пронизана темой Клеопатры. Эта тема прослеживается и в следующей (незавершенной) «Главе из „болдинской осени“». С другой стороны, все три главы, следующие за «Каменным гостем», связаны одним центральным образом — образом «основного пушкинского героя» — с сопровождающими его темами. В заметках к пятой главе книги, где продолжается исследование трагедии «Каменный гость» в связи с темой Клеопатры, рассматриваются женские образы. Лаура — «милый демон», — цитирует Ахматова реплику Дон Карлоса. «Демон» было прозвище Собаньской, и так называл ее Пушкин в письме от 2 февраля 1830 г. Черты Клеопатры—Собаньской в Лауре для Ахматовой бесспорны. Она находит аналогии в тексте трагедии:

¹⁰ Интересно, что для глубоко понимавшей и тонко чувствовавшей Пушкина Марины Цветаевой Пушкин и Командор были несовместимы:

Пушкин — в роли монумента?
Гостя каменного? — он,
Скалозубый, нагловзорый
Пушкин — в роли Командора?

Цветаева М. И. Избр. произв. М.; Л., 1965. С. 281.

Ты молода ... и будешь молода
Еще лет пять иль шесть...

«Каменный гость» (сцена II:
Дон Карлос — Лауре)

и в упомянутом письме Пушкина к Собаньской: «А вы, между тем, по-прежнему прекрасны <...> Но вы увянете; эта красота когда-нибудь покажется вниз, как лавина» (180).

Далее Ахматова пишет: «У Собаньской был прекрасный голос — она чудесно пела и имела прозвище — демон <...>»

Эти три совпадения — 1) демон, 2) музыка, 3) красота, которая исчезнет <...> позволяют нам утверждать, что и здесь Пушкин восходит к собственному опыту прошлой зимы, а возможно, и 28-го года, когда он встречался с Собаньской» (181). Чтобы яснее представить аспект, в котором рассматривала Ахматова тему Клеопатры в «Каменном госте» Пушкина, следует вернуться к материалу предыдущей главы. В статье о «Каменном госте» Ахматова сопоставляет двух героинь — Лауру и Дону Анну — и показывает различное отношение к ним автора. Дона Анна, несмотря на любовь к ней Дон Гуана, Пушкину, по мнению Ахматовой, противна. «Для Пушкина, — пишет она, — это очень кокетливая, любопытная малодушная женщина и ханжа. NB. Типичная католическая дэвотка под стать Каролине Собаньской» (163).¹¹ «От Лауры, — пишет она далее, — автор в восторге. Это юность Пушкина, это — музыка». Наблюдения Ахматовой позволяют продолжить ее мысль: в трагедии не только два Пушкина — Дон Гуан и Командор, здесь и две Клеопатры — две Каролины Собаньских: Лаура — какой воспринимал Каролину влюбленный Пушкин, и Дона Анна — какой знал ее автор трагедии.¹²

Шестая статья «Оглавления» — *Адольф*. Очевидно, что Ахматова имела в виду свою довоенную работу «„Адольф“ Бенжамена Констана в творчестве Пушкина». Статья может показаться странной, чужеродной в этой книге, если не учитывать того, как могло быть подготовлено ее восприятие предыдущими главами. В ней тема Клеопатры, «основной пушкинский герой» только намечаются, но после открытий «Пушкин—Дон Гуан», «Пушкин—Командор», «Пушкин—Чарский», «Пушкин—Онегин VIII главы», после письма к К. Собаньской от 2 февраля 1830 г., где Пушкин называет Каролину Эленорой, как героиню «Адольфа», — только после всего этого и перед «Главами из книги „Гибель Пушкина“» статья воспринимается как органическая часть книги, как глубокий комментарий к предыдущим главам.

¹¹ Это материалы к главе «Каменный гость», но не из той части, которая была написана в 1947 г., а из той, что является поздним приложением.

¹² Ср. с приведенной Ахматовой в «Главе из „болдинской осени“» частью уже цитированного письма: «Дорогая Эленора, позвольте мне называть вас этим именем, напоминающим мне и жгучие чтения моих юных лет, и нежный призрак, прельщавший меня тогда, и ваше собственное существование, такое жестокое и бурное, такое отличное от того, каким оно должно быть» (179). (Разрядка наша. — Э. О., Л. Ф.).

А все дело в Адольфе. Не случайно Ахматова оставила это имя в «Оглавлении» без кавычек. Исследовательница рассматривает здесь новое соотношение: Пушкин и Адольф, т. е. не Пушкин и его герой, а Пушкин и чужой герой, но через тот же, что и в предыдущих главах, круг произведений. Иначе говоря, в этой главе «основной пушкинский герой» рассматривается под другим углом.

В последнем, седьмом, пункте «Оглавления» указаны «Главы из книги „Гибель Пушкина“». Здесь предметом рассмотрения являются не герои произведений Пушкина, а участники событий его жизни. И становится ясно, почему на протяжении всей книги в центре внимания автора трагедия «Каменный гость». Ахматова выделяет произведение, в котором поэт предсказывает собственную судьбу. «Все действующие лица» последней главы, даже друзья, даже близкие, «только и делают, что готовят и торопят гибель» Пушкина. «О том же неустанно хлопочет и сам» поэт. Для Ахматовой Пушкин — не просто герой ее книги, но, как точно пишет Э. Герштейн, «Ахматова выступает как автор художественной концепции жизни поэта, что, конечно, не имеет ничего общего с беллетризацией литературоведения или с пресловутым жанром романа-биографии» (316). Вся несвершившаяся книга Ахматовой — о близком человеке.

Нельзя отделить Ахматову-исследователя от Ахматовой — трагического поэта. В работе над Пушкиным Ахматовой-исследователю становились ближе и понятней трагические стороны его творчества, Ахматова-поэт писала трагедию о Пушкине.

Э. А. Обухова, Л. Г. Фризман

ЗАГАДОЧНЫЙ ПОРТРЕТ

В прижизненной иконографии Пушкина существует загадочный портрет, автором которого считается И. Л. Линеv. По мнению некоторых исследователей, этот портрет наиболее реалистически передает внешность и состояние Пушкина в последние годы жизни.

Об истории создания портрета не сохранилось ни документальных данных, ни свидетельств современников. Ничего не известно и об истории бытования портрета до 1877 г. В 50-ю годовщину со дня смерти поэта он поступил в музей при Александровском лицее от артиста Л. Л. Леопидова. Первые сведения о портрете дал С. Ф. Либрович сначала в газете «Новости» (1888 г., 20 декабря), затем в книге «Пушкин в портретах».

«Библиотекарь лицея Я. Г. Северский, — писал исследователь, — случайно в разговоре с балетным артистом Стуколкиным узнал, что в семействе жены последнего когда-то хранился портрет Пушкина, перешедший затем к артисту Леопидову в числе разных других вещей, в виде прибавки к приданому за женой — свояченицей Стуколкина. Как попал портрет в семейство последней — неизвестно. . . На загрязненном, запыленном и поблекшем от времени полотне едва можно было различить черты лица и на первый взгляд можно было подумать, что это какая-нибудь плохая копия с Кипренского. Портрет был подписан буквами „И. Л.“».¹

¹ Либрович С. Ф. Пушкин в портретах. СПб., 1890. С. 62.

Поступивший в музей портрет Пушкина был реставрирован и дублирован (авторский холст наклеен на новое основание), и тут-то, по словам Либровича, «выступили, как живые, черты лица поэта. Тогда можно было вполне оценить, что портрет — действительно замечательный. Навели справки — чьей кисти мог принадлежать портрет. По начальным буквам „И. Л.“ и по характеру живописи петербургский Эрмитаж признал портрет принадлежащим кисти И. Л. Линева».²

Итак, на основе подписи и манеры письма, казалось, было определено имя художника — И. Л. Линева. Атрибуция такого характера возможна, если речь идет о работах достаточно известного художника. В данном же случае определение автора портрета ничем не подтверждается — нет художника с таким именем, нет, соответственно, и ни одной его работы.

Однако имя Линева закрепилось за портретом. Надпись на краю живописи «рис. съ натуры И. Линева» ввела портрет в число прижизненных. В исследованиях по иконографии Пушкина рядом с именем Линева стала появляться как бесспорная и дата создания портрета — 1836—1837 гг.

Вслед за Либровичем восхищенные отзывы о портрете дают М. Беляев («сходство его и, так сказать, документальность, по-видимому, изумительны»³) и Э. Голлербах («общая концепция портрета, его строгий реализм, явное отсутствие прикрас, наконец, сходство самой конструкции лица с автопортретами поэта — заставляют нас верить Линева»⁴).

Правда, Голлербах высказывает некоторое сомнение в том, что портрет прижизненный: «... трудно предположить, что появление нового портрета Пушкина в последние годы его жизни осталось незамеченным его современниками».⁵

Ссылаясь на «мертвенность облика Пушкина», «некоторую окоченелость лица, не уменьшающую, однако, впечатления сходства», Голлербах высказывает предположение, что Линева мог сделать портрет с рисунка Ф. А. Бруни «Пушкин в гробу» или собственной подобной зарисовки, которую затем «превратил в портрет живого Пушкина».

К числу замечательных иконографических документов» относил портрет Линева И. Зильберштейн, отвергавший гипотезу о перерисовке портрета с изображения Пушкина в гробу.⁶

Признав, что о портрете по-прежнему ничего не известно, кроме того, что сообщил о нем Либрович, Зильберштейн сделал попытку доказать, что портрет написан с натуры. Факт создания портрета Зильберштейн связал с двумя нерасшифрованными записками В. А. Жуковского к Пушкину, условно датированными началом 1836 г. В них Жуковский приглашает Пушкина к себе для позирования художнику.

«... завтра (в субботу) жду тебя также непременно к себе часу во второе поутру. У меня будет живописец, и ты должен с полчаса посидеть под пыткой его животворной кисти» (XVI, 100).

² Там же. С. 63.

³ Беляев М. Д. Заметки на полях книги С. Либровича «Пушкин в портретах» // Литературное наследство. 1934. Т. 16—18. С. 975.

⁴ Голлербах Э. Ф. А. С. Пушкин в изобразительном искусстве. Л., 1937. С. 141.

⁵ Там же.

⁶ Зильберштейн И. С. А. С. Пушкин и его литературное окружение. М., 1938. С. 14—16.

«Не забудь, что ты у меня нынче в час будешь рисоваться. Если не найдешь меня, паче чаяния, дома, то найдешь у меня живописца. Прошу пожаловать» (XVI, 100).

Кроме этих записок, нет других подтверждений, что Жуковский заказывал кому-то портрет Пушкина. При такой версии невольно возникают вопросы: почему Жуковский, портреты которого писали первоклассные художники, пригласил никому не известного любителя для создания портрета Пушкина? Почему Пушкин, отказывавшийся в 1836 г. позировать К. Брюллову, согласился, чтобы его портрет написал художник-любитель?

Именно с этим портретом Зильберштейн связал и не расшифрованную до сих пор записку Пушкина: «Посылаю тебе мою образину. Скажи, сколько хочешь ты за свою карету? есть покушники» (XV, 70). В разных изданиях адресатом этой записки называют предположительно Вяземского или Нащокина, относят ее то к 1828, то к 1833 г.

«Жестокий реализм портрета, — пишет Зильберштейн, — естественно не понравился Пушкину (об этом свидетельствует его выражение «образина») и, очевидно, не пришелся по душе Жуковскому. Этим и можно объяснить тот факт, что портрет скоро оказался забытым и на целых 50 лет пропал из поля зрения».⁷

Однако слово «образина» в пушкинском кругу означало не оценку работы художника, а шутовское отношение к своему изображению. Так, например, П. А. Вяземский, обращаясь к А. И. Тургеневу с просьбой выслать ему портреты арзамасцев, писал 20 апреля 1816 г.: «...высылайте мне скорее свои образины: я очень ими дорожу».⁸

В подобном же тоне написано письмо В. А. Жуковского к А. П. Киреевской (Елагиной) присылке ей портрета работы Г. Гиппиуса: «...я могу иметь несколько экземпляров за то, что сидел для живописца. Примите же мою рожу, как бы хотелось сказать это о самом себе».⁹

Записка Пушкина могла относиться и к портрету Гиппиуса, которому Пушкин позировал в 1827—1828 гг. и, вероятно, так же как и Жуковский, имел несколько экземпляров литографированного портрета, и к гравюре Н. И. Уткина, широко продававшейся в Петербурге в конце 1820-х гг.

Таким образом, нельзя считать убедительными доводы, приведенные Зильберштейном в пользу того, что портрет писался с натуры по заказу Жуковского.

Относительно нерасшифрованных записок Жуковского в качестве гипотезы выскажем предположение, что в них речь могла идти о позировании Пушкина одному из группы художников, писавших картину «Субботнее собрание у Жуковского». Картина создавалась в 1834—1836 гг. учениками А. Г. Венецианова. Один из них, А. Н. Мокрицкий, вспоминал об истории создания этого полотна: «Василий Андреевич пожелал иметь перспективный вид своего кабинета и в нем портреты лучших своих дру-

⁷ Там же. С. 16.

⁸ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 44.

⁹ Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой. М., 1904. С. 33.

зей и приятелей, нужно было поместить более десяти человек и всех написать с натуры. . . Михайлов написал кабинет, другие ученики писали фигуры, на мою долю достались тоже две фигуры». ¹⁰

Из этих воспоминаний следует, что все изображенные на картине друзья Жуковского писались с натуры. Вполне вероятно, что позировали они непосредственно в интерьере кабинета Жуковского. При этой гипотезе становится понятным, почему художник ждал Пушкина именно в квартире Жуковского.

Резко отрицательный отзыв о портрете Линева, противоположный приведенным выше, дал И. Грабарь: «Существует еще один портрет. . . дурной славы, приписываемый некоему Линеву. На нем вовсе не следовало бы останавливаться, если бы он не был незаслуженно превознесен М. Д. Беляевым и Голлербахом, считающими его „одним из самых примечательных“, а в смысле сходства и документальности просто „изумительным“.

Однако при ближайшем рассмотрении он оказывается прямо скомбинированным с рисунка неизвестного художника, изобразившего Пушкина в гробу». ¹¹

Отзыв Грабаря, отрицавшего версию о том, что портрет писался с натуры, не был принят во внимание. Портрет по-прежнему занимал важное место в прижизненной иконографии Пушкина. Не сомневаясь в том, что портрет прижизненный, исследователи сосредоточили усилия на поисках сведений о художнике Линеве.

В 1972 г. появилась статья профессора С. М. Куликова (инженера по профессии) «Материалы о И. Л. Линеве — авторе портрета А. С. Пушкина». ¹² Куликов собрал сведения об Иване Логиновиче Линеве, фамилия и инициалы которого совпадают с предполагаемым автором портрета.

И. Л. Линева (1777—1840?) с 1797 г. служил в кавалергардском полку, где оставил о себе память как «чрезвычайно красивый, но столь же глупый и необразованный, на хорошем по службе счету у начальства». ¹³ В 1801 г. он был уволен в отставку в чине ротмистра. О службе Линева в кавалергардском полку С. Куликов не упоминает. Вероятно, приведенный там отзыв не очень подходит для характеристики любителя искусств, друга Жуковского и автора портрета Пушкина.

В период Наполеоновских войн И. Л. Линева служил в Сумском гусарском полку. В 1811 г. он окончательно вышел в отставку в чине полковника в связи с получением в наследство после смерти отца имения в Новгородской губернии Устюженского уезда.

В справочнике «Нумерация домов С.-Петербурга с алфавитным списком проспектов, улиц . . . и владельцев домов» (СПб., 1836) указан владелец дома на «2-й Итальянской улице Литейной части 17» полковник Линева (без инициалов).

В воспоминаниях В. Н. Житовой, приемной дочери В. П. Тургеневой,

¹⁰ Мокрицкий А. Н. Воспоминания об А. Г. Венецианове и учениках его // Отечественные записки. 1857. Т. 115. С. 93.

¹¹ Грабарь И. Э. Внешний облик Пушкина // А. С. Пушкин: Материалы юбилейных торжеств. 1799—1949. М.; Л., 1951. С. 153.

¹² Искусство. 1972. № 8. С. 63—67.

¹³ Сборник биографий кавалергардов (1762—1801). СПб., 1904. Т. 2. С. 402.

есть упоминание о проживании семьи Тургеневых в Петербурге, в доме Линева, где у них бывал В. А. Жуковский.¹⁴

На первый взгляд как будто подтверждается версия И. Зильберштейна, что портрет писался по заказу Жуковского. Жуковский бывал у Тургеневых в доме Линева, следовательно, мог быть знаком и с владельцем дома.

«Вполне вероятно, — пишет С. М. Куликов, — что В. А. Жуковский, заручившись согласием А. С. Пушкина позировать художнику для написания портрета, обратился с просьбой написать портрет поэта к Ивану Логиновичу Линеву, с работами которого он был, конечно, знаком, бывая в доме Линева у Тургеневых».¹⁵

Но никаких подтверждений того, что Жуковский был знаком с Линевым и главное того, что Линева занимался живописью, — нет. Однако Куликов считает это бесспорным фактом и совершенно произвольно делает вывод о том, что «Тургеневых, Жуковского и Линева связывала глубокая любовь к искусству».

В подтверждение художественных интересов Линева Куликов опять же как о бесспорном факте пишет, что в поместье в окрестностях Устюжны «Ивану Логиновичу удалось воплотить свою мечту — построить церковь Вознесения и собственноручно участвовать в ее внутренней росписи».¹⁶

Обратимся к аргументам, которые приводит автор статьи в подтверждение «собственноручной» росписи церкви Линевым. (Церковь существовала до 1947 г. Несколько икон из нее находятся сейчас в Устюженском краеведческом музее.)

«Интересна картина, возможно, созданная И. Л. Линевым»; «Кисти И. Л. Линева, как нам кажется, принадлежат также два изображения евангелистов»; «Хотя эти портреты и не подписаны, но некоторые из них, по-видимому, принадлежат кисти И. Л. Линева».

Эти «аргументы» легко опровергаются действительно бесспорным фактом: «Церковь построена в 1849 г. тщанием помещика штаб-ротмистра Логина Ивановича Линева. Церковь оштукатурена, выбелена известью, покрыта железом, устроена не по средствам прихода».¹⁷

Итак, «собственноручно участвовать в ее внутренней росписи» И. Л. Линева не мог, так как церковь была построена уже после его смерти на средства его сына Логина Ивановича Линева.

И. Л. Линева умер, вероятно, в конце 1839 или в начале 1840 г., так как при рождении его внука Ивана 3 февраля 1840 г. отмечены восприимчики: «отставной поручик Александр Федорович Кисловский и умершего полковника Ивана Логиновича Линева жена Александра Ивановна».¹⁸

Следовательно, версия о занятиях И. Л. Линева живописью ничем не подтверждается. С. М. Куликов исходил из заданного факта — автор порт-

¹⁴ Житова В. П. Воспоминания о семье И. С. Тургенева // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1959. Т. 1. С. 39.

¹⁵ Куликов С. М. Материалы о И. Л. Линева — авторе портрета А. С. Пушкина. С. 66.

¹⁶ Там же. С. 65.

¹⁷ Государственный архив Новгородской области («Церковные ведомости Устюженского уезда Новгородской губернии за 1919 г.»).

¹⁸ ЦГИА, ф. 1343, оп. 24, д. 2027, л. 12.

рета И. Л. Линева. Но в его работе нет ни одного аргументированного довода для отождествления реально существовавшего полковника Ивана Логиновича Линева с автором портрета Пушкина.

При изучении прижизненной иконографии Пушкина следует иметь в виду отношение поэта к самому факту портретирования. Пушкин не только никогда не заказывал своих портретов, но и отказывал художникам, хотевшим его написать. Особенно важно учитывать этот момент, когда речь идет о последних годах жизни поэта.

В мае 1836 г. Пушкин писал из Москвы жене: «Здесь хотят лепить мой бюст. Но я не хочу. Тут арапское мое безобразие предано будет бессмертию во всей своей мертвой неподвижности» (XVI, 1196).

К концу своей короткой жизни Пушкин, как бы предчувствуя развязку, пишет итоговое стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный». Для него небезразлично, каким предстанет он перед будущим читателем, каким «предан будет бессмертию».

Еще болдинской осенью 1830 г. в «Опровержении на критики» Пушкин писал: «В другой газете объявили, что я собой весьма не благообразен и что портреты мои слишком льстивы. На эту личность я не отвечал, хотя она меня глубоко тронула» (XI, 162). Речь шла об отзыве на портрет О. Кипренского. Эту обиду Пушкин помнил, если написал, что она его «глубоко тронула».

Насмешки над происхождением, внешностью Пушкина вряд ли могли вызвать у него желание заказывать свои портреты, да еще художникам-любителям, что дало бы повод посмеяться не только над «неблагообразной» внешностью, но и над неумелым, непрофессиональным изображением.

Уже одно это не позволяет категорично решать вопрос о согласии поэта позировать неизвестному любителю.

Обратимся непосредственно к анализу самого портрета.

В 1986 г. в Отделе технико-технологических исследований ГРМ была произведена экспертиза портрета, выявившая значительные расхождения между первоначальным авторским изображением и позднейшими реставрационными записями.

При поступлении в музей Александровского лицея в 1887 г. портрет, по свидетельству Либровича, находился в очень плохом состоянии и был тщательно реставрирован. Именно эта реставрация изменила черты лица изображенного: «...прописаны левая бровь и глаза, нижняя часть носа вместе с теневой частью ноздри; сплошная запись по теневому краю лба и подбородку. Эти записи существенно искажают черты лица поэта, так как лежат не в границах утрат авторской живописи».

При сравнении портрета с фотографией, сделанной с экрана телевизионной инфракрасной системы, эти различия явственно заметны. Искажено изображение правого глаза — нарушена параллельность и соответствии направленности взгляда по отношению к левому глазу. Утяжелен подбородок. Заново написан кончик носа и опись ноздри. С правой стороны расширено очертание лба, увеличивающее поворот головы изображенного. Непрофессиональная, грубая реставрация придала и мертвенность, неподвижность чертам лица, что дало основание говорить о сходстве портрета с рисунками, изображающими Пушкина в гробу.

Насколько же точно первоначальное авторское изображение передает реальные черты внешности Пушкина? Поэт изображен со слегка вьющимися волосами, с бакенбардами, прямым носом и карими глазами.

На других портретах Пушкина и особенно на автопортретах — характерный опущенный кончик носа. Попытка передать эту особенность внешности Пушкина сделана реставратором, заново написавшим нижнюю часть носа.

Как известно, глаза у Пушкина были голубые. Сам поэт, описывая свою внешность на так называемом «Билете на проезд в Петербург» на имя Алексея Хохлова, указал: «...волосы темнорусыя, глаза голубыя».

В подтверждение документальности портрета Голлербах, Беляев и Зильберштейн акцентировали внимание лишь на словах П. В. Нащокина, записанных П. Бартевым: «К концу жизни у него уже начала показываться лысина и волосы переставали виться».¹⁹

Однако можно привести и другие, противоположные этому свидетельству современников.

И. С. Тургенев, видевший Пушкина за несколько дней до его смерти в зале Энгельгардта, так описывал его внешность: «Помню его смуглое небольшое лицо, его африканские губы, темные желчные глаза под высоким лбом почти без бровей — и кудрявые волосы».²⁰ Кудрявые волосы у Пушкина отмечал и В. П. Бурнашев, видевший поэта в гробу: «Великолепные курчавые темные волосы были разметаны на атласной подушке».²¹

Таким образом, утверждение о правдоподобии и документальности портрета представляется достаточно спорным.

Множество вопросов возникает и при анализе авторской подписи «рис. с натуры И. Л...» (как установила экспертиза, именно так был подписан портрет первоначально).

Надписи такого рода не встречаются на живописных работах. Слово «рисовал» не характерно для живописи, оно употребляется только в отношении рисунков, выполненных карандашом или акварелью. В применении к живописной работе оно воспринимается как профессиональная неграмотность.

Нарочито звучит подчеркивание «с натуры», как бы стремящееся убедить зрителя, заставить его поверить.

Но то, что портрет был написан не с натуры, подтверждает одна деталь, никем до сих пор не замеченная: сюртук у Пушкина застегнут с левой стороны. При написании портрета с натуры такой ошибки художник не мог допустить. Перевернутое, зеркальное изображение оригинала часто можно встретить на литографированных оттисках, когда композиция рисунка оказывается повернутой в другую сторону. В этих случаях меняется поворот головы, расположение орденов и цуговиц по сравнению с оригиналом. Возникает явное противоречие между тем, что мы видим (изображением), и тем, в чем нас пытаются уверить (надписью).

¹⁹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 193.

²⁰ Литературный вечер у П. А. Плетнева // Тургенев И. С. Собр. соч. М., 1983. Т. 11. С. 13.

²¹ Русский архив. 1872. № 10. С. 1811.

По данным экспертизы, портрет написан на ранее использованном под другую живопись холсте. Этот момент также вызывает сомнение в создании портрета с натуры. Навряд ли художник, писавший заказной портрет прославленного поэта, использовал бы старый, уже употребленный холст.

Именно тем, что портрет написан не с натуры, можно объяснить и несоответствие цвета глаз у Пушкина. В данном случае сработал стереотип: Пушкин негритянского происхождения, смуглый, следовательно, глаза у него карие.

Наконец, странно выглядит и сама подпись автора портрета. Не просто монограмма (И. Л.), но вместо букв фамилии проставлены точки. Подобные подписи не встречаются у художников. Как выявила экспертиза, при реставрации портрета потертая подпись была поновлена и вместо точек в фамилии проставлены буквы.

По свидетельству Либровича, определение имени автора портрета было произведено уже после реставрации, которая, как стало теперь известно, значительно изменила первоначальное изображение. Следовательно, автор атрибуции не мог судить о «характере живописи» при определении имени художника, так как авторское изображение было скрыто грубой реставрацией. Да и могли ли быть широко известны работы художника «со слабой профессиональной подготовкой» (по данным экспертизы)? Появление имени Линева пока остается загадкой.

Итак, те факты, которыми мы располагаем сегодня, дают все основания для того, чтобы исключить этот портрет из числа прижизненных и отказаться от авторства Линева. Нет ни одного реального довода, который позволил бы рассматривать портрет в одном ряду с работами Тропинина и Кипренского.

Это портрет явно посмертный, выполненный в конце 1830-х или начале 1840-х гг. художником-монограммистом «И. Л.» скорее всего по какому-то литографированному портрету, появившемуся после смерти Пушкина. Оригинал значительно изменен, не сразу узнается. Возможно, портрет был скомбинирован с нескольких изображений Пушкина.

Т. Г. Александрова

IV. ХРОНИКА

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ 1985 ГОДА

В Государственном академическом театре драмы им. А. С. Пушкина состоялась премьера спектакля «Капитанская дочка» по одноименному роману Пушкина. Режиссер Р. Горяев, инсценировка Ю. Свирина, музыка А. Петрова, художник М. Китаев. В главных ролях: В. Смирнов (Пугачев), М. Долгинин (Гринев), Ю. Родионов (Швабрин), Н. Ургант (Екатерина II).

(«*Вечерний Ленинград*», 15 января; «*Советская Россия*», 14 февраля).

В Государственном музее А. С. Пушкина впервые прозвучала музыка С. С. Прокофьева к утерянному фильму М. И. Ромма «Пиковая дама». Партию фортепиано исполнил Г. С. Зингер, чтение текста — А. А. Косовский.

(«*Труд*», 16 января).

В Государственном академическом театре оперы и балета им. С. М. Кирова состоялась премьера оперы Чайковского «Пиковая дама» в новой постановке Ю. Темирканова. Художник И. Иванов, хореография О. Виноградова. В главных партиях: А. Стеблянко, Ю. Марусин (Германн), Л. Шевченко, Т. Новикова (Лиза), И. Богачева, Л. Филатова (Графиня).

(«*Вечерний Ленинград*», 19 января).

В Ленинграде, на углу Невского пр. и наб. р. Мойки (Невский пр., 18), в доме, где в прошлом веке находилась кондитерская Вольфа и Беранже, открылось «Литературное кафе».

(«*Ленинградская правда*», 5 февраля; «*Вечерний Ленинград*», 5 февраля; «*Труд*», 6 февраля; «*Правда*», 7 февраля; «*Смена*», 8 февраля; «*Ленинградский рабочий*», 8 февраля; «*Литературная газета*», 13 февраля).

В Горьком, в Доме-музее А. М. Горького открылась выставка работ художника Д. Д. Арсенина о пушкинском Болдине.

(«Литературная Россия», 2 февраля).

В Музее Ф. М. Достоевского (Ленинград) состоялся моноспектакль «Последние дни жизни Пушкина». Автор и исполнитель — Г. Волгина.

(«Смена», 14 февраля).

Готовится экспозиция музея, который посвящен московскому периоду жизни поэта, связанному с его женитьбой. Это музей-квартира А. С. Пушкина на Арбате.

(«Литературная газета», 13 февраля, 19 февраля; «Литературная Россия», 14 февраля; «Ленинградская правда», 5 июня; «Московские новости», 14 августа; «Московскийсомолец», 25 декабря).

В Полотняном Заводе Калужской области реставрируется усадьба Гончаровых, где бывал поэт. Здесь создается музей Пушкина.

(«Вечерний Новосибирск», 7 мая).

В Пушкинских Горах начато строительство научно-музейного центра Пушкинского заповедника.

(«Псковская правда», 28 мая; «Лесная промышленность», 8 июня).

XIX Всесоюзный Пушкинский праздник прошел по городам и селам нашей страны. 1 июня в Псковском областном драматическом театре им. А. С. Пушкина состоялось торжественное заседание, посвященное открытию Пушкинского праздника. В торжествах на псковской земле приняли участие писатели из разных городов и республик страны, а также из Болгарии, ЧССР, ГДР, Польши, Румынии, Кубы, Югославии, Никарагуа, ФРГ, Испании, Японии, Мексики, Южной Африки. 186-я годовщина со дня рождения А. С. Пушкина широко отмечалась в Москве, Ленинграде, Пушкине, Горьком, Болдине, Калининe, Бернове, в Оренбуржье, Иркутске, Тюмени, Новосибирске, в Молдавии и Грузии. Экспозиция «А. С. Пушкин и его время в изобразительном искусстве XIX—XX веков» была открыта в Центральном выставочном зале г. Ленинграда. В центре Вологды был установлен памятник поэту.

(«Псковская правда», 2 июня; «Горьковская правда», 2 июня; «Восточно-Сибирская правда», 2 июня; «Правда», 4 июня,

5 июня; «Литературная газета», 5 июня; «Советская культура», 5 июня; «Вечерняя Москва», 6 июня, 7 июня; «Вечерний Новосибирск», 6 июня; «Советская Молдавия», 6 июня; «Ленинградская правда», 6 июня; «Литературная Россия», 7 июня; «Вечерний Тбилиси», 6 июня; «Красный Север», 7 июня; «Правда Севера», 9 июня).

В Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР открылась XXVIII Пушкинская конференция.

(«Вечерний Ленинград», 3 июня).

В Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР начата работа над академическим Полным собранием сочинений Пушкина, которое планируется завершить к 1999 г. (200-летию со дня рождения поэта).

(«Ленинградская правда», 7 июня; «Советская культура», 8 июня; «Псковская правда», 11 июня; «Литературная Россия», 14 июня; «Литературная газета», 24 июля).

Состоялась премьера телепередачи «В мире пушкинской поэзии». Автор и ведущий — доктор филологических наук Ю. М. Лотман.

(«Литературная Россия», 6 августа).

В Бузулуке установлен бюст А. С. Пушкина, созданный скульптором Г. Чистяковым.

(«Южный Урал», 7 августа).

В Пушкинских Горах открылась 28-я выставка художественных произведений студентов-репинцев, посвященная Святогорью.

(«Советская Россия», 17 августа).

В Пушкинских Горах состоялись традиционные Пушкинские чтения.

(«Советская Россия», 22 августа).

В Музее А. С. Пушкина в селе Большое Болдино Горьковской области состоялись XV Болдинские чтения.

(«Комсомольская правда», 25 сентября; «Литературная Россия», 27 сентября).

В Ленинграде впервые исполнена кантата Л. Десятникова «Пинежское сказание о дуэли и смерти Пушкина».

(«Советская культура», 19 октября).

В г. Трубчевске Брянской области в честь А. И. Галича (Говорова), лицейского учителя Пушкина, установлена мемориальная доска.

(«Смена», 17 октября).

Т. Л. Модзалевская и И. Б. Городецкая преподнесли в дар Всесоюзному музею А. С. Пушкина свои коллекции материалов, связанных с именем поэта.

(«Вечерний Ленинград», 19 октября).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Александр I. Рисунок в альбоме Ел. Н. Ушаковой. 1829. (ПД, № 1723, л. 31). Воспроизводится впервые.
(Каталог, № 8). (С. 74).
 2. Алексеев Н. С. Рисунок на форзаце первой масонской тетради с росчерками и пометой «27 мая 1822 Кишинев». (ПД, № 834, форзац).
(Каталог, № 18). (С. 76).
 3. Бенкендорф А. Х. Рисунок на листе с черновиками стихотворений «Бесы» и «Стрекотунья белобока». 1829, сентябрь—ноябрь. (ПД, № 841, л. 121 об.).
(Каталог, № 52). (С. 82).
 4. Брюллов К. П. (?) А. Мицкевич (?). Рисунок в записной книжке 1828—1835 гг. После мая 1836 г. (ПД, № 840, л. 100 об.).
(Каталог, № 69). (С. 85).
 5. Автопортрет в образе зрителя похоронной процессии в автоиллюстрации к повести «Гробовщик». 1830. (ПД, № 997, л. 3 об.).
(Дополнения к Каталогу автопортретов, № 1). (С. 87).
 6. Рисунок печати И. А. Ганнибала конца XVIII в. (С. 142).
 7. Рисунок печати Ганнибалов XIX в. (С. 144).
 8. Три вида герба Лефортов. (С. 149).
 9. Печатка Ф. Я. Лефорта 1694—1697 гг. (С. 150).
-

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абашидзе И. В. 47
 Абрамович С. Л. 57
 Абызова Е. Н. 47
 Август (Кай Юлий Цезарь Октавиан), имп. римский 108
 Август II Фридрих, король польский 147
 Авилова О. 68
 Аврелий Виктор 169
 Агабабян А. С. 47
 Агафонов А. 47
 Агранович С. З. 47
 Ажгихина Н. 47
 Айвазовский И. К. 56
 Акимов В. 47
 Александр I 12—13, 71—74, 158
 Александр Ярославович Невский 142, 145
 Александра Федоровна, имп. 74
 Александров Николай, арап 9
 Александрова Евг. Н. 9
 Александрова Евд. Н. 9
 Александрова Т. Г. 181
 Алексеев В. М. 47
 Алексеев М. П. 33, 35, 39, 40, 51, 126, 128, 130, 136—138
 Алексеев Н. С. 74—76
 Алешкевич А. А. 47
 Альбрехт Ек. Г., урожд. Башота 75, 86
 Альми И. Л. 47, 49
 Альтшуллер М. Г. 94
 Алянский Ю. Л. 48
 Амвросий (Серебренников), архиепископ 130
 Анастасевич В. Г. 95
 Аникин А. В. 115
 Аникушин М. К. 48
 Анисимов Е. В. 161
 Анна Ивановна, компаньонка Раевских 76
 Анненков П. В. 30, 48, 104, 161
 Антоний Марк 169
 Апучин Д. Г. 159
 Аракчеев А. А. 77
 Арбузов А. П. 164
 Аристов В. В. 48
 Арина Родионовна см. Яковлева А. Р.
 Аринштейн Л. М. 51
 Ариосто Л. 132
 Арсенин Д. Д. 183
 Артамонов Н. 157, 158
 Артамонов С. Д. 41
 Архангельский А. Н. 48
 Асафьев Б. 48, 49
 Асеев Н. Н. 48
 Асланова Г. П. 51
 Ауэзов М. 48
 Ахматова А. А. 3, 166—174
 Ахметов М. З. 48
 Ашимбаева Н. 61
 Бабаев М. М. 52
 Бабичев Н. Т. 127
 Багаев А. А. 52
 Баевский В. С. 48
 Байрон Дж.-Н.-Г. 28, 51, 77, 101, 110, 116, 132, 155
 Бакунина Ек. П. 78
 Баланеску-Россет В. 78
 Балог Г. П. 62
 Балш Т. 78, 79
 Бантыш-Каменский Н. Н. 126
 Баньковская М. В. 47
 Баратынский Е. А. 54, 79, 152, 156, 157
 Баринов М. М. 48
 Баринова С. 48
 Барков Д. Н. 70, 79, 80
 Барова Н. 48
 Барри Корнуолл см. Корнуолл Барри
 Бартепез П. И. 14, 137, 180
 Бархатов А. 56
 Басина М. Я. 48
 Басманов А. 65

- Батюшков К. Н. 56, 80, 88, 91, 97
 Башмаков Ф. М. 80
 Безденежных М. 49
 Безродный М. В. 59
 Бекедин П. В. 117
 Белая Е. В. 49
 Белецкий А. И. 52, 66
 Белинский В. Г. 49, 65, 66, 108, 115
 Белкин Д. И. 49, 51
 Белоногова В. Ю. 54
 Белый А. (псевд. Б. Н. Бугаева) 59
 Белькинд В. 49
 Бельская Л. Л. 49
 Беляев М. Д. 69, 70, 73, 75, 77—84, 88, 175, 177, 180
 Беляева Г. 49
 Беляевы (братья) 164
 Беляк Н. В. 3, 32
 Бенедиктов В. Г. 60, 65, 81
 Бенкендорф А. X. 81, 82
 Бенуа А. Н. 52
 Беранже, кондитер 67, 182
 Берг Ф. Ф. 159
 Берггольц О. 52
 Бердичевский В. 49
 Берковский Н. Я. 49
 Бернаскони Л. 49
 Бестужев А. А. (псевд. — А. Марлинский) 79, 81—83, 163
 Бестужев М. А. 166
 Бестужев Н. А. 83, 166
 Бестужев П. А. 166
 Бестужев-Рюмин М. П. 165, 166
 Бибрус см. Бобров С. С.
 Вилибин И. Я. 63
 Вильбасов В. А. 11
 Витов А. 49
 Благой Д. Д. 112
 Бларамберг Е. И. 83
 Блок А. А. 59
 Блок Г. П. 119
 Бобров С. С. (Бибрус) 92
 Богач Г. Ф. 49, 75, 78, 79, 84, 86, 138
 Богачева И. 182
 Богданов Л. П. 16
 Богданова О. 50
 Боккаччо Дж. 138
 Бологовский А. Н. 17
 Болговский Д. Н. 56
 Бомарше (Beaumarchais) П.-О. К. де 32—46, 84
 Бонди С. М. 50, 116
 Бонфельд М. Ш. 50
 Борисова Н. А. 51
 Боровский Я. М. 127
 Бортневский В. Г. 157, 160, 161
 Бочаров С. Г. 50
 Бошняк А. К. 84
 Бродский Н. Л. 20, 116
 Бройтман С. Н. 50
 Бруни Ф. А. 175
 Брут Марк Юний 108, 128
 Брюллов А. П. 84
 Брюллов К. П. 61, 84—86, 176
 Бужор, гайдук 75, 86
 Букалов А. М. 50
 Булгаков М. А. 49, 65
 Булгарин Ф. В. 67, 86, 129
 Бурнашев В. П. 180
 Бурсов Б. И. 50
 Бурцов И. Г. 86
 Бушмин А. С. 55
 Бэйли (Bayley) Дж. 115
 Бэлза И. Ф. 50, 64
 Бялик Б. 50, 60
 Ваншенкин К. Я. 50
 Варфоломей Е. К. 79
 Васильев Г. Н. 50
 Вацуро В. Э. 39, 50, 62, 171
 Великопольский И. Е. 109, 152, 157
 Венгеров С. А. 73, 79, 82, 84, 87, 88
 Венгранович М. А. 59
 Веневитинов Д. В. 50
 Венецианов А. Г. 176, 177
 Вениамин (Пуцек-Григорович В. Г.), архиепископ 123
 Вергилий (Публий Вергилий Марон) 112, 132
 Вересаев В. В. 50
 Ветшева Н. Ж. 50
 Вигель Ф. Ф. 16, 157
 Виленчик Б. Я. 51
 Вильер Н. 51
 Виноградов В. В. 98
 Виноградов Л. 6
 Виноградов О. 182
 Винья А. де 132, 133
 Виролайн М. Н. 3, 32
 Витгенштейн П. X. 110
 Владимиров К. 68
 Владимиров П. В. 117
 Воейкова М. М. см. Пушкина М. М.
 Волгина Г. 183
 Волегов Вас. 60
 Волков, губернатор казанский 122
 Волков Г. Н. 51
 Волков Д. В. 11
 Волконская М. Н., урожд. Раевская 70
 Волконский Д. П. 13
 Волконский С. Г. 153
 Володин В. 59
 Вольперт Л. И. 45, 49, 51, 138
 Вольтер (подлинное имя — Ф. М. Аруэ) 39, 134—136
 Вольф, кондитер 67, 182
 Вольф Ф. Б. 81
 Вольховский В. Д. 161
 Воронцов М. С. 73, 102
 Воронцова Е. К., урожд. Браницкая 76, 99, 101
 Врангель Ф. П. 162, 164, 166

- Вревская Е. Н., урожд. Вульф 52
 Вуич Л. 68
 Вульф Ал. Н. 101—103
 Вульф Ан. Н. 100, 101, 104
 Вышеславцев М. С. 7
 Вяземская В. Ф., урожд. Гагарина 83
 Вяземские 141, 151, 176
 Вяземский П. А. 8, 29, 30, 47, 60, 63,
 65, 70, 94, 110, 111, 134, 152—154,
 156, 176
- Гайдн И. 46
 Гайдук В. К. 51
 Галактионов С. 119
 Галич (Говоров) А. И. 185
 Галушко Т. К. 51, 83
 Ганнибал А. П. 51, 141—143, 146—
 148, 150, 151
 Ганнибал А. С. 147
 Ганнибал В. П. 145
 Ганнибал Иван А. 12, 142—146, 151
 Ганнибал Иосиф А. 143
 Ганнибал Исаак А. 143
 Ганнибал М. П. 145
 Ганнибал Н. О. см. Пушкина Н. О.
 Ганнибал П. А. 67, 143—145, 151
 Ганнибалы 140, 143—146, 150, 151
 Гаспаров Б. М. 42, 45
 Гвоздицкий В. 59
 Гдалин А. Д. 61
 Гейченко С. С. 51
 Гельвецкий К. А. 36
 Гендриков А. А. 9
 Георгиевский Г. П. 73, 88
 Герштейн Э. Г. 167, 168, 170, 171, 174
 Гесиод 127
 Гессен А. И. 71, 113
 Гессен С. И. 72
 Гесслер А. 63
 Гете И.-В. 132, 134
 Гика Е. 84
 Гиллельсон М. И. 62, 132
 Гинкас Кама 59
 Гиппиус Г. 176
 Гиспон Р. 127
 Глазунов И. П. 92
 Глебов Ф. 67
 Глебова Г. С. 68
 Глинка В. М. 51
 Глинка М. И. 48
 Глинка Ф. Н. 82
 Глухов В. И. 52
 Глюк К. В. 46
 Гнедич Н. И. 75, 130, 136
 Гнутов В. П. 52
 Гоголь Н. В. 50, 55, 58, 61, 66
 Голенищев-Кутузов П. И. 94
 Голицын Б. А. 6
 Голлербах Э. Ф. 175, 177, 180
 Голованова Т. П. 52
 Головин В. В. 94
- Голубцов В. В. 152
 Гомер 127, 128, 132, 134
 Гончарова А. Н., в замужестве бар.
 Фризенгоф 74
 Гончарова Н. Н. см. Пушкина Н. Н.
 Гончаровы 183
 Горадий Квинт Флакк 105—108
 Городецкая И. Б. 185
 Городецкий Б. П. 112
 Горчаков А. М. 70
 Горчаков В. П. 157
 Горький А. М. 61, 183
 Горьев Р. 182
 Гофман М. Л. 27
 Грабарь И. Э. 177
 Грановская Н. И. 52, 62, 77
 Графов см. Хвостов Д. И.
 Грачева А. Д. 52
 Грехнев В. А. 52
 Греч Н. И. 49, 129
 Гречихова Ю. 52
 Грибоедов А. С. 55, 117
 Григорьев А. А. 66
 Григорьева Е. Н. 52
 Григорян Э. А. 57
 Громбах С. М. 102, 105
 Грот Я. К. 119, 161
 Губова Г. М. 52
 Гудков С. 52
 Гудович А. В. 11
 Гуж Олимпия де 41
 Гуковский Г. А. 62, 112, 115
 Гуллакян С. 138
 Гульченко В. 52
 Гуменная Г. Л. 49
 Гура В. В. 57
 Гусятникова Г. Г. 52
 Гушо О. Р. 52
 Гюго В.-М. 116, 132, 133
- Давыдов В. Л. 111, 128
 Давыдов Д. В. 60, 65, 70, 71, 80, 83
 Давыдов И. И. 130
 Давыдов Ю. 162—165
 Давыдова А. А. 70
 Даль В. И. 61
 Дамиан Л. 52
 Данте Алигьери 46, 132—134
 Дапонте Л. 171
 Даргомьжский А. С. 48
 Дашкова Е. Р. 11
 Дворников Е. И. 52
 Декарт Р. 132
 Делиль Ж. 130, 136—138
 Делорм М.-А.-Г. 133
 Дельвиг А. А. 25, 59—61, 65, 70, 116,
 117, 152
 Дементьев М. А. 60
 Державин Г. Р. 93
 Державин К. Н. 41
 Десятников Л. 185

Джербашян Э. 53
Дидло Ш.-Л. 86
Дмитриев И. 122, 123
Дмитриев И. И. 7, 92, 118
Дмитриева Е. Е. 53
Дмитриева С. 68
Дмитрий Самозванец см. Лжедмитрий I
Добринская Л. Б. 53
Добролюбов Н. А. 116
Довгий О. Л. 49
Долгинин М. 182
Долгоруков И. А. 86
Долгоруков И. М. 16
Долгоруков П. И. 157
Долгоруков Я. Ф. 88
Долинина Н. Г. 53
Домогацкий В. 51
Доризо Н. К. 53
Дормидонтов Р. 53
Достоевский Ф. М. 113, 167, 183
Друц Е. 63
Дубровин Н. Ф. 121
Дудочкин П. П. 51
Дьяконов И. М. 21, 29
Дюсис Ж.-Ф. 136

Екатерина II 9—11, 77, 121, 122, 130, 182

Елагина А. П., урожд. Юшкова, в первом замужестве Киреевская 176

Елизавета Петровна, имп. 141—143

Елиферова Е. 53
Елкин В. Г. 53
Енишерлов В. П. 51, 53
Есипова О. 49

Жилякова Э. М. 53
Житова В. Н. 177, 178
Жуйкова Р. Г. 3, 51, 53, 62, 69, 73, 74, 80, 81, 83, 86—88
Жук А. А. 54
Жуковский В. А. 25, 55, 57, 63, 117, 130, 135, 136, 139, 157, 175—178
Журавлев Д. Н. 54, 65

Заборов П. Р. 135
Завадская Е. 68
Завалишин Д. И. 163, 166
Загвозкина В. Г. 54, 79
Загорский М. П. 117
Загоскин М. Н. 86
Загряжские 152, 153
Загряжский А. И. 147
Зайцева В. В. 3, 47, 51
Зальгин С. П. 55
Западов А. В. 97
Заславский И. Я. 57

Званцева Е. П. 54
Зенгер Т. Г. см. Цявловская Т. Г.
Зильберштейн И. С. 83, 88, 175, 176, 178, 180
Зименко Е. 68
Зимомяр Н. И. 54
Зингер Г. С. 182
Злочевская А. 54
Золотова Н. Н. 54
Зражевская А. В. 51
Зуева Т. В. 54

Ибрагимов М. 54
Иванникова В. 54
Иванов Вс. Н. 54
Иванов И. 182
Иванов Капитон, арап 9
Иванов П. 140, 147
Иванова Е. М. 54
Иванчин Н. Д. см. Иванчин-Писарев Н. Д.
Иванчин-Писарев Н. Д. 93
Иезуитов А. Н. 54
Иезуитова Р. В. 3, 19, 62, 157—159
Измайлов В. В. 91
Измайлов М. М. 10
Измайлов Н. В. 51, 119, 146
Инзов И. Н. 65, 111
Иовва И. Ф. 54, 158
Ионин Г. Н. 139
Ипсиланти (Ipsylanti) К. 109
Исаев Е. А. 54
Исаев Н. 55
Исакова Н. 59
Искрин М. Г. 55
Итина О. М. 54

Каверин П. П. 82
Каганов Г. 68
Казаков М. Ф. 5
Калев С. 64
Каменев Г. П. 48
Камознс Л. 134, 135
Кантакузин Г. М. 75, 86
Кантакузина Ел. М., урожд. Горчакова 75
Карамзин Н. М. 53, 57, 64, 116—118, 127, 129—132, 139
Карлова Э. 55
Карпенко А. И. 55
Карпов А. А. 55, 58
Кассий Кай 108
Кастера Ж. (Castéra) Ж. де 10, 11
Катакази Е. К., урожд. Ипсиланти 76
Катенин П. А. 64
Кац Б. А. 45, 51
Каченовский М. Т. 108
Квашнин-Самарин П. А. 140
Квеселевич Д. И. 63

- Квируга Антонио 158, 159
 Кедров Б. 59
 Кер-Портер Р. 64
 Керн А. П., уржд. Полторацкая 51, 52, 100—104
 Керцелли Л. Ф. 81, 88
 Кесарь см. Цезарь Гай Юлий
 Кибальник С. А. 55, 60
 Кинг Ч. 147
 Киндякова Е. П. (Запретная Роза), в первом замужестве Лобанова-Ростовская, во втором — Пашкова 152, 153, 155, 156
 Киренский О. А. 174, 179, 181
 Киреевская А. П. см. Елагина А. П.
 Кирпотин В. Я. 56
 Кирсанова Л. П. 68
 Кисловский А. Ф. 178
 Китаев М. 182
 Китаенко Д. 59
 Кишкин Л. С. 55
 Клемке В. 49
 Клеопатра 168—173
 Клипиницер М. С. 55
 Клодт Г. 51
 Клошток Ф.-Г. 134
 Кобекин В. 51
 Козаков М. 55
 Козина Н. А. 55
 Козлов И. И. 116
 Козакова А. И., уржд. Бегичева 52
 Коломинов В. 55
 Колосова А. М., в замужестве Каратыгина 78, 80
 Кольчев С. А. 140
 Кольридж С.-Т. 139
 Комаров Н. И. 158
 Комарович В. Л. 121
 Кононыхина В. 52
 Констан де Ребек Б. 167, 173
 Константина-Витт Н. Г. 55
 Коонен А. Г. 66
 Копылов В. 68
 Копытовский В. 55
 Корнель П. 132
 Корнилович А. О. 165
 Корнуолл (Cornwall) Барри (псевд. Б.-У. Проктера) 49
 Коровин В. И. 55
 Королева Н. В. 163
 Коротов Я. Ф. 145
 Коротова К. Я. 145
 Косичкин Феодилакт (псевд. А. С. Пушкина) 129
 Косовский А. А. 182
 Котельников В. А. 68
 Кошелев В. А. 56
 Краваль Л. А. 70, 72, 74—84, 86—88
 Краснов А. П. 56
 Краснов Г. В. 49, 60, 62, 116
 Красухин Г. Г. 56
 Криптоф Е. 56
 Кромвель (Cromwell) О. 132, 133
 Кропотов А. Ф. 95
 Крылов И. А. 132
 Крыстева Д. Н. 56
 Крюкова А. М. 58
 Кубатиева Н. 56
 Кузнецов Ю. 57
 Кузнецова А. А. 56, 65
 Кузнецова И. А. 56
 Кузьмина Л. И. 62
 Кукурян И. Л. 56
 Кулагин А. В. 49, 56
 Кулешов В. И. 56, 60
 Куликов С. М. 177, 178
 Кульман Н. К. 158
 Кулябко Е. С. 120
 Кумсишвили Д. И. 56
 Кунин В. В. 53, 163, 164
 Куницын А. П. 60
 Купала Янка (псевд. И. Д. Луцевича) 54
 Куприянова Н. И. 54
 Куркова Б. А. 85
 Курочкина Г. Г. 51
 Кутузов М. И. 15
 Кюхельбекер В. К. 88, 130, 131, 161—164
 Кюхельбекер М. К. 163
 Лавров В. 56
 Лагарп (la Harpe) Ж.-Ф. де 33, 39
 Лазурский В. В. 56, 57
 Ланжерон Е. А. 84
 Лапин Б. Ф. 57
 Лапченко В. 50
 Лапис А. 57, 85
 Левин М. З. 54
 Левин Ю. Д. 57
 Левина Ю. И. 54
 Левичева Т. И. 111
 Левкович Я. Л. 51, 62, 77, 88, 109, 111
 Левченко В. 57
 Левшин А. И. 52
 Леец Г. А. 143, 147
 Лемонте П.-Э. 132
 Ленин В. И. 54
 Ленина Л. И. 57
 Леонидов Л. Л. 174
 Лермонтов (Lermontov) М. Ю. 50, 52, 55, 57, 61, 62, 65, 67
 Лернер Н. О. 75, 92
 Летурнер П. 136
 Лефорт Ф. Я. 148—151
 Лефорты 143, 149
 Лжедмитрий I (Дмитрий Самозванец) 129
 Либрович С. Ф. 174, 175, 179, 181
 Ливенцева Л. 57

- Линева И. Л. 174, 175, 177—179, 181
 Линева Л. И. 178
 Линева А. И. 178
 Липранди И. П. 64, 157
 Листов В. С. 49, 51, 127, 129
 Листовский И. 16
 Литке Ф. П. 162
 Лихачев Д. С. 55, 57
 Лобанов-Ростовский Д. И. 15—18
 Лобанов-Ростовский И. А. 152
 Лобанова-Ростовская Е. П. см. Кин-
 дякова Е. П.
 Ломоносов М. В. 130
 Ломунов К. Н. 64
 Лопатин В. В. 57
 Лопырева Е. 49
 Лотман Ю. М. 20, 29, 51, 56, 57, 68,
 90, 107, 116, 184
 Лузянина Л. Н. 57
 Лукомский В. К. 145—148, 151
 Луначарский А. В. 51
 Лунин М. С. 81
 Лурье С. Я. 138
 Лутковский Ф. С. 162, 163
 Львова М. 57
 Любарский Платон 126
 Любацкая Г. 57
 Любин О. 57
 Людовик XVI, король французский
 127
 Люцероде К. А. 66
 Мазья М. 58
 Майклсон Д. 64
 Майков Л. Н. 73, 136
 Маймин Е. А. 68
 Майорова А. С. 120
 Маковеев М. 60
 Макогоненко Г. П. 58, 113
 Маколей Т. Б. 139
 Максимович М. А. 84
 Макферсон Д. (Осснан) 136
 Малиновский А. Ф. 6, 7
 Малиновский В. Ф. 6
 Малиновский П. Ф. 6, 7, 12
 Малиновский Ф. А. 6
 Мальчукова Т. Г. 58
 Мамонов А. И. 59, 66
 Манн Ю. В. 64, 107
 Мануйлов В. А. 58
 Мардерштейг Дж. 57
 Маркс К. 114
 Мартынов Л. 58
 Мартынова Н. В. 58
 Марусин Ю. 182
 Марьянов Б. М. 58
 Матусевич В. А. 58
 Матюшкин Ф. Ф. 161—166
 Маяковский В. В. 48
 Медведев В. П. 58
 Медриш Д. Н. 58
 Мейлах Б. С. 59, 64, 81
 Мельгунов А. П. 11
 Мельникова Е. Г. 59
 Мерзляков А. Ф. 107, 108, 130,
 131
 Меркадий Харлампи 11
 Меценат Гай-Цильний 108
 Микеланджело Б. 46
 Миллер Г.-Ф. 120, 126
 Мильгид, афинский полководец
 110
 Милтон (Milton, Miltoni) Дж. 130—
 139
 Миних Б.-Х. 9
 Мирабо О.-Г.-В.-Р. 126, 128
 Мирза-Авакян М. Л. 59
 Миртемир (полное имя Миртемир
 Турсунов) 62
 Михайлов Г. К. 177
 Михайлов В. 62
 Михайлов Л. Д. 59
 Михайлова М. Б. 59
 Михайлова Н. И. 49, 53, 59, 119, 127,
 128
 Мицкевич А. 85, 168, 170
 Мишин В. 48
 Могилевская И. М. 59
 Модзалевская Т. Л. 185
 Модзалевский Б. Л. 6, 9, 12, 83, 84,
 111, 132
 Модзалевский Л. Б. 84, 89, 90, 91,
 96, 97
 Моисеева Г. Н. 11
 Мойер М. А. 176
 Мокрицкий А. Н. 176, 177
 Мокульский С. 41
 Моложавенко В. С. 68
 Мольер Ж.-Б. 29, 113, 132, 134, 171
 Монюшко С. 49
 Морвиле М. де 118, 119
 Морозов П. О. 95
 Москвичева Г. В. 49
 Моцарт В.-А. 33, 42, 45, 46, 52
 Мудров Ю. 62
 Муравьев А. З. 70, 80
 Муравьев М. В. 6, 9, 12
 Муравьев Н. М. 75, 82, 165
 Муравьев-Апостол М. И. 165, 166
 Муравьев-Апостол С. И. 71, 83
 Муравьева О. С. 59
 Мурьянов М. Ф. 59, 112, 138
 Мусин-Пушкин И. А. 31
 Мусина-Пушкина М. А., урожд. Уру-
 сова, во втором замужестве Гор-
 чакова 29—31
 Мусоргский М. П. 47, 48, 59, 64
 Мухина А. М. 62
 Мясников А. 59
 Мясоедова Н. Е. 59
 Мясоедова Н. К. 51

- Н. К. 59
 Набоков (Nabokov) В. В. 24, 25, 28, 116
 Навуходоносор II 114
 Нагибин Ю. М. 59
 Надеждин Н. И. (псевд. — Никодим Надоумко) 105—109
 Надоумко Никодим см. Надеждин Н. И.
 Назарова Г. И. 62
 Назарова Л. Н. 48
 Наполеон I Бонапарт 15, 36, 71, 73, 75, 177
 Нацокин П. В. 86, 180
 Невелев Г. А. 60, 70
 Невский Александр см. Александр Ярославович Невский
 Некрасов Н. А. 62, 63
 Нелидов В. И. 5, 7, 12
 Немировский И. В. 60
 Неплюев И. И. 122
 Неплюев И. Н. 145
 Непомнящий В. С. 50, 60, 65, 66, 68, 116
 Нессельроде К. И. 84
 Нечкина М. В. 157
 Никитин А. Г. 60
 Никишов Ю. М. 49
 Николай I 62, 67, 72, 119, 158—160, 162
 Никольский В. А. 60
 Никулина Г. 60
 Ниренбург Л. 60
 Новиков И. А. 60, 100
 Новиков Л. А. 60
 Новиков Н. И. 130
 Новикова Т. 182
 Новов С. 60
 Нольман М. Л. 50, 60, 127
 Нусинов И. М. 112, 115

 Ободовская И. М. 60
 Оболенский Е. П. 165
 Обухова Э. А. 174
 Овчинников Р. В. 60, 119
 Овчинникова С. Т. 48, 53, 60, 67
 Огарев Н. П. 57
 Огнев В. Ф. 60
 Одаховская И. 130
 Одинокоев В. Г. 56
 Одоевский А. И. 163, 164
 Одоевский В. Ф. 164
 Озеров Л. А. 58
 Окунцов В. 55
 Олеша Ю. К. 54
 Опекушин А. М. 64
 Оржицкий Н. Н. 163
 Орлов А. А. 129
 Орлов А. Ф. 73
 Орлов В. Н. 95, 97
 Орлов М. Ф. 88, 111, 157, 158, 160

 Орлова Ек. Н., урожд. Раевская 71, 76, 83
 Орловы 9
 Осипов И. 121—126
 Осипова П. А., урожд. Вындомская, в первом замужестве Вульф 55, 100—104, 157, 159
 Оспанов А. Л. 48, 61
 Оспан см. Макферсон Д.
 Охотин Н. Г. 48
 Охотников К. П. 88

 Павел I 13, 141
 Павленко-Камшилина В. 61
 Павлицева О. С., урожд. Пушкина 13, 17
 Павлов Г. 56
 Павлова Е. В. 61, 68
 Павлова Л. Я. 157
 Павлова Н. 61
 Павлов-Арбенин А. Б. 48
 Павлова-Арбенина Л. А. 48
 Папафлессос 78
 Паперный В. М. 59
 Парни (Parny) Э.-Д. де 136—138
 Паршенков А. 61
 Пасецкий В. М. 162—164
 Пашкова Е. П. см. Киндякова Е. П.
 Пашнина Г. В. 75, 76, 78, 84, 85
 Певзнер Л. И. 82
 Пекарский П. П. 120
 Переверзев Л. 64
 Перикл 110
 Песков В. 61
 Пестель П. И. 71
 Петина Л. И. 61
 Петр I 49, 56, 140, 145—148, 150, 151
 Петр III 9—11
 Петрищева И. А. 61
 Петров А. 182
 Петров В. В. 47
 Петров В. П. 130
 Петрунина Н. Н. 51
 Пирцхалова Г. А. 61
 Писарев А. А. 130
 Писарев Д. И. 66, 93
 Писахов С. Г. 61
 Пиччинни Н. В. 46
 Плаксина Д. М. 62
 Платонов А. П. 61
 Плевакин Б. 61
 Плетнев П. А. 99, 117, 180
 Плещеев И. Н. 140
 Плутарх 127, 128
 Погодин М. П. 67
 Покровский М. М. 135
 Полевой Н. А. 136
 Полиньяк Ж.-О.-А. М. 36
 Полковникова И. 61
 Полторацкий С. Д. 152, 154

- Полянский И. С. 120, 121, 123—126
 Пономарева Е. А. 68
 Понятовская С. 67
 Попелюхер И. Л. 61
 Попов А. А. 157
 Попов С. А. 121
 Порошин С. 121
 Порудоминский В. И. 61
 Поссельт (Posselt) М. 148, 150, 151
 Потанин Г. Н. 65
 Потоцкая С. К., урожд. Глявоне, в первом замужестве гр. Витт 78
 Потресов В. 63
 Прекин Г. 62
 Преображенский А. А. 60
 Прийма Ф. Я. 152, 154, 155
 Прожогин Н. П. 62
 Прокофьев С. С. 182
 Прокудин С. Б. 62
 Протасова Е. А. 176
 Пугачев В. В. 62
 Пугачев Е. И. 3, 68, 119—121, 123, 125, 182
 Пушкин А. Л. 6, 12
 Пушкин А. П. 6, 10
 Пушкин Б. А. 147
 Пушкин В. Л. 6—8, 11, 12, 84, 93, 95, 105, 106, 141
 Пушкин Л. А. 5—12, 55
 Пушкин М. Е. 11
 Пушкин Н. Л. 6, 7, 12
 Пушкин П. Л. 6, 7, 12
 Пушкин С. Л. 6—8, 11—18, 25, 84, 141
 Пушкин Ю. 50
 Пушкина А. Л. 6—8, 12
 Пушкина Е. Л., в замужестве Сонцова 6—8, 12
 Пушкина К. М., урожд. Вышеславцева 7
 Пушкина М. М., урожд. Воейкова 6
 Пушкина Н. Н., урожд. Гончарова 59, 60, 66, 172
 Пушкина Н. О., урожд. Ганнибал 12, 13
 Пушкина О. В., урожд. Чичерина 7, 8, 12, 13
 Пушкина О. С. см. Павлицева О. С.
 Пушкины 140, 143
 Пуцин И. И. 161—165
 Пуцин И. Н. 159
 Пуцин М. Н. 159, 160
 Пуцин Н. М. 159
 Пуцин Н. Н. 159, 160, 163
 Пуцин П. П. 159
 Пуцин П. С. 111, 157—161
 Пуцины 159
 Пьянов А. С. 62
 Рабинович М. Г. 62
 Радищев А. Н. 57, 60, 130—132, 134
 Раевские 76
 Раевский А. Н. 170
 Раевский Н. Н., младший 51, 82, 157
 Разин С. Т. 59
 Райнис Я. 62
 Рак В. Д. 163
 Ралли 54
 Раменские 60
 Расин Ж.-Б. 41
 Рассадин С. Б. 60, 65
 Рассовская Л. П. 47
 Растопчин Ф. В. см. Ростопчин Ф. В.
 Рафаэль (полное имя — Рафаэлло Санти) 46
 Рахманинов С. В. 55, 66
 Ревякин А. И. 6
 Рейнсдорп И. А. 123
 Рейсер С. А. 51
 Ржевские 140, 143, 151
 Ржевский А. А. 141
 Ржевский И. И. 147
 Римский-Корсаков Н. А. 48
 Рифматов см. Ширинский-Шихматов С. А.
 Рогинский А. 61
 Родионов Ю. 182
 Розен Е. Ф. 116
 Розенфельд А. З. 51
 Романов В. П. 166
 Романюк С. К. 3, 5, 10, 13, 51
 Ромм М. И. 182
 Ронина В. 67
 Россет А. О. см. Смирнова А. О.
 Ростовцева И. 57, 63
 Ростопчин Ф. В. 13, 14
 Ростопчина Е. П. 55, 152, 157
 Роткирх А. К. 147
 Ротшильд 113
 Рочестер Д. В. 133
 Руденская М. П. 163, 164
 Руденская С. Д. 163, 164
 Руммель В. В. 152
 Руссо И. Я. 79
 Рылеев К. Ф. 163—166
 Рыльский М. Ф. 63
 Рычков П. И. 120, 121, 125, 126
 Рычкова В. В. 153
 Рюльер (Ruhlière) К. 10, 11
 Саакянц А. 68
 Сабаев С. Б. 62
 Савыгин А. 62
 Сайтанов В. А. 62
 Салимова З. С. 62
 Салтыков Г. С. 94
 Салтыков-Щедрин М. Е. 60
 Сальери А. 35, 37—40, 42—46, 52
 Самарин Р. М. 130, 131, 135, 139
 Сандомирская В. Б. 20, 22
 Санти Ф. 140
 Сасина В. П. 63

- Саунин С. 63
 Сафа Махмуд Альван 63
 Сафонов Э. И. 47
 Сахаров В. И. 50, 63
 Свердлова И. 63
 Светенко А. С. 120, 126
 Свирин Ю. 182
 Северский Я. Г. 174
 Семевский М. И. 103
 Семенов О. 63
 Сенека Луций Анней (Старший) 127
 Сенци М. 130
 Сервантес де Сааведра М. 135
 Сергеев М. 63
 Сидеравичюс Р. 63
 Сидяков Л. С. 49, 62, 98
 Сижар Лаура 84
 Симанович Э. М. 54
 Симонов К. М. 62
 Скатов Н. Н. 63, 68
 Скачкова С. В. 63
 Скворцов И. В. 13
 Скобкина Л. 62
 Скотт В. 53, 59, 133, 139
 Смирдин А. Ф. 55
 Смирнов В. 182
 Смирнов Л. 68
 Смирнова А. О., уржд. Россет 30, 31, 53
 Смирнова О. И. 63
 Снытко Н. В. 63
 Собаньская К. А., уржд. Ржевуская, во втором замужестве Чиркович, в третьем Лакруа 71, 83, 84, 168—173
 Соболева Н. А. 140
 Соколов П. Ф. 66
 Соколова К. Я., уржд. Кирьякова 157
 Соколянский М. Г. 139
 Солнцев М. М. см. Сонцов М. М.
 Соловей Н. Я. 19—22, 29
 Соловьёва О. С. 86, 89
 Сонцов М. М. 7
 Сонцова Е. Л. см. Пушкина Е. Л.
 Сперанский М. М. 77
 Спешнев А. Н. 83
 Спивак Р. С. 63
 Стамати К. Ф. 78
 Стасов В. П. 5
 Стеблянко А. 182
 Стендаль (псевд. Анри Бейля) 49, 51
 Степанов В. П. 51
 Степанов Л. А. 105
 Степунин И. Г. 63
 Столбова М. 60
 Страхов Н. Н. 68
 Стрельникова Н. С. 63
 Строганов А. Г. 130
 Строганов М. В. 129
 Стуколин Л. П. 174
 Сурат И. З. 64
 Суржок А. И. 64
 Сурков Е. А. 58
 Сухоруков В. Д. 61
 Сытин П. В. 5
 Таиров А. Я. 66
 Тамарченко Н. Д. 64
 Тарасенко А. А. 68
 Тарковский А. 49
 Тартаковский А. Г. 52
 Тархов А. Е. 116
 Тархова Н. А. 49, 127, 129
 Татищев А. И. 15, 16
 Телетова Н. К. 147, 151
 Темирканов Ю. Х. 182
 Тепляков В. Г. 81
 Теробенина Р. Е. 88
 Тимашев А. Е. 153
 Тимашев Е. Н. 153, 155
 Тимашев Н. Е. 153
 Тимашев Н. И. 153
 Тимашева Е. А., уржд. Загряжская 152—157
 Тименчик Р. Д. 61
 Тимофеев Л. 64
 Титаренко Е. Я. 64
 Титель А. Б. 59
 Титов Н. 51
 Тихантовская А. З. 62
 Тихомирова С. 64
 Тихонов Н. 50
 Тодд А. С. 64
 Тойбин И. М. 64
 Толстой А. Н. 58
 Толстой И. Н. 64
 Толстой Л. Н. 64
 Толстой Ф. И. (Американец) 24, 102
 Толстой Я. Н. 80
 Томашевский Б. В. 49, 27, 84, 88, 89, 113, 136—138
 Томсон Дж. 95
 Торсон К. П. 166
 Тропинин В. А. 181
 Трубе Л. 64
 Трубецкой Б. А. 64, 158
 Трубецкой С. П. 84, 158, 165
 Тукай Г. 64
 Тунакова К. С. 64
 Турбин В. Н. 65
 Тургенев А. И. 64, 153, 156, 176
 Тургенев И. С. 65, 178, 180
 Тургенев Н. И. 165
 Тургенева В. П. 177
 Тургеневы (братья) 153, 156, 178
 Турков А. 65
 Тынянов Ю. Н. 65, 90, 132, 135
 Тэсс Т. Н. 65
 Тюльпинов Н. 65
 Тюнькин К. И. 49, 65
 Тюпа В. И. 49

- Уайл И. 64
 Ульяновский А. И. 12
 Ургант Н. 182
 Урнов Д. М. 64
 Урусов И. В. 147
 Усова Е. А. 68
 Уткин Н. И. 176
 Ушакова Ел. Н., в замужестве Киселева 73, 74, 83, 86
- Файбисович В. М.** 109
Файнштейн М. Ш. 51
Февчук Л. П. 62
Федин К. А. 65
Федоров Б. М. 95, 118, 119
Федоров И. М. 63
Федорова Е. 68
Федоровская Л. 65
Фейнберг И. Л. 65, 111
Фейнберг М. И. 65
Фемистокл 110
Фесенко Ю. П. 117
Фет А. А. 64
Фикельмон Д. Ф. 56, 66
Филатова Л. 182
Филипп Добрый, герцог бургундский 112
Фомин С. 65
Фомичев С. А. 24, 51, 55, 77, 89, 109, 157
- Фонвизин Д. И.** 91, 92, 94—97
Фрейман О. Р. 158
Фридлендер Г. М. 49
Фридман Н. В. 65
Фризман Л. Г. 174
Фрумкина А. И. 73, 77, 84—86
Фугтеры (банкиры) 114
- Хаев Е. С.** 51
Хазин М. Г. 65
Хализев В. Е. 49
Хвостов Д. И. 91—97
Хитрово Е. М., урожд. Голенищева-Кутузова, в первом браке Тизенгаузен 29, 30, 52, 63
Хихадзе Л. Д. 65
Холшевников В. Е. 65
Хохлов Алексей 180
Хохлов А. Н. 65
Хржановский А. Ю. 66, 68
Худошина Э. И. 68
- Цветаева М. И.** 55, 68, 172
Цезарь Гай Юлий (Кесарь) 128, 169
Цукер А. 66
Цыбульская А. 66
Цявловская Т. Г., урожд. Зенгер 66, 69—73, 75—84, 86—89, 108, 118
- Цявловский М. А.** 12, 17, 30, 65, 89, 94, 103, 110
- Чайковская О.** 68
Чайковский П. И. 48, 50, 52, 54, 59, 182
Чалый Д. В. 66
Чаренц Египше 47, 53
Чегодаев А. Д. 68
Чегодарь Н. 66
Черашняя Д. И. 66
Черейский Л. А. 51, 66, 157, 158
Черепов А. А. 122
Черкасова Г. А. 51
Черная Т. К. 66
Чернецкая Н. М. 62
Чернов А. Ю. 47, 71—73, 80, 82, 86, 87
Чернышев З. Г. 122
Чернышов А. М. 120
Чехов А. П. 49, 67
Чижов А. Г. 66
Чижов Н. А. 166
Чижова И. Б. 66, 84
Чистяков Г. 184
Чичерин А. 11
Чичерин А. В. 66
Чичерина О. В. 6, 10
Чудов В. 66
Чумаков Ю. Н. 47, 49
Чхеидзе А. И. 119
- Шадрин Н. Л.** 51
Шайтанов И. 65
Шакурин П. 146
Шаликов П. И. 94
Шаплен Ж. 134
Шарафадина К. И. 66
Шаталова Л. 66
Шатобриан Ф.-Р. де 131, 132, 134, 135, 139
Шведова О. 66
Швидковский Д. 68
Шевченко Л. 182
Шевченко Т. Г. 54, 66
Шекспир В. 132, 134, 136
Шелгунова Л. М. 67
Шелехов Ф. П. 14
Шелли П.-Б. 139
Шемеген Г. 66
Шендрик В. Н. 56
Шенк П. 148, 150
Шенья А.-М. де 53
Шенья М.-Ж. 136
Шергова Г. 60
Шеффер П. 52
Шешин А. Б. 163, 166
Шешунова С. В. 49
Шигина А. Н. 67
Шилов К. В. 48

Шимиллис Д. 61
Ширинский-Шихматов С. А. (Риф-
матов) 92, 134
Шишковы 55
Шляпкин И. А. 100
Шмаринов Д. А. 68
Шолохов С. Л. 67
Штейнпресс Б. 67
Шубин Б. М. 67
Шубин В. Ф. 67
Шур Л. А. 162—164
Шустрова Т. И. 67

Щеглов Ю. М. 61
Щекутов Г. И. 67
Щепкина-Куперник Т. Л. 35
Щербачев Ю. Н. 82
Щербачева А. И. 8
Щербинин М. А. 82
Щупинская А., урожд. Мелина 152
Щупинский 152

Эйдельман Н. Я. 55, 66, 67
Эльзон М. Д. 51
Эмерсон К. 64
Энгельгардт Е. А. 162—164, 180
Энгельс Ф. 114
Эсалнек А. Я. 67
Эфрос А. М. 69—87, 89

Ювенал Децим Юний 105
Югов А. К. 67

Юрьев Ф. Ф. 87
Юсуфов Р. Ф. 67

Ягодовская А. 67
Языков Н. М. 60, 65, 119, 129, 152,
157
Яковлев М. Л. 161
Яковлева А. Р. 77
Якубович А. И. 83
Якубович Д. П. 133
Якушева В. М. 53
Якушкин В. Е. 73, 89
Якушкин И. Д. 87
Яценко О. 67

Bauley J. см. Бэйли Дж.
Beaumontchais P.-A. C. de см. Бо-
марше П.-О. К. де
Castéra J. см. Кастера Ж.
Cornwall Barry см. Корнуолл Барри
Cromwell O. см. Кромвель О.
Dumon E.-L. 148
Ipsylanti см. Ипсиланти К.
Johnston Charles 57
la Harpe J. F. см. Лагарп Ж.-Ф. де
Lermontov M. см. Лермонтов М. Ю.
Milton; Miltoni I. см. Мильтон Дж.
Nabokov V. см. Набоков В. В.
Parny см. Парни Э.-Д. де
Posselt M. см. Поссельт М.
Quiring H. 115
Ruhlière C. см. Рюльер К.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА

Александр Радищев («В конце первого десятилетия царствования Екатерины II...») 57, 60

Альбом Онегина см. Евгений Онегин

Анджело, поэма 58

Андрей Шенье («Меж тем, как изумленный мир») 53

Анчар («В пустыне чахлой и скупой») 53, 60

«Арап Петра Великого» 49

Бахчисарайский фонтан 49, 54, 119

Бесы («Мчатся тучи, вьются тучи») 81, 82

«Благословен и день и час» («Фазиль-Хану. «Благословен твой подвиг новый») 73

Бова (Отрывок из поэмы) («Часто, часто я беседовал») 117, 131, 134—136

Борис Годунов, трагедия 47—49, 54, 59, 61, 64, 67, 126—129

Братья разбойники, поэма 75, 86

«Буря мглою небо кроет» см. Зимний вечер

«Был и я среди донцов» 68

«В надежде славы и добра» (Стансы) 58

«В славной, в Муромской земле» 117

«...Вновь я посетил» 50, 77, 170

«Во глубине сибирских руд» 51, 58

Вольность. Ода («Беги, сокройся от очей») 127, 128

Воспоминание («Когда для смертного умолкнет шумный день») 58

Воспоминания в Царском Селе («Навис покров угрюмой ночи») 77

«Все в жертву памяти твоей» 98, 100—102

Гаврицлиада, поэма 136—139

Генералу Пущину («В дыму, в крови, сквозь тучи стрел») 111

Герой («Да, слава в прихотях вольна») 51

Граф Нулин, поэма 49, 68

Гробовщик (Повести покойного Ивана Петровича Белкина) 50, 53, 70, 87

В. Л. Давыдову («Меж тем, как генерал Орлов») 128

19 октября («Роняет лес багряный свой убор») 161

«Дневник 1833—1835 гг.» («24 ноября. Обед у К. А. Карамзиной...») 169

Домик в Коломне, поэма 49, 65, 68

«Дубравы, где в тиши свободы» 72

Дубровский 63

Евгений Онегин, роман в стихах 3, 19—31, 47—53, 55—57, 62—64, 66—68,
73, 75, 77, 79—84, 107, 116—118, 134, 167, 169, 170

Египетские ночи 168

«Езерский» («Над омраченным Петроградом»), поэма 88

Желание славы («Когда, любовью и негой упоенный») 99

«Завидую тебе, питомец моря смелый» 76

«Зависть — сестра соревнования...» («Заметки и афоризмы разных годов») 132

Заметка о революции Ипсиланти см. Note sur la révolution d'Ipsylanti

«Заметки и афоризмы разных годов» см. «Зависть — сестра соревнования...»

«Заметки по русской истории XVIII в.» («По смерти Петра I движение...») 110

Зимний вечер («Буря мглою небо кроет») 50

Из Baggu Cognwall см. «Пью за здравие Мери»

Иностранке («На языке, тебе понятном») 78

История Пугачева 3, 119—121

История Пугачевского бунта см. История Пугачева

К*** («Зачем безвременную скуку») 171

К*** «Керн» («Я помню чудное мгновение») 100

К вельможе («От северных оков освобождая мир») 39

К другу стихотворцу («Арист! И ты в толпе служителей Парнаса») 92, 93

К моей чернильнице («Подруга думы праздной») 76

Кавказский пленник, повесть 74, 76

«Как сладостно!.. Но, боги, как опасно» 80

Каменный гость 47, 59, 167, 171—174

Капитанская дочка 52, 53, 55, 68, 133, 182

Кинжал («Лемносской бог тебя сковал») 128

«Колосовой» («О ты, надежда нашей сцены») 80

«Кто видел край, где роскошью природы» 86

«Кто знает край, где небо блещет» 29, 30

«Лаиса, я люблю твой смелый [вольный] взор» 72

Маленькие трагедии 39, 43, 59, 113, 169, 171

«Мальчишка Фебу гимн поднес» см. Эпиграмма

Медный всадник. Петербургская повесть 51, 55—59, 61—62, 64—65, 68, 93

«Мне жаль великия жены» 77

Моему Аристарху («Помилуй, трезвый Аристарх») 93

«Мой друг, уже три дня» 79

Моцарт и Сальери 3, 32, 33, 35, 39, 42, 43, 45, 46, 48, 50, 52, 53, 60, 115,
167

«Мы проводили вечер на даче...» 169

«На холмах Грузии лежит ночная мгла» 65, 77

Наполеон («Чудесный жребий совершился») 75

«Не угрожай ленивцу молодому» 73

«Недаром вы приснились мне» см. Подражания Корану

«Ненастный день потух; ненастной ночи мгла» 99

- <О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая»> 131, 132, 135,
 139
 О ничтожестве литературы русской («Долго Россия оставалась чуждою
 Европе...») 132
 О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова («Любители
 нашей словесности...») 132
 О Сальери («В первое представление Дон Жуана...») 35
 «Октябрь уж наступил — уж роща отряхает» см. Осень
 Опровержение на критики 179
 Осень (Отрывок) («Октябрь уж наступил — уж роща отряхает») 103
 Отрывки из писем, мысли и замечания 49

- Памятник см. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный»
 Песни западных славян 58
 Песни о Стеньке Разине 59
 Песнь о вещем Олеге («Как ныне собирается вещей Олег») 54
 Пиковая дама 48—52, 54, 59, 67, 182
 Повести покойного Ивана Петровича Белкина 49, 51
 «Повесть из римской жизни» («Цезарь путешествовал...») 169
 Подражания Корану 24, 77
 «Позволь душе моей открыться пред тобою» 73
 Полтава, поэма 20, 62, 65, 79, 106, 107, 109
 Последние цветы см. «Цветы последние милей»
 «Поэт-игрок, о Беверлей-Горадий» («На Великопольского») 108
 «Причинами, замедлившими ход нашей словесности...» 78
 Пророк («Духовной жаждою томим») 51, 53, 58
 Путешествие в Арзрум во время похода 1829 г. 54, 66
 Путешествие Онегина см. Евгений Онегин
 «Пью за здравие Мери» (Из Bagu Cognac) 49

- Разговор книгопродавца с поэтом («Стишки для вас одна забава») 79
 «Русалка», драма 48, 49
 Руслан и Людмила, поэма 48—50, 54, 55, 72, 78—80, 86, 117, 118, 135

- «Свободы сеятель пустынный» 66, 129
 «Сказали раз царю, что наконец» («На Воронцова») 51
 Сказка о золотом петушке 48, 60, 63, 73, 85, 86
 Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях 48, 49, 63
 Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе
 Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди 48, 63
 Скупой рыцарь 3, 66, 67, 111—115
 Сожженное письмо («Прощай, письмо любви! прощай: она велела») 59
 Стансы см. «В надежде славы и добра»
 Стационарный смотритель (Повести покойного Ивана Петровича Белкина)
 49, 64
 Стихи на случай в позднюю осень присланных цветов к П. от П. О. см.
 «Цветы последние милей»
 Странник («Однажды странствуя среди долины дикой») 80
 «Стрекотунья белобока» 81, 82

- «Тазит», поэма 58
 Тень Баркова 91—93
 Тень Фон-Визина («В раю, за грустным Ахероном») 90—93, 95—97
 Торжество Вакха («Откуда чудный шум, неистовые клики?») 48
 Торжество дружбы, или Оправданный Александр Амфимович Орлов («По-
 среди полемики...») 129

«У лукоморья дуб зеленый...» см. Руслан и Людмила

Цветок («Цветок засохший, безуханный») 65

«Цветы последние милей» 103, 104

Эпиграмма («Мальчишка Фебу гимн поднес») 105—108

«Я вас любил: любовь еще, быть может» 53

«Я видел вас, я их читал» (К. А. Тимашевой) 152, 155, 156

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный» 25, 64, 179

«Я помню чудное мгновенье» см. К*** <Керн>

Eugene Oegin см. Евгений Онегин

Note sur la revolution d'Ipsylanti («Le hospodar Ipsylanti») 109, 110

<Note sur Penda-Déka> см. «Penda-Déka fut élevé à Moscou...»

«Penda-Déka fut élevé à Moscou...» (<Note sur Penda-Déka>) 109—111

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ, ПРИСЫЛАЮЩИХ СВОИ СТАТЬИ ВО «ВРЕМЕННОК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ»

1. Рукописи должны представляться в двух экземплярах, отпечатанными на машинке через два интервала (в том числе и подстрочные примечания). Нумерация подстрочных примечаний должна быть сплошной по всей статье.

2. Текст статьи должен представляться в окончательном виде. Изменения могут вноситься в корректуру только в исключительных случаях: когда они диктуются новыми научными данными.

3. Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам.

4. При библиографических ссылках в тексте и сносках необходимо давать следующие сведения: фамилию и инициалы автора, название работы, название и номер издания, место и год издания, номера страниц. При повторном упоминании работы в сносках дается сокращенное ее название (сокращения «указ. соч.» или «op. cit.» не допускаются).

5. Тексты сочинений и писем А. С. Пушкина цитируются по полному собранию его сочинений в 16 томах (1937—1949). Ссылки на это издание делаются с помощью римских и арабских цифр (см. с. 3—4) настоящего издания.

6. Ссылки на автографы А. С. Пушкина, хранящиеся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, даются сокращенно (см. там же).

7. Крупнейшие архивохранилища обозначаются сокращенно: ГБЛ (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва), ГИМ (Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Москва), ГПБ (Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград), ПД (Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, Ленинград), ЦГАЛИ (Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, Москва), ЦГАОР (Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва), ЦГАДА (Центральный государственный архив древних актов СССР, Москва), ЦГВИА (Центральный государственный военно-исторический архив, Москва), ЦГИА (Центральный государственный исторический архив, Ленинград) и т. п. За этими обозначениями следуют архивные шифры.

8. Фотографии представляются в двух экземплярах, отпечатанными на глянцевой бумаге с накатом. Они должны сопровождаться списком, в котором приводится подпись к каждой иллюстрации, указываются местонахождение оригинала, его шифр, датировка, размер.

9. Рукописи, не принятые редколлегией, обратно не возвращаются и не рецензируются.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	
С. К. Романюк. К биографии родных Пушкина	5
Р. В. Иезуитова. «Альбом Онегина». (Материалы к творческой истории)	19
Н. В. Беляк, М. Н. Виролайнен. «Там есть один мотив...». («Тарар» Бомарше в «Моцарте и Сальери» Пушкина)	32
II. ОБЗОРЫ	
В. В. Зайцева. Пушкиниана 1985 года	47
Р. Г. Жуйкова. Портретные рисунки А. С. Пушкина. Каталог атрибуций (А—Б)	69
III. ЗАМЕТКИ	
Из комментария к лирике Пушкина:	
Л. С. Сидяков. «Тень Фонвизина»	90
С. М. Громбах. «Все в жертву памяти твоей»	98
С. М. Громбах. «Цветы последние милей»	103
В. М. Файбисович. «Мальчишка Фебу гимн поднес»	105
Т. И. Левичева. К заметкам Пушкина о греческой революции	109
А. В. Аникян. Из реально-исторического комментария к «Скупому рыцарю»	111
Н. И. Михайлова. Из комментария к «Евгению Онегину»	116
А. С. Светенко. О некоторых источниках «Истории Пугачева»	119
М. В. Строганов. Еще раз о ремарке «Народ безмолвствует»	126
М. Г. Соколянский. К проблеме «Пушкин и Мильтон»	130
Н. К. Телетова. Герб Ганнибалов	140
С. А. Фомичев. Катерина Тимашева — поэтесса Пушкинской плеяды	152

В. Г. Бортневский, Е. В. Анисимов. Новые материалы о П. С. Пущине	157
А. Б. Шешин. Друг Пушкина Ф. Ф. Матюшкин — декабрист . . .	161
Э. А. Обухова, Л. Г. Фризман. Книга о Пушкине — неосуществленный замысел Анны Ахматовой	166
Т. Г. Александрова. Загадочный портрет	174

IV. ХРОНИКА

По страницам газет 1985 года	182
Список иллюстраций	186
Указатель имен	187
Указатель произведений А. С. Пушкина	198

Научное издание

ВРЕМЕННОК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ

В ы п у с к 23

*Утверждено к печати
Отделением литературы и языка
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Е. Г. Кацеева*
Технический редактор *Л. М. Семенова*
Корректоры *С. В. Добрянская, Н. Г. Каценко*
и *А. Х. Салтанова*

ИБ № 33380

Сдано в набор 27.06.88. Подписано к печати 16.01.89.
М-30016. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.

Усл. печ. л. 13, Усл. кр.-от. 13.24, Уч.-изд. л. 16.07.

Тираж 9300. Тип. зак. № 544. Цена 1 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука». Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

**КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ
В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА»,
В МЕСТНЫХ МАГАЗИНАХ КНИГОТОРГОВ
ИЛИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ**

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

117192 Москва, Мичуринский пр., 12.

Магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7.

Магазин «Книга — почтой»

Северо-Западной конторы «Академкнига»

*или в ближайший магазин «Академкнига»,
имеющий отдел «Книга — почтой»:*

480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);

370005 Баку, Коммунистическая ул., 51 («Книга — почтой»);

232600 Вильнюс, ул. Университето, 4;

690088 Владивосток, Океанский пр., 140 («Книга — почтой»);

320093 Днепропетровск, пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);

734001 Душанбе, пр. Ленина, 95 («Книга — почтой»);

375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;

664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);

420043 Казань, ул. Достоевского, 53 («Книга — почтой»);

252030 Киев, ул. Ленина, 42;

252142 Киев, пр. Вернадского, 79;

252030 Киев, ул. Пирогова, 2;

252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);

277012 Кишинев, пр. Ленина, 148 («Книга — почтой»);

**343900 Краматорск, Донецкой обл., ул. Марата, I («Книга —
почтой»);**

660049 Красноярск, пр. Мира, 84;

443002 Куйбышев, пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»);

191104 Ленинград, Литейный пр., 57;

199034 Ленинград, Таможенный пер., 2;

194064 Ленинград, Тихорецкий пр., 4;

- 220012 Минск, Ленинский пр., 72 («Книга — почтой»);
103009 Москва, ул. Горького, 19а;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076 Новосибирск, Красный пр., 51;
630090 Новосибирск, Морской пр., 22 («Книга — почтой»);
142284 Протвино, Московской обл., ул. Победы, 8;
142292 Пущино, Московской обл., МР «В», 1;
620161 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700000 Ташкент, ул. Ю. Фучика, 1;
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
700070 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700185 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
634050 Томск, Академический пр., 5;
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 Уфа, Коммунистическая ул., 49;
720000 Фрунзе, бульв. Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).